ШАМИЛЬ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

Изъ статей, посвященныхъ исторіи Кавказской войны, въ двадцати томахъ изданія „Русской Старины", между прочимъ, напечатаны:

Командиры Кавказской арміи, 1802—1812 гг. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1876 г., томъ XVII, стр. 630).

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, 1777—1861 гг. (изд. 1876 г., томъ XVII, стр 225—250).

А. П. Ермоловъ. Воспоминаніе М. Н. Похвиснева (изд. 1872 г., т. VI, стр. 475—492).

Донесенія и письма А. П. Ермолова: императору Александру I, графу Аракчееву, кн. Волконскому, кн. Паскевичу и др., 1812—1820 гг. (изд. 1872 г., т. VI, стр. 493—500).

Письма А. П. Ермолова къ П. А. Кикину, 1817 — 1832 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій (изд. 1872 г., т. VI, стр. 501—537).

Посольство А. П. Ермолова въ Персію въ 1817 г. Историческій очеркъ Ад. П. Берже (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 255—274; 389—427).

Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ, 1826 — 1827 гг. Сообщ. П. И. Вріони (изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726; т. VI, стр. 39—68 и 243—280).

Князь В. Г. Мадатовъ, 1826 г. (изд. 1872 г., т. VI, стр. 699). Кн. В. Г. Мадатовъ, 1826—1827 гг. Сообщ. кн-ня С. А. Мадатова (изд. 1873 г., т. VII, стр. 85—102).

Письма А. П. Ермолова: къ историку Устрялову, къ П. Н. Ушакову, къ дежурному генералу (изд. 1872 г., т. VI, стр. 431—544); къ Кучину (изд. 1874 г., т. IX, стр. 562); письмо къ Ермолову Н. Н. Муравьева и отвѣтъ кавказскаго офицера (изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—546); письма А. П. Ермолова къ кн. Бебутову 1835—1857 гг. (изд. 1872 г., т. V, стр. 431).

Знакомство съ Ермоловымъ, 1847 г. Сообщ. С. П. Храповицкій, (изд. 1872 г., т. VI, стр. 539—542).

Разсказъ о встрѣчѣ съ Ермоловымъ, В. Б. Хлопова (изд. 1874 г., т. X, ст. 198).

Кончина А. П. Ермолова (изд. 1875 г., т. XIII, стр. 150 и 452).

Генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау. Очеркъ военныхъ событій на Кавказѣ, 1818—1850 гг. (изд. 1874 г., т. XI, стр. 131—152; 499—515; изд. 1875 г., т. XII, стр. 544—554; изд. 1876 г., т. XV, стр. 144—162, 377—387, 645—658; т. XVI, стр. 351—382).

А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ, 1818—1828 гг. Статья Ад. П. Берже (изд. 1874 г., т. XI, стр. 276—300).

Князь М. С. Воронцовъ (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 983).

Взрывъ Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ, 22-го марта 1840 г. Очеркъ Ад. П. Берже (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 275).

Генералъ Фрейтагъ и его боевые товарищи. Три эпизода изъ исторіи Кавказа 1843 г. Сообщ. А. А. Волоцкой (изд. 1873 г., т. VII, стр. 815—842).

Діомидъ Пассекъ (изд. 1877 г., т. XIX, стр. 155).

Письма кн. М. С. Воронцова князю В. О. Бебутову, 1846—1853 гг. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VII, стр. 103—108 и 254—261).

Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ. Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина (изд. 1874 г., т. XI, стр. 99—114).

Николай Николаевичъ Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ, 1854—1856 гг. Статья Ад. П. Берже (изд. 1873 г., т. VIII, стр. 599—632).

Н. Н. Муравьевъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности (изд. 1874 г., т. X, стр. 139—151).

Н. Н. Муравьевъ. Изъ воспоминаній гр. Д. Е. Остенъ-Сакена (изд. 1874 г., т. XI, стр. 535—543).

Николай Петровичъ Колюбакинъ. Закавказье въ 1855 г. Сообщ. Ад. П. Берже (изд. 1876 г., т. XVII, стр. 317—342).

Печатаемый нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ Дневникъ пристава при военно-плѣнномъ Шамилѣ служитъ новымъ вкладомъ въ длинный рядъ статей о Кавказѣ, помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи. Подъ перомъ разскащика, нѣкогда грозный имамъ Чечни и Дагестана является довольно сварливымъ и слабымъ старичкомъ, обнаруживающимъ въ своемъ характерѣ всѣ черты, не всегда похвальныя, но столь присущія характеру кавказскаго горца. Въ своемъ домашнемъ и семейномъ быту плѣнный Шамиль далеко не тотъ, каковымъ мы его воображали себѣ, судя по долговременной борьбѣ съ Россіею, въ горахъ его роднаго Кавказа. Сойдя съ театра войны за кулисы обыденной, мирной жизни, Шамиль заставлялъ нерѣдко своего пристава сомнѣваться въ тѣхъ высокихъ дарованіяхъ, блестящихъ качествахъ ума и сердца, которыя ему издавна приписывали.

Авторъ „Дневника“, полковникъ П. Г. Пржецлавскій, по особому Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 23-го ноября 1861 года, назначенный приставомъ при военно-плѣнномъ Шамилѣ, прибылъ въ Калугу 1-го апрѣля 1862 года, и въ теченіе четырехъ лѣтъ находился при бывшемъ имамѣ. Въ эти четыре года онъ имѣлъ возможность вполнѣ изучить его нравъ, обычай, складъ ума и всѣ на-

клонности; вникнулъ въ его семейныя отношенія и—совершенно разочаровался въ его характерѣ. Еще въ бытность свою въ Дагестанѣ, читая газетныя статьи о Шамилѣ, авторъ „Дневника“ считалъ его исключеніемъ изъ всего рода кавказскихъ мусульманъ. „Въ этихъ статьяхъ,— говоритъ П. Г. Пржецлавскій въ предисловіи къ своему „Дневнику“,—почти на каждой страницѣ встрѣчались хвалы и панегирики достоинствамъ бывшаго имама; его признавали чуть не геніемъ мусульманскаго міра, человѣкомъ добродушнымъ, справедливымъ, щедрымъ на милостыни, безкорыстнымъ до незнанія счета деньгамъ; наконецъ, чуждымъ хитрости и фанатизма. Всѣ эти мнѣнія крайне ошибочны! Авторы статей смотрѣли на моего калужскаго плѣнника сквозь розовую призму. Не зная ни обстоятельствъ, сопровождавшихъ всѣ дѣйствія Шамиля въ его управленіи страною, въ которой: inter arma silent leges (гдѣ говоритъ оружіе, тамъ молчатъ законы), ни характера горцевъ—они черезъ-чуръ прикрасили героя своихъ разсказовъ и, обманываясь сами, ввели въ заблужденіе читателей“.

Нижеслѣдующіе разсказы о событіяхъ, сопровождавшихъ домашній бытъ Шамиля въ Калугѣ, какъ свидѣтельство очевидца, представляютъ самый полный характеристическій очеркъ бывшаго имама, портретъ котораго, гравюра на мѣди, приложенъ къ „Русской Старинѣ“, изд. 1877 г., томъ XVIII.

I.

Семейство Шамиля: Кази-Магометъ; Магометъ-Шафи; Абдурахманъ; Абдурагимъ; Омаръ-Мехтевъ; Шуанетъ; Зайдатъ.—Просьбы Шамиля объ отпускѣ его въ Мекку.—Расходы по содержанію дома бывшаго имама.—Невѣстка Шамиля: Аминатъ.—Семейныя распри по поводу отсылки ея въ Дагестанъ.—Замѣтка о мѣстности Тадъ-Бурты.—Дочери Шамиля: Написатъ и Фатиматъ.

1862 — 1863.

....Однажды, военно-плѣнный Шамиль обратился ко мнѣ съ просьбою объ исходатайствованіи разрѣшеніи начальства—отправить изъ Калуги на постоянное жительство зятьевъ его: Абдурахмана и Абдурагима, сыновей ефендія Джомалъ-Еддина-Кази-Кумухскаго, согласно ихъ желанію, въ Дагестанъ.

Абдурахманъ и Абдурагимъ, съ своей стороны, неоднократно просили меня секретно предоставить имъ возможность выѣхать изъ Калуги и поступить на дѣйствительную службу въ ряды русской кавалеріи. Зная характеръ горцевъ, всегда готовыхъ отка-

заться отъ того сегодня, чего хотѣли вчера, я въ этомъ случаѣ не смѣлъ безпокоить начальство ходатайствомъ объ исполненіи обоихъ домогательствъ, и результатъ оправдалъ мою выжидательную систему.

Причиною вышесказанныхъ просьбъ были семейныя несогласія, для разъясненія которыхъ я долженъ распространиться о домашнемъ бытѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи нашего плѣнника.

Въ домѣ Шамиля существуютъ двѣ партіи, а именно такъ называемая «Джомалъ-Едиповская», во главѣ которой стоитъ жена имама Заидатъ, поддерживаемая двумя родными братьями: Абдурахманомъ и Абдурагимомъ, и партія сыновей Шамиля—пасынковъ Заидатъ: Кази-Магомета и Магомета-Шафи [1]). Обѣ эти партіи другъ передъ другомъ стараются захватить въ свои руки власть надъ слабымъ по характеру и до смѣшнаго неумѣющимъ располагать своею волею, Шамилемъ... Вліяніе Заидатъ надъ мужемъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, такъ велико, что Кази-Магометъ и Магометъ-Шафи всегда остаются на заднемъ планѣ, въ роли обиженныхъ и признающихъ, что имъ невозможно бороться съ женщиною, которая, умѣя держать въ рукахъ своихъ волю имама Чечни и Дагестана, не выпуститъ изъ нихъ воли и калужскаго плѣнника....

Шамиль въ Калугѣ, ведя жизнь въ самыхъ строгихъ правилахъ «шаріата», постоянно мечтая о выѣздѣ въ Мекку или Медину на жительство, если не съ сохраненіемъ получаемаго нынѣ отъ правительства содержанія, то хотя съ частью его, по мѣрѣ возможности избѣгаетъ сообщительности съ христіанами, одиноко читаетъ коранъ и другія религіозныя книги, совершаетъ абдесты, кричитъ въ свое время «Азамъ», призывая этимъ пѣніемъ свою семью къ «намазамъ», и очень рѣдко оставляетъ свой кабинетъ, въ который имѣетъ свободнѣйшій доступъ Заидатъ.

Послѣдователями столь строгаго образа жизни и прозелитами «мюридизма» онъ хотѣлъ бы видѣть не только членовъ своего семейства, но и всѣхъ горцевъ, послѣ высылки изъ Кавказа находящихся въ Калугѣ подъ надзоромъ полиціи. Между тѣмъ,

---

[1]) До вступленія моего на должность пристава, Магометъ-Шафи былъ уже принятъ въ Собственный Его Величества конвой—корнетомъ. П.

Абдурагимъ, какъ человѣкъ молодой, желая посѣщать общество и пользоваться свободою въ своихъ дѣйствіяхъ — свободою, хотя не выходящею изъ предѣловъ приличія, но далеко не согласною съ правилами строгаго «мюридизма», подвергается постояннымъ упрекамъ, выговорамъ, и со дня на день болѣе выказывающимся къ нему нерасположеніемъ Шамиля, который, при ожидаемомъ выѣздѣ въ «Святыя мѣста», не желалъ бы оставить ни въ Россіи, ни въ Дагестанѣ ни одного члена своей фамиліи, а тѣмъ болѣе такого члена, который предпочитаетъ «адатъ» «шаріату», и склоненъ превратиться въ презрѣннаго «мунафика!»... [1]).

Подозрѣніе въ неправильномъ и недобросовѣстномъ расходованіи отпускаемыхъ правительствомъ Шамилю на содержаніе 15 т. р. избраннымъ въ домашніе казначеи, братомъ Зайдатъ, Абдурахманомъ—подозрѣніе, высказанное предмѣстнику моему—Кази-Магометомъ, было причиною, что послѣ долгихъ словопреній и совѣтовъ, безъ которыхъ Шамиль не приступаетъ ни къ самому пустѣйшему дѣлу, онъ рѣшилъ, что напредъ деньги будутъ расходованы имъ самимъ; но рѣшеніе это, по видимому, не разъяснило подозрѣнія.... Устранивъ себя отъ вмѣшательства въ финансовыя дѣла Шамиля, я, не высказывая теперь въ отношеніи ихъ расходованіи своего мнѣнія, приведу собственныя слова Кази-Магомета:

— «Я очень сожалѣю,—говорилъ онъ,—что возбудилъ подозрѣніе на Абдурахмана! Съ отнятіемъ отъ него званія казначея и денегъ, дѣло расходованія ихъ стало еще темнѣе!... Книги на записку прихода и расхода не имѣется; кому нужны деньги на покупку того или другаго—лично является къ имаму, и онъ, не прерывая чтенія своей книги, машинально передаетъ ключъ отъ бюро, поручая взять оттуда потребную сумму. Вмѣсто пяти или десяти-рублевой депозитки, взять 25-ти или 50-ти рублевую нетрудно, потому что общаго итога наличной суммы имамъ никогда не знаетъ!... Ключъ отъ бюро вручается чаще Зайдатъ...»

Отзывъ этотъ ясно выказываетъ подозрѣніе, что предусмотрительная Зайдатъ, при жизни своего мужа, не упускаетъ удобнаго случая пріобрѣсти капиталецъ, который, не входя по смерти Ша-

[1]) Мунафикъ есть мусульманинъ, отвергающій правила проповѣдуемаго Шамилемъ и другими фанатиками «мюридизма» и придерживающійся «адата», т. е. древняго мѣстнаго обычая.

миля въ составъ общедѣлимаго между семействомъ наслѣдства, обезпечитъ ея собственныхъ дѣтей, конечно, въ ущербъ пасынковъ: Кази-Магомета и Магометъ-Шафи.

Вся семья Шамиля другъ другу не вѣритъ, другъ за другомъ присматриваетъ, и другъ другу старается подставить ножку. Шамиль, 25 лѣтъ успѣшно занимавшійся возбужденіемъ правовѣрныхъ къ священной противу насъ войнѣ, нынѣ занимается возстановленіемъ въ своей семьѣ мира—безъ успѣха.

Вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ Абдурагима о возвращеніи его на родину и завѣреній Кази-Магомета и Магомета-Шафи, что Шамиль готовъ дать согласіе на отъѣздъ Абдурагима и проситъ меня сдѣлать о томъ представленіе военному министру, я и тутъ, не довѣряя окончательному будто бы рѣшенію дѣла, собралъ семейный совѣтъ, и занялъ въ немъ кресло президента.

Запишемъ въ формѣ діалога вопросы и отвѣты по этому дѣлу, которое, какъ бы въ оправданіе моего недовѣрія, окончилось—ничѣмъ!... Оговариваюсь, что въ разговорѣ на кумыкскомъ нарѣчіи мѣстоименіе «вы» не употребляется; не смотря на лѣта и званіе, всѣмъ говорится «ты». Началъ я такимъ образомъ:

— Шамиль! зять твой Абдурагимъ заявилъ мнѣ желаніе быть отправленнымъ въ Дагестанъ. Въ теченіе почти двухъ недѣль, въ каждый почтовый день, являлись ко мнѣ твои посланные съ просьбою, то о составленіи представленія военному министру о возвращеніи Абдурагима на родину, то объ уничтоженіи составленныхъ уже о томъ докладовъ!... Покончимъ это дѣло за одинъ разъ!... Абдурагимъ, выскажи имаму свое желаніе...

Абдурагимъ. Я просилъ и прошу имама отпустить меня въ Дагестанъ, гдѣ намѣренъ поступить на службу.

Шамиль. Желаніе его мнѣ извѣстно. Не одинъ онъ хочетъ оставить меня — есть другой здѣсь стоящій человѣкъ, который также хотѣлъ бы выѣхать изъ Калуги...

Абдурахманъ. Если братъ Абдурагимъ поѣдетъ, то и я поѣду, если онъ останется—то и я останусь!...

Старшій сынъ Шамиля, по обыкновенію, подсказываетъ отцу, на непонимаемомъ мною лезгинскомъ нарѣчіи, отвѣтъ.

Шамиль. Я всегда говорилъ и говорю, что никого не на-

мѣренъ удерживать при себѣ, тѣмъ болѣе удерживать такую собаку, какъ Абдурагимъ!... Хотятъ ѣхать—пусть ѣдутъ; съ моей стороны насилія нѣтъ...

— И такъ, Абдурахманъ и Абдурагимъ, ваше намѣреніе оставить Калугу неизмѣнно?

Абдурахманъ и Абдурагимъ. Да; мы хотимъ непремѣнно ѣхать въ Дагестанъ.

— Ты, имамъ, что скажешь на это? спрашиваю вторично, чтобы не было недоразумѣній.

Шамиль. Я согласенъ!...

— Слѣдовательно, дѣло рѣшено?...

— Рѣшено! отвѣчалъ Шамиль, перебирая въ рукахъ четки и нашептывая молитву [1]).

За дверьми слышенъ говоръ женщинъ и плачъ Заидатъ, не желавшей, чтобы братья ея оставили домъ Шамиля.

Возвращаясь домой, я обратился къ провожавшему меня Кази-Магомету съ вопросомъ, какъ онъ полагаетъ, уѣдутъ ли потомки пророка Магомета изъ Калуги, или нѣтъ?

— Едвали, — отвѣчалъ спрошенный, — Заидатъ все передѣлаетъ!...

Такъ и случилось. Въ теченіе почти десяти дней шли переговоры, совѣты и секреты; переводчикъ Мустафа бѣгалъ ко мнѣ съ докладами: сегодня имамъ проситъ написать представленіе; завтра имамъ проситъ не писать представленія, и т. д. Наконецъ, вся семья Шамиля притихла, перемиріе состоялось. На долго ли?...

Въ чемъ же заключается желаніе Шамиля и всѣхъ членовъ его семьи?

Шамиль старается поддержать въ своемъ домѣ правила строгаго «мюридизма» и постоянно мечтаетъ о переселеніи, со всѣмъ своимъ семействомъ, въ предѣлы Блистательной Порты. Считая невозможнымъ просить о томъ прямо, онъ изыскиваетъ предлоги писать письма, то къ военному министру, то къ бывшему намѣстнику Кавказскому князю А. И. Барятинскому, косвенно напо-

[1]) Четки изъ кости, или изъ глины, имѣютъ 99 зернушекъ, именно то число, какое мусульмане даютъ прилагательныхъ эпитетовъ къ имени пророка Магомета, какъ, напримѣръ: добрый, милостивый, добродѣтельный, великій, и т. д. П.

миная имп о себѣ и о своемъ желаніи, которое онъ высказалъ лично въ бытность свою въ Москвѣ и Петербургѣ. Справедливость заставляетъ меня заявить, что въ одномъ калужскомъ домѣ Шамиля столько фанатизма — сколько его нѣтъ нынѣ во всемъ Дагестанѣ!... Для возбужденія къ себѣ сочувствія вліятельныхъ лицъ, на письмахъ своихъ калужскій плѣнникъ подписывался прежде: «Рабъ Божій, Шамуиль», потомъ: «Рабъ Божій, бѣдный Шамуиль», а теперь сталъ писать: «Рабъ Божій, бѣдный старецъ Шамуиль»[1]).

Казп-Магометъ, старшій сынъ Шамиля,—отъявленный фанатикъ, искусно маскирующійся въ обществѣ съ русскими, но для меня понятный. Желанія и поступки свои онъ слѣпо подчиняетъ желаніемъ отца. Впрочемъ, въ случаѣ выѣзда въ Мекку, сынъ имама едвали не попроситъ отпустить его по временному паспорту, для того, чтобы: если будетъ хорошо въ Турціи или Египтѣ, остаться тамъ; а не хорошо, — такъ возвратиться въ Россію, гдѣ онъ расчитываетъ получать отъ правительства огромный пенсіонъ. Болѣе знатные происхожденіемъ или дѣлами мусульмане, при переселеніи изъ нашихъ владѣній въ Турцію, предполагаютъ, что султанъ, обрадованный ихъ появленіемъ, возведетъ ихъ въ санъ пашей, назначитъ правителями отдѣльныхъ областей, и т. д.

Магометъ-Шафи, второй сынъ Шамиля, доволенъ настоящимъ. Въ немъ вовсе нѣтъ фанатизма, и онъ забылъ бы о его существованіи, если бы рѣже бывалъ въ отпускахъ, въ обществѣ отца и брата, отвергающихъ правило, что «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ».

Абдурахманъ, зять Шамиля, считающій себя «алимомъ» (ученымъ) и гордый происхожденіемъ отъ потомковъ пророка Магомета «Завиль-Курба»—фанатикъ въ душѣ и хитеръ до наглости. При полномъ убѣжденіи, что я хорошо знаю характеръ, обычаи и религіозныя постановленія магометанъ, онъ и меня старается иногда обмануть своими изворотливыми толкованіями и разсказами. Абдурахманъ не знаетъ на что рѣшиться: ѣхать ли съ имамомъ въ Мекку, или остаться въ Дагестанѣ? Разго-

[1]) Стихъ 39-й главы 76-й корана учитъ мусульманъ: «Если вы располагаете какой хитростью, то приводите ее въ исполненіе» (противу невѣрныхъ). Въ дѣлѣ интенціонализма, фанатики-мусульмане не уступятъ іезуитамъ. П.

воры его по этому предмету всегда полны заднихъ мыслей, могущихъ быть понятыми какъ вопросы: «Сдѣлаетъ ли меня турецкій султанъ сановникомъ?» или: «Если я захочу ѣхать въ Мекку, не предпочтетъ ли русское правительство оставить меня здѣсь, и зачислить на службу прямо офицеромъ, подобно Магомету-Шафи?» и т. д. Отрицательный отвѣтъ, что онъ не можетъ расчитывать ни на то, ни на другое—мучитъ тщеславнаго Абдурахмана.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше поѣду въ Турцію,—говоритъ онъ.

— Это еще вопросъ,—отвѣчалъ я ему. Если правительству будетъ угодно отпустить васъ въ Мекку, то это разрѣшеніе коснется только Шамиля и Кази-Магомета, какъ военно-плѣнныхъ, которымъ оказывается помилованіе. Ты же прибылъ съ имамомъ въ Калугу по своей доброй волѣ, и ни болѣе, ни менѣе, какъ житель Дагестана, а, слѣдовательно, долженъ подчиняться тѣмъ правиламъ, которыми тамъ руководствуются при увольненіи жителей въ Мекку;—по этимъ правиламъ, ты еще слишкомъ молодъ для того, чтобы сдѣлаться высокопочтеннымъ «гаджіемъ» [1]).

— Если я уѣду въ Дагестанъ,—сказалъ мнѣ однажды Абдурахманъ,—то поселюсь въ Гимрахъ (притонъ мюридизма). У имама тамъ есть домъ, фруктовые сады и пахатныя земли; онъ мнѣ ихъ подаритъ...

— Ну, это едвали быть можетъ,—отвѣчалъ я; Шамиль уже подарилъ это богатое имѣніе своей племянницѣ. (Казна выкупила его отъ прапорщика Исалъ-Магомета, за 200 р., и желая удовлетворить просьбѣ имама, передала его во владѣніе его племянницѣ. Дѣло это шло черезъ мои руки, когда я былъ еще на Гунибѣ, и, за отсутствіемъ генерала Лазарева въ Ункратль, управлялъ Среднимъ Дагестаномъ).

— Это ничего не значитъ!—Имамъ имѣлъ право подарить свое имѣніе, имѣетъ право и отобрать его, для того, чтобы передать мнѣ, какъ близкому родственнику...

Таковы сужденія будущаго «алима».

Абдурагимъ—зять Шамиля—молодой человѣкъ, чуждый фа-

---

[1]) Посѣтившіе гробъ пророка Магомета мусульмане секты «Сунни» получаютъ званіе «гаджи», дающее имъ почетъ и нѣкоторыя преимущества въ обществѣ. П.

натизма и претензіи на ученость. Онъ большею частью проводитъ время въ обществѣ съ русскими, ведетъ себя прилично, и тайкомъ куритъ папиросы, мало заботясь о выѣздѣ въ Мекку и Медину.—Искреннее желаніе его въ томъ, чтобы, поступивъ на службу въ русскую кавалерію, дослужиться до офицерскаго чина. Оба зятя Шамиля самоучкою хорошо говорятъ по русски, а Абдурагимъ порядочно читаетъ и пишетъ.

Омаръ-Мехтевъ, житель селенія Кумухъ, молочный братъ дочери Шамиля, Наджаватъ,—молодой человѣкъ относительно хорошей нравственности, безъ фанатизма, но нерѣшительный. Желаніе его заключается въ томъ, чтобы быть отправленнымъ на родину, и поступить тамъ на службу въ мѣстную милицію.

Шуанетъ (ренегатка—изъ армянъ, Анна Ивановна Улуханова), жена Шамиля, женщина добрая, но въ семейномъ быту безсловесная, уступчиво повинующаяся владычеству въ домѣ имама второй его жены: Зандатъ.—Шуанетъ до того отатарилась, что въ угодность мужу даже не хотѣла видѣть пріѣхавшаго въ Калугу по торговымъ дѣламъ дальнаго своего родственника, моздокскаго армянина Халатова, и помочь ему нѣсколькими рублями при его критическихъ обстоятельствахъ.

Заидатъ, дочь ефендія Джамалъ-Еддина-Кази-Кумухскаго, пропагандировавшаго нѣкогда «таррихатъ» въ Дагестанѣ,—вторая жена Шамиля. Ее можно назвать главою всего дома. Ни одно дѣло не проходитъ безъ ея вмѣшательства; всѣ промахи, какіе только дѣлалъ и дѣлаетъ Шамиль въ Калугѣ, были отчасти слѣдствіемъ ея совѣтовъ; всѣ безпокоющія начальство письма, pro и contra его просьбъ и домогательствъ, писались по ея почину. Когда Шамиль, вопреки моимъ совѣтамъ, написалъ письмо къ военному министру съ просьбою о переселеніи его изъ Калуги въ другой городъ, и потомъ новое письмо, съ просьбою объ оставленіи его въ Калугѣ, то, по передачѣ мнѣ этого послѣдняго письма для отправки на почту, онъ спросилъ переводчика Мустафу:

— Что говоритъ полковникъ? вѣрно онъ сердится, что я не послушался его прежде?

— Полковникъ говоритъ, что вы, имамъ, напрасно слушаетесь женщинъ,—отвѣчалъ Мустафа.

— Это совершенно правда,—отвѣчалъ Шамиль:—онѣ-то именно и не даютъ мнѣ покоя!...

Заидатъ—фанатичка, жадна на деньги и хитра до утонченности; все хозяйство въ ея рукахъ. Упраздненіе должности домашняго казначея было отчасти ея дѣломъ; казначей записывалъ расходы, а слѣдовательно, итогъ ихъ былъ извѣстенъ; теперь же она, полагая, что стоимость содержанія семейства имама никому не вѣдома, имѣетъ возможность безсовѣстно твердить, что ежегодно отпускаемыхъ имъ 15 т. р. сер. недостаточно. Ложь эту поддерживаютъ Шамиль и Кази-Магометъ. Заидатъ первоначально собирала серебряную звонкую монету, но потомъ, узнавъ, что въ ней есть порядочная доля лигатуры, стала скупать бриллианты, жемчугъ, кораллы и драгоцѣнные камни. Въ покупкахъ этихъ она имѣетъ помощниками: Абдурахмана и Омара, вѣроятно, извлекающихъ и для себя маленькую пользу изъ этой операціи.

Въ отношеніи стола, въ домѣ имама развито скряжничество въ высшей степени [1]). Обѣды состоятъ изъ трехъ блюдъ, чаще изъ супа съ клецками, пирожковъ съ сыромъ или лукомъ и компота; когда же нѣтъ компота, то его замѣняетъ молочная каша.—Говядина подается не каждый день, а раза два-три въ недѣлю; ее отпускается на 18 душъ не болѣе шести фунтовъ. Для Шамиля собственно иногда приготовляется кушанье особо. Чай, для экономіи, пьется нерѣдко такой жиденькій, что сквозь него потребители могутъ смотрѣть не только на Кронштадтъ, но и на Кавказъ, на самый Дарго-Ведень. Когда Шамиль приглашаетъ къ себѣ гостей на обѣдъ (а этими гостьми бываю только я), что случается не болѣе четырехъ разъ въ годъ, то обѣдъ приготовляется европейскій, но безъ винъ. Остальные гости, посѣтители, весьма рѣдко навѣщающіе имама, потчуются шоколадомъ и печеніями, что̀ не причиняетъ большаго расхода.

Желающихъ имѣть фотографическія карточки Шамиля и членовъ его семейства очень много; стыдясь обнаружить, что имамъ, получая отъ русскаго правительства въ годъ 15 т. руб., жалѣетъ пожертвовать десяткомъ рублей для русской публики, я обыкновенно

---

[1]) Въ этомъ отношеніи, Шамиль не слѣдуетъ корану. Главы 3-й стихъ 175-й гл., 4-й стихъ 41-й и главы 70-й стихи 18-й и 19-й осуждаютъ скряжничество и сулятъ адъ людямъ скупымъ и алчнымъ къ собиранію сокровищъ.

покупаю у фотографа ихъ портреты на свой счетъ, что нисколько не конфузитъ ни Шамиля, ни членовъ его семейства.

Просьба Шамиля была поводомъ слѣдующаго со стороны моей представленія къ докладу военному министру:

«По словамъ военно-плѣннаго Шамиля, въ прошломъ (1862) году предполагалось перевести его съ семействомъ на жительство въ г. Москву, съ тѣмъ, что перемѣщеніе это состоится къ 1-му октября настоящаго года, по истеченіи срока найма занимаемой имъ нынѣ въ Калугѣ квартиры. — Съ приближеніемъ этого срока, Шамиль обратился ко мнѣ съ вопросомъ: будетъ ли онъ оставленъ въ Калугѣ, или же переведенъ въ Москву? За разрѣшеніемъ вопроса этого, который есть ни что иное, какъ косвенный со стороны его вопросъ о постоянно ожидаемомъ имъ выѣздѣ въ Мекку, я, по обязанности быть ходатаемъ въ дѣлахъ плѣнника, вынужденъ обратиться къ вашему высокопр—ству.

«Причину желанія жить въ Москвѣ Шамиль объясняетъ, во первыхъ, тѣмъ, что онъ, сдѣлавшись жителемъ столицы, много выиграетъ въ мнѣніи дагестанскаго народа, который, не зная Калуги, считаетъ ее Сибирью; а во вторыхъ, что онъ будетъ ближе отъ своего сына Магомета-Шафи, по роду службы проживающаго въ С.-Петербургѣ. Объ эти причины, по моему мнѣнію—предлогъ, настоящая же цѣль желанія ех-имама заключается въ томъ, чтобы, находясь лично вблизи Престола, имѣть случаи часто напоминать собою просьбу объ отпускѣ въ Мекку и этимъ осуществить свое постоянное задушевное стремленіе; въ мнѣніи этомъ я еще болѣе утвердился послѣ словъ Шамиля, высказанныхъ мнѣ откровенно: что онъ годъ-два готовъ прожить не только въ Калугѣ, но даже въ самомъ отдаленномъ уголкѣ Россіи, лишь бы послѣ этого срока ему дозволено было отправиться въ Мекку.

«Представляя обстоятельство это на благоусмотрѣніе ваше, я не лишнимъ считаю доложить, что перевозъ семейства Шамиля въ Москву будетъ сопряженъ съ значительнымъ для казны расходомъ, и, какъ я имѣю нѣкоторое основаніе подозрѣвать, вслѣдъ за перемѣщеніемъ воспослѣдуетъ просьба объ увеличеніи отпускаемой на содержаніе Шамиля суммы».

Отправку этого письма къ докладу я нарочно остановилъ до слѣдующей почты; — наканунѣ почтоваго дня, Шамиль, сообразивъ мой совѣтъ, просилъ меня: просьбу его о выѣздѣ изъ Калуги считать недѣйствительною.

Вотъ приблизительно ежемѣсячный расходъ на содержаніе дома военно-плѣннаго Шамиля:

1) На уплату наемной прислугѣ: лакеевъ 2, повара 1, кучера 1, дворника 1, прачки 1, и кухарки для варенія пищи прислугѣ 1—выходитъ въ мѣсяцъ, по расчету . . . 41 р.

2) На содержаніе пяти лошадей, считая на одну лошадь въ сутки овса 4 гарнца и сѣна 20 фунтовъ, полагая за этотъ фуражъ самыя высокія цѣны,—въ мѣсяцъ . . . . . 45 »

(По показанію Омара, лошади получаютъ въ сутки по 2 гарнца овса).

3) На чай и сахаръ для 18-ти человѣкъ, приблизительно, въ мѣсяцъ чаю 9 фунтовъ и сахару $4^1/_2$ пуда. 63 »

(По показанію Омара, выходитъ только въ мѣсяцъ: чаю 3 ф., сахару $2^1/_2$ пуда).

4) На хлѣбъ къ столу и булки къ чаю, въ мѣсяцъ 40 »

5) На весьма скромный столъ, состоящій изъ одного лишь обѣда, примѣрно въ сутки 3 р., а въ мѣсяцъ . 90 »

6) На освѣщеніе дома, полагая очень роскошно въ сутки по 3 ф. стеариновыхъ свѣчей, которыхъ не выходитъ и половины, въ мѣсяцъ . . . . . 30 »

7) На кофе для гостей собственно, потому что сами его не пьютъ, въ мѣсяцъ . . . . . 6 »

8) На смазку сбруи и починку экипажей. . . . 5 »

9) Домашнему медику въ мѣсяцъ . . . . . 15 »

10) На обнову одежды и обуви, которой не много требуется для людей сидящихъ постоянно дома и имѣющихъ въ изобиліи одежды, сшитой имъ послѣ плѣна на казенный счетъ, примѣрно въ мѣсяцъ. . . . . 100 »

11) Магомету-Шафи, на содержаніе въ С.-Петербургѣ, въ мѣсяцъ. . . . . 125 »

12) На раздачу милостыни неимущимъ ссыльнымъ горцамъ, по пресловутой щедрости ех-имама, въ мѣсяцъ 15 »

(Расходъ этотъ прогрессивно уменьшался).

Итого ежемѣсячный расходъ на содержаніе дома Шамиля, показанный, по образу жизни, преувеличеннымъ . . . . . 575 »

Годовой расходъ . . . . . 6,900 »

Затѣмъ, изъ отпускаемыхъ отъ правительства ежегодно 15 т. руб., чистаго остатка . . . . . 8,100 »

Квартира съ отопленіемъ ничего Шамилю не стоитъ [1]).

Въ какой степени Шамиль не индифферентенъ и щедръ на раздачу милостыни бѣднымъ — какимъ его представили читающей публикѣ нѣкоторые біографы, разъяснитъ слѣдующій случай съ ямщикомъ Калужской почтовой станціи. Для осмотра бумажной фабрики Говарда, имамъ ѣздилъ туда на почтовыхъ лошадяхъ. На обратномъ пути, вблизи Калуги, когда ямщикъ подошелъ поправить постромку, пристяжная лошадь ударила его въ колѣно, и шипомъ подковы раздробила ему чашку. Ямщикъ умеръ. Жена его и дѣти, оставшись безъ отца, безъ куска хлѣба, пришли къ Шамилю просить милостыни:

— А мнѣ до нихъ какое дѣло!—отвѣчалъ имъ ех-имамъ, опасающійся помощью, оказанною невѣрному, погрѣшить противу корана, предписывающаго ненависть къ христіанамъ, въ главѣ III-й стихъ 27-й, 114—117-й, 172-й; глав. V-й ст. 17-й, и т. д.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862-го года, сынъ Шамиля, корнетъ лейбъ-гвардіи кавказскаго эскадрона Собственнаго Его Величества конвоя, Магометъ-Шафи, прислалъ изъ С.-Петербурга въ г. Калугу жену свою Аминатъ, съ тѣмъ, чтобы она была отправлена далѣе, въ Дагестанъ. съ всадникомъ того же конвоя, родственникомъ ея, Исманломъ Халатау, которому для этой цѣли выданы были отъ казны прогонныя деньги. Аминатъ въ это время была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности; при всемъ томъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, рѣшилась посѣтить родину.

Шамиль, опасаясь, что Аминатъ, какъ женщина беременная, не выдержитъ трудности предстоящаго ей пути въ Дагестанъ, и болѣе—отправку ея съ Исманломъ, дальнимъ родственникомъ, находя дѣломъ противнымъ «шаріату»—оставилъ Аминатъ у себя, не смотря на то, что она со слезами умоляла имама или возвратить ее къ мужу въ Петербургъ, или дозволить продолжать

---

[1]) Съ 1860 по 1868 годъ, все вообще содержаніе и издержки по переѣздамъ Шамиля и его семейства стоили правительству болѣе 200 т. руб. сер. П.

путь на Кавказъ, но никакъ не оставлять въ Калугѣ, гдѣ она, въ семьѣ Шамиля, не встрѣчая родственнаго расположенія, обречена будетъ жизни затворнической и скучной.

Съ своей стороны, я полагалъ лучшимъ отправить жену корнета Магометъ-Шафи въ Дагестанъ, но прибывшій одновременно съ нею въ Калугу, для отвоза тѣла умершей жены Кази-Магомета, Кариматъ [1]), въ г. Нуху, корпуса фельдъегерей капитанъ Гузей Разумовъ, передалъ мнѣ, что желаніемъ правительства есть оставить Аминатъ въ Россіи. Отправка Аминатъ на родину, по моему мнѣнію, сократила бы Магомету-Шафи домашніе расходы и, безъ сомнѣнія, возстановила бы разстроенное здоровье этой бѣдной женщины.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, корнетъ Магометъ-Шафи прибылъ въ Калугу, пользуясь даннымъ ему отпускомъ. Изъ словъ предмѣстниковъ моихъ, полковника Богуславскаго и капитана Руновскаго, сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что Шамиль, при отправленіи сына на службу, назначилъ ему содержаніе по 2 т. руб. въ годъ. При окончаніи срока отпуска, корнетъ Магометъ-Шафи, готовясь къ выѣзду изъ Калуги, обратился къ отцу съ просьбою о выдачѣ ему положенныхъ денегъ, но, получивъ отказъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ моему содѣйствію. На просьбу мою: выдать Магомету-Шафи обѣщанную сумму и дозволить, чтобы на время онъ оставилъ жену свою въ Калугѣ, имамъ далъ весьма странный отвѣтъ, удивившій меня и уклончивостью, и отсутствіемъ здраваго смысла: въ отношеніи денегъ, Шамиль, ссылаясь на ихъ недостатокъ, отозвался, что давать сыну содержанія не можетъ и не хочетъ, потому что «онъ не его сынъ» [2]), и, наконецъ, предлагая 300 руб., заключилъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что Шафи, будучи его гостемъ, три мѣсяца держалъ пару лошадей, прокормленіе которыхъ стоило ему, Шамилю, до 400 рублей. Убѣдивъ старика, что я самъ, имѣя на конюшнѣ три лошади, издерживаю на фуражъ въ мѣсяцъ не много болѣе 30 р., а, слѣдовательно, содержаніе лошадей Шафи стоило не 400, но

---

[1]) Кариматъ, жена Кази-Магомета, дочь Елисуйскаго султана генералъ-маіора Даніель-бека, умершая отъ чахотки, просила, чтобы ея тѣло было отправлено на родину, что и исполнилось на казенный счетъ.

[2]) Старикъ не сочувствовалъ опредѣленію сына на службу въ ряды невѣрныхъ. П.

60 р., я съ большимъ трудомъ упросилъ Шамиля отдать сыну тысячу рублей за прошлое полугодіе. При врученіи денегъ, вычета за содержаніе лошадей не послѣдовало: присутствіе мое стѣснило старика.

Оставалось рѣшить дѣло относительно Аминатъ, жены Магомета-Шафи, которую, до предполагаемаго отправленія въ Дагестанъ, нужно было оставить въ Калугѣ. Шамиль отказалъ наотрѣзъ, отзываясь, что онъ никакъ не обязанъ кормить жену человѣка, получающаго отъ казны жалованье,—но когда, для отстраненія этого мелочнаго расхода, Магометъ-Шафи взялся содержать ее въ Калугѣ на свой счетъ, то Шамиль, ссылаясь на свидѣтельство зятя своего Абдурахмана, сталъ увѣрять, что и въ такомъ случаѣ Аминатъ не можетъ быть оставленною въ его домѣ, потому что какъ она будетъ постоянно плакать и грустить, то черезъ это накличетъ на него—«зульматъ» (мучительную летаргію) и даже, что̀ неизбѣжно, у него, Шамиля, откроется при зульматѣ кровотеченіе изъ ушей!... Предложеніе мое перевести Аминатъ изъ главнаго дома во флигель, или на особую по близости квартиру, не измѣнило желанія, чтобы Магометъ-Шафи взялъ жену съ собою въ Петербургъ.

— «Если она только будетъ жить въ одномъ со мною городѣ и будетъ печалиться, то «зульматъ» посѣтитъ меня неизбѣжно»,— твердилъ почтенный старецъ. Зять Абдурахманъ, врагъ корнета, нагло подтверждалъ справедливость опасенія имама, присовокупляя съ увѣренностью, что «зульматъ» бываетъ всегда у такихъ благочестивыхъ людей, каковъ имамъ.

Замѣчаніе мое, почему у имама не было «зульмата», когда онъ насильно оставилъ Аминатъ въ Калугѣ, черезъ что̀ она три дня плакала, прекратило рѣчь объ этой болѣзни, постигавшей людей святой жизни.

«Зульматъ», въ дословномъ переводѣ «потемнѣніе», есть сильный каталепсическій припадокъ, происходящій внезапно и вслѣдствіе огорченія. Онъ, по мнѣнію фанатиковъ, бываетъ только у избранниковъ Божьихъ, или у людей, отличающихся строгимъ образомъ жизни, усердіемъ къ религіи и безпрестаннымъ чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія, просто выражаясь—до одурѣнія.

И такъ, въ теченіе трехъ сутокъ, дѣло Аминатъ оставалось

нерѣшеннымъ, Шамиль предложилъ сыну взять ее въ Петербургъ и уже оттуда отправить въ Дагестанъ съ всадникомъ Исмаиломъ Халатау. Предложеніе это было слѣдствіемъ того, что на дняхъ имамъ нашелъ въ своихъ умныхъ книгахъ статью, дозволяющую женщинѣ совершать путешествіе съ мужчиною, дальнимъ родственникомъ.

Послѣ домашняго совѣщанія, явился ко мнѣ однажды Кази-Магометъ съ двумя отъ имени отца просьбами: во первыхъ, испросить у военнаго министра о высылкѣ прапорщика Исмаила-Инко-Гаджіева изъ Дагестана въ Калугу, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ сестру свою Аминатъ на родину въ селеніе Чохъ, Гунибскаго округа; и, во вторыхъ, чтобы я сохранилъ въ секретѣ происходившій въ семьѣ имама, по расчету съ сыномъ, скандалъ. Вслѣдствіе первой просьбы я вошелъ съ представленіемъ. Аминатъ, съ согласія Шамиля, оставлена въ его домѣ до испрашиваемаго пріѣзда за нею брата ея, прапорщика Исмаила.

Корнетъ Магометъ-Шафи, отправляясь къ мѣсту служенія, сначала убѣдительно просилъ меня снабдить его письмомъ къ военному министру, испрашивающимъ разрѣшеніе отдѣлить ему изъ суммы, отпускаемой на содержаніе отца, подлежащую часть, съ тѣмъ, чтобы деньги эти онъ получалъ не изъ рукъ имама, а отъ меня. Но потомъ, сообразивъ мой совѣтъ, что подобное распоряженіе можетъ огорчить отца, оставилъ это дѣло при прежнемъ порядкѣ.

По поводу моего представленія, о которомъ говорилось выше, кавказское начальство отозвалось, что полагаетъ болѣе удобнымъ отправить изъ Калуги жену корнета Магомета-Шафи въ сопровожденіи одного изъ лицъ, находящихся при Шамилѣ, потому что прапорщикъ милиціи Исмаилъ-Инко-Гаджіевъ, сынъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ въ Дагестанѣ фанатиковъ-сподвижниковъ Шамиля, вслѣдствіе неблагонамѣреннаго образа мыслей, былъ переселенъ въ 1861 году въ шамхальство Тарковское, потомъ отправленъ въ Мекку, откуда недавно возвратился, такъ что высылка его въ Калугу, для привоза въ с. Чохъ сестры, можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагопріятнымъ для насъ толкамъ въ дагестанскомъ народѣ.

Вслѣдствіе этого отзыва, военный министръ, поручая мнѣ узнать у Шамиля, кого онъ пожелаетъ выбрать изъ числа лицъ, при немъ находящихся, для отвоза въ с. Чохъ жены корнета Магометъ-Шафи, присовокупилъ, чтобы я уладилъ это дѣло, не огорчая Шамиля прямымъ отказомъ отправить Аминатъ съ прапорщикомъ Исмаиломъ.

Не могу не замѣтить, что если мѣстное начальство Дагестанской области находитъ вреднымъ отправленіе Исмаила въ Калугу, то такой же вредъ можетъ произвести и поѣздка одного изъ членовъ семейства имама въ Дагестанъ; поэтому, какъ домогательство объ отправкѣ Аминатъ на родину, со стороны Шамиля и ея мужа, притихло, то я нашелъ лучшимъ оставить дѣло, могущее продлить переписку—втунѣ, до будущей тревоги.

Прапорщикъ Исмаилъ извѣстенъ мнѣ лично. Это, дѣйствительно, отъявленный фанатикъ. Въ 1861 году отецъ его, Инко-Гаджи, безъ вѣдома ближайшаго начальства, продавъ все свое имущество, пожелалъ переселиться въ Мекку. Исмаилъ заявилъ намѣреніе послѣдовать за отцомъ, и, совмѣстно съ прапорщикомъ Доутиловымъ, подобнымъ ему фанатикомъ,—сталъ подучать односельцевъ послѣдовать ихъ примѣру. Старикъ Инко-Гаджи отправился въ путь, а Исмаилъ и Доутиловъ, какъ вредные люди, были переселены въ шамхальское владѣніе; но Исмаилъ вскорѣ былъ возвращенъ въ сел. Чохъ, гдѣ и нынѣ (1863 г.) находится, и, по-званію офицера милиціи, едва-ли не получаетъ отъ казны содержаніе. Въ бытность мою на Гунибѣ, до 1862 года, онъ въ Мекку отпускаемъ не былъ и кажется, что вовсе не совершалъ этого путешествія. Я никогда не могъ понять цѣли нѣкоторыхъ мѣстныхъ начальниковъ запрещать коноводамъ фанатизма—переселеніе навсегда въ Турцію; по моему мнѣнію, дурную траву нужно вырывать съ поля. Отпустите: Кибитъ-Магомета и Гафни-Кази-Магомета-Тилитлинскихъ, прапорщиковъ Исмаила и Доутилова-Чохскихъ, Гальбарцъ-Дебира-Каратинскаго, и другихъ подобныхъ имъ фанатиковъ, и Дагестанъ будетъ спокоенъ. Какую пользу приносятъ эти люди для края? за что они получаютъ отъ казны денежное содержаніе?.... Фанатики Дагестана, переселен-

ные въ Турцію, не могутъ быть для насъ вредны [1]), а фанатики, удерживаемые въ Дагестанѣ — это язва, которая можетъ развиться во вредъ намъ. «Мунафики» всегда были душимы «мюридами», потому что у нихъ не было энергическихъ предводителей, тогда какъ у мюридовъ были фанатически преданные исламу коноводы.

Если бы высылка прапорщика Исмаила въ Калугу за сестрою могла произвести «разные неблагопріятные для насъ толки въ народѣ», то я никакъ бы не входилъ съ представленіемъ о его высылкѣ. Допускаю, что народъ Дагестана не прочь отъ выдумокъ, и пустилъ бы «хабаръ» (вѣсть), что Исмаилъ отправленъ въ Сибирь, но эта вѣсть нисколько для насъ не была бы вредною. Я лично арестовалъ (въ іюлѣ 1861 г.), въ присутствіи всего сельскаго общества и Куядинскаго наиба, капитана Имамъ-Гозали и шесть человѣкъ кородинцевъ, отправленныхъ въ послѣдствіи за ослушаніе во внутрь Россіи, и этотъ арестъ почетнѣйшихъ въ мѣстномъ обществѣ людей не произвелъ ни толковъ, ни возмущенія. Прапорщикъ Исмаилъ столько насолилъ народу въ бытность свою шамилевскимъ наибомъ, что даже казнь его мало бы возбудила огорченія, и объ немъ столько же бы жалѣли — сколько жалѣли объ убійствѣ его собрата Гаджи-Муссы. Перевозъ Аминатъ въ Дагестанъ ея братомъ Шамиль готовъ былъ принять на свой счетъ, между тѣмъ какъ отправка ея же съ однимъ изъ членовъ семьи имама стоила бы казнѣ огромныхъ издержекъ — это соображеніе можетъ быть ничего незначущимъ только для лицъ, разсуждающихъ, что «казна богата». Наконецъ, если смотрѣть на это дѣло съ дипломатическимъ расчетомъ, то взятіе Исмаиломъ сестры было бы скорѣе полезно. Шамиль ненавидитъ Исмаила за измѣну, за участіе его при сдачѣ намъ укрѣпленія Чохъ, но это не мѣшаетъ Исмаилу уважать и слѣдовать по тенденціямъ имама-родственника. Возвращеніе Аминатъ, безъ сомнѣнія, разорвало бы ихъ родство и Исмаилъ, недовольный этимъ разрывомъ, изъ родственника превратился бы въ непримиримаго врага и, ради неудовольствія, готовъ бы былъ возненавидѣть и Шамиля, и его родныхъ, и имамскія мюридскія идеи.

---

[1]) Къ сожалѣнію, война 1877-го года доказываетъ всю ошибочность этого мнѣнія. Ред.

По возвращеніи изъ Ункратльской экспедиціи (въ августѣ 1861 г.), генералъ-маіоръ Лазаревъ, разсказывая о трудностяхъ успѣшно оконченной экспедиціи и описывая мѣста, съ которыми онъ познакомился, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

— «Болѣе всего обратила на себя мое вниманіе мѣстность, находящаяся за Андійскимъ озеромъ, на правомъ берегу, не доходя рѣки Шаро-Аргуна; она, будучи чрезвычайно изобильна посѣвными полями, травою и лѣсомъ, по своему географическому положенію, командуетъ всѣмъ Дагестаномъ и Чечнею. Съ основаніемъ выше Веденя, на возвышенности Тадъ-Бурты (на картѣ Тадъ-Бутры или Чарбили), поселенія, усиленнаго соотвѣтственнымъ положенію края гарнизономъ, легко и не безъ матеріальной выгоды для правительства можно современемъ соединить Чечню съ Дагестаномъ. Учрежденіе въ Тадъ-Буртинскомъ поселеніи главнаго управленія этими двумя странами, раздѣленными на округи, доставило бы возможность упразднить начальниковъ отдѣловъ, за исключеніемъ мѣста дербентскаго военнаго губернатора (именуемаго нынѣ военнымъ начальникомъ Южнаго Дагестана), въ непосредственное вѣденіе котораго, безъ увеличенія штатовъ и безъ измѣненія системы управленія, при соединеніи Чечни съ Дагестаномъ, могли бы поступить: Кази-Кумухскій, Даргинскій и Кюринскій округи, Мехтулинское и Тарковское ханства и Присулакское наибство».

Однажды, при посѣщеніи меня Шамилемъ, я между прочимъ передалъ ему отзывъ генерала Лазарева, касающійся исключительно вышеописанной мѣстности; разсказъ этотъ вызвалъ со стороны имама слѣдующее объясненіе:

— «Во всей Чечнѣ и Дагестанѣ нѣтъ мѣста здоровѣе, живописнѣе и богаче землею, какъ Тадъ-Буртинская возвышенность. Произрастеніе хлѣбовъ и травъ на поляхъ, которыхъ имѣется даже въ излишествѣ противу потребностей жителей селеній, расположенныхъ въ окрестностяхъ, такъ изобильно, что содержаніе жителями большаго количества скота, даже въ рѣдкихъ случаяхъ неурожая, не представляетъ никакого затрудненія. Порода мѣстныхъ овецъ и мясо ихъ отличительно хороши, а молока, сыра и коровьяго масла, прекраснаго приготовленія и качества — избытокъ. Вода въ родникахъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка, чистая, вкусная и несравненно здоровѣе гунибской воды, хотя

прозрачной какъ хрусталь и холодной всегда какъ ледъ, но вредной для зубовъ и желудка. Лѣсовъ въ окрестностяхъ Тадъ-Бурты достаточно, такъ что, при экономическомъ употребленіи, ихъ достанетъ на продолжительное время. Объ употребленіи въ топливо торфа и о признакахъ его мѣсторожденія горцамъ почти неизвѣстно, поэтому и я (говоритъ Шамиль) о нахожденіи или отсутствіи при Тадъ-Буртинскихъ высотахъ этого горючаго матеріала ничего сказать не могу. На сѣверномъ склонѣ горы Тадъ-Бурты находится большое и очень глубокое озеро, раздѣляющееся на три рукава, съ каменистыми берегами; горцы называютъ его «денгизъ» (т. е. море); въ него впадаетъ множество мелкихъ ручейковъ, но куда убываетъ изъ озера вода — неизвѣстно. Озеро это изобилуетъ форелью» («марджанъ-балыкъ», то-есть: коралловая рыба [1]).

За нѣсколько лѣтъ до паденія мюридизма, извѣстный намъ Юсуфъ-Гаджи, игравшій въ горахъ и при имаматѣ роль инженера, предлагалъ Шамилю, прорывъ канаву, — къ исполненію чего, по близости одного рукава озера къ утесу, не представлялось большаго труда, — спустить воду на плоскость и воспользоваться богатствами, которыя, по повѣрью, всегда можно найти на днѣ моря; но, какъ предложеніе это, обѣщавшее несмѣтное, но при томъ невѣрное богатство, могло навѣрно затопить окрестныя поля и раззорить жителей селеній, расположенныхъ у подошвы горы, то и проектъ Юсуфъ-Гаджія былъ оставленъ Шамилемъ безъ исполненія.

Зять высокостепеннаго Шамиля, Абдурагимъ, въ десятый, если не болѣе разъ, заявилъ мнѣ свое неизмѣнное желаніе: оставить семью имама и поступить на службу въ Россіи или въ Дагестанѣ. Пренія объ этомъ предметѣ опять возобновились. Ша-

[1]) Тадъ-Буртинское плато, подобно Гунибскому, образовалось на группѣ неправильно лежащихъ громадной величины каменныхъ обломковъ, имѣющихъ внутри отверстія, въ которыя просачивается вода, и, достигнувъ дна возвышенности, у подошвы ея, выходитъ ручейками на плоскость. На Гунибѣ, около дома въ шесть комнатъ, который первымъ былъ мною построенъ изъ камня на глинѣ, протекаетъ довольно большой ручей, падающій на плоскость каскадомъ. Въ этомъ ручьѣ вода иногда сильно убывала, и только мѣстные жители сосѣднихъ деревень умѣли найти отверстіе и прекратить просачиваніе. П.

миль, изъявляя согласіе на разлуку съ зятемъ, высказалъ намѣреніе отпустить съ нимъ и Абдурахмана.

— Я не намѣренъ никого удерживать силою,—сказалъ имамъ,—но жены ихъ, а мои дочери, Написатъ и Фатиматъ, сами не хотятъ послѣдовать за мужьями.

— Это не правда,—отвѣчали зятья,—жены наши совершенно готовы ѣхать туда, куда мы поѣдемъ!...

Оставалось спросить самихъ женъ, для чего и былъ посланъ къ нимъ имамомъ Кази-Магометъ. Депутатъ этотъ, возвратясь черезъ пять минутъ, объявилъ, что Написатъ и Фатиматъ послѣдовать за мужьями и разстаться съ отцомъ—рѣшительно не желаютъ.

Опровергая это показаніе, зятья, въ свою очередь, побѣжали къ своимъ женамъ, и, возвратясь, заявили, что онѣ ѣхать съ ними куда бы то ни было—рѣшительно желаютъ.

Съ цѣлью покончить недоразумѣніе, я предложилъ Шамилю свои услуги, именно: лично переговорить съ его дочерьми. Старикъ согласился съ тѣмъ, чтобы Кази-Магометъ служилъ мнѣ переводчикомъ на аварскомъ нарѣчіи. Замѣчая, что Абдурахманъ и Абдурагимъ не довольны этою хитрою комбинаціею, я, сказавъ Шамилю, что буду говорить съ его дочерьми по кумыкски, отправился въ одиночествѣ къ нашимъ султаншамъ. Сынъ и зятья Шамиля послѣдовали за мною, и остались около не совсѣмъ затворенныхъ дверей,—подслушивать мой разговоръ съ прекраснымъ поломъ. Фатиматъ и Написатъ, въ смежныхъ комнатахъ, каждая на своей кровати, сидѣли за занавѣсками и обѣ громко хныкали. Высказавъ цѣль прихода, я спросилъ первую изъ нихъ: желаетъ ли она уѣхать съ мужемъ, или остаться при отцѣ?

— Если Написатъ поѣдетъ, то и я поѣду, если Написатъ останется—то и я останусь; но я не желаю разставаться ни съ отцомъ, ни съ мужемъ,—твердила Фатиматъ.

Повторивъ нѣсколько разъ вопросъ и выслушавъ отвѣтъ на одну тему, я обратился ко второй.

— Если Фатиматъ поѣдетъ, то и я поѣду, если Фатиматъ останется—то и я останусь; но я не желаю разставаться ни съ отцомъ, ни съ мужемъ,—отвѣчала какъ попугай Написатъ.

Изъ-за дверей раздавались голоса суфлеровъ:

— Скажи, что желаешь остаться при отцѣ,—подсказывалъ старшій сынъ имама, по аварски.

— Скажи, что желаешь ѣхать съ мужемъ, — подшептывали на томъ же нарѣчіи зятья его.

Далѣе, за группою мужчинъ, слышался говоръ, похожій на трещотку. Это держала рѣчь главнокомандующая дворомъ имама въ Калугѣ, вѣтвь изъ фамиліи великаго пророка Магомета—Заидатъ. — Шуанетъ, дѣти и двѣ старухи-служанки дополняли этотъ семейный концертъ, хныканіемъ на разные мотивы.

Смиренный старичокъ, «бѣдный рабъ Божій Шамуиль», сидѣлъ въ залѣ, перебиралъ зерна четокъ, и безъ остановки шепталъ «зикру», состоящую изъ повторенія словъ: «Ля-иль-Алла, иль-Алла!»

Я махнулъ рукою, раскланялся, и ушелъ, высказавъ по чести справедливо, что мнѣ гораздо легче было управлять нѣсколькими округами Дагестана, чѣмъ несговорчивою семьею имама.

— Будетъ ли когда нибудь конецъ этимъ комедіямъ? спросилъ я провожавшаго меня Кази-Магомета.

— Едва-ли,—отвѣчалъ онъ,—сегодняшнее рѣшеніе перемѣнится завтра, по желанію Заидатъ.

— Отчего это у васъ вѣчное несогласіе? спросилъ я однажды Омара.

— Оттого, — улыбнувшись отвѣчалъ онъ, — что вся семья имама не изъ одной деревни: есть гимринцы, кази-кумухцы, чохцы, казанищенцы и даргинцы.

— Ради Бога,—умолялъ меня Абдурагимъ,—исходатайствуйте мнѣ опредѣленіе на службу; неужели, изъ-за куска хлѣба и пары сапоговъ, терять мнѣ молодость!... Я не могу и не хочу быть «мюридомъ», Калуга—не Дарго! Удерживать меня насильно—это чистая «зульма» (притѣсненіе) [1]).

— Обратись къ Шамилю, пусть онъ изъявитъ согласіе на твое опредѣленіе въ службу, и я завтра же возьмусь о томъ ходатайствовать; — согласіе Шамиля должно быть выражено на бумагѣ, иначе я не возьму пера въ руки. Я знаю вашъ харак-

[1]) Главы IV-й стихъ 16-й корана запрещаетъ причинять обиды и притѣсненія кому бы то ни было.

теръ, всегда нерѣшительный и изворотливый. и не повѣрю людямъ, которые, по обстоятельствамъ, отказываются отъ того сегодня, чего хотѣли вчера.

— Право, мнѣ иногда и грустно — а иногда смѣшно! «Тамаша» (удивительно), неужели моя просьба служить царю не можетъ быть рѣшена ни по «адату», ни по «шаріату», ни по русскому закону! сказалъ Абдурагимъ, и раскланялся со мною.

Распри на время притихли.

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

II [1]).

Возвратимся, на минуту, къ прошлому. Въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1861 году, Шамиль не упустилъ случая лично просить Государя Императора объ увольненіи своемъ въ Мекку и былъ осчастливленъ милостивымъ отвѣтомъ, что «современемъ» просьба его будетъ удовлетворена. По этому случаю, возвратясь въ Калугу и сообразивъ, что его просьба была несвоевременна, послѣ домашняго совѣщанія, онъ написалъ намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому, слѣдующее посланіе:

«Спѣшу увѣдомить тебя, что мы возвратились въ Калугу здравы и невредимы. Будучи осчастливлены высочайшимъ вниманіемъ и милостивымъ благоволеніемъ Государя Императора, благодаримъ Его Величество за постоянныя къ намъ милости, и молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ ему, всѣмъ приближеннымъ его и всѣмъ любящимъ его всякое благо во всякое время, и дома и на пути! Мы знаемъ, что не можемъ вполнѣ выразить всей нашей благодарности и сердечной признательности за великія къ намъ царскія милости; намъ остается только молить Бога о здравіи, споспѣшеніи, побѣдѣ и покореніи враговъ подъ ноги его! Боже нашъ! какъ велико къ намъ вниманіе царя! онъ, изъ собственныхъ рукъ своихъ, которыя составляютъ предметъ любованія для всѣхъ великихъ и знатныхъ сего міра, и которыя суть источникъ благости и всякаго добра, подарилъ мнѣ золотую шашку! эта шашка—острый ножъ для враговъ моихъ, который безпрестанно будетъ имъ колоть глаза, а для друзей моихъ — прекрасный цвѣтокъ, который будетъ вѣчно цвѣсти въ цвѣтникѣ ихъ памяти! Да наградитъ Богъ Императора за эту милость тысячекратно, да побѣдитъ враговъ его, и да сдѣлаетъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 253—276.

мечъ его смертельнымъ для нихъ оружіемъ! Увы, не произвести времени царя — подобнаго нашему! Время, какъ сказалъ одинъ поэтъ, — скупо на такихъ царей!...

«Во время моей аудіенціи съ тобою, князь, относительно извѣстнаго тебѣ желанія, мы узнали, что борьба ваша съ шапсугами и абадзехами еще продолжается, чего мы не думали и не подозрѣвали!... Мы думали, что борьба кончена, и что осталось одно имя борьбы вслѣдствіе преслѣдованія разсѣявшихся по лѣсамъ и ущельямъ малыхъ партій, не имѣющихъ такого человѣка, который бы руководилъ ихъ къ благоустройству или остановилъ бы совѣтомъ отъ безполезной потери людей и имущества! Шайки эти мы считали стадомъ разбѣжавшихся по разнымъ мѣстамъ барановъ, которые пошалятъ, пошалятъ до тѣхъ поръ, покуда не увидятъ волка, который ихъ скрутитъ и къ вамъ доставитъ! Я объяснялъ ихъ безразсудство недостаткомъ здраваго смысла, и былъ увѣренъ, что напбъ абадзеховъ Магометъ-Аминъ, получившій отъ Царя нашего богатые дары и полезныя наставленія, возвратившись къ своему мѣсту, окончательно усмирилъ народъ!... Теперь, когда это дѣло вышло совершенно иначе и я въ своихъ предположеніяхъ обманулся, краснѣю со стыда передъ Его Императорскимъ Величествомъ и передъ тобою, и раскаиваюсь, что высказалъ желаніе отъѣхать въ Мекку! Клянусь Богомъ, я не высказалъ бы моихъ задушевныхъ желаній, если бы зналъ, что Кавказъ еще незамиренъ окончательно, не высказалъ бы потому, чтобы Императоръ и ты, князь, не подумали бы обо мнѣ чего дурнаго!... Если я лгу — то пусть поразитъ меня и все мое семейство кара Божья!... (Подписано): рабъ Божій Шамуиль».

Не понимаю, кто могъ внушить Шамилю эту мысль, чтобы въ письмахъ онъ, подражая рескриптамъ королевскимъ, употреблялъ выраженіе: мы?

«Врагами своими», по правиламъ «шаріата», имамъ считаетъ тѣхъ горцевъ, которые покорились русскимъ, измѣнили ему, а друзьями—тѣхъ фанатиковъ, которые готовы всегда возстать противу русскихъ.

Единственною несомнѣнною правдою въ этомъ письмѣ—то, что имамъ считаетъ мусульманъ баранами, а насъ волками. Поклясться ложно передъ невѣрными, накликивая на себя кару Божью—фанатизмъ допускаетъ; это игра словъ ради обмана гяуровъ [1]). Шамиль очень хорошо зналъ и теперь (1863 г.) знаетъ, что

[1]) 91-й стихъ 5-й главы корана опредѣляетъ очищеніемъ за ложную присягу: накормить 10 бѣдныхъ, освободить невольника, или поститься три дня. Это разрѣшеніе достаточно знаменуетъ достоинство присяги мусульманъ. Стихъ 2-й главы 66-й уже положительно разрѣшаетъ нарушать обѣщаніе.

правый флангъ Кавказа продолжаетъ еще (1863 г.) драться съ русскими, а между тѣмъ въ разговорахъ часто намекаетъ мнѣ объ исходатайствованіи ему переселенія въ Мекку!

Калужскій губернаторъ Арцимовичъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оказывалъ семейству Шамиля особенное вниманіе и расположеніе: — при каждой встрѣчѣ, Шамиль со своей стороны заявлялъ г. Арцимовичу свою признательность, называя его своимъ другомъ и покровителемъ. Въ концѣ 1862 года, г. Арцимовичъ былъ отозванъ къ другому назначенію; чиновники и купечество, давая прощальный обѣдъ, предложили Шамилю: не желаетъ-ли и онъ участвовать въ подпискѣ. Имамъ съ готовностію принялъ предложеніе, но, на другой день, домашній совѣтъ отклонилъ старика отъ этого намѣренія и онъ прислалъ ко мнѣ переводчика доложить, что въ обѣдѣ, даваемомъ г. Арцимовичу, участвовать не будетъ.

По поводу крестьянскаго вопроса, въ Калугѣ было тогда двѣ партіи, расходившіяся въ своихъ идеяхъ по вопросу освобожденія; во главѣ первой, состоявшей изъ служащихъ, стоялъ губернаторъ, во главѣ второй—изъ дворянъ-помѣщиковъ—губернскій предводитель дворянства г. Щукинъ.

При свиданіи со мною, Шамиль, объясняя причину нежеланія участвовать въ прощальномъ обѣдѣ ссылкою на нездоровье, присовокупилъ, что если бы онъ былъ здоровъ, то, конечно, не пожалѣлъ бы подписать для этой цѣли 100 руб.

— Дѣло не въ деньгахъ,—отвѣчалъ я,—подпиши 5 рублей, и если самъ лично не желаешь, или не можешь присутствовать на обѣдѣ, то пошли сына, или одного изъ своихъ зятевьевъ. Не участвуя въ подпискѣ, ты явно выкажешь себя человѣкомъ неблагодарнымъ.

Спустя нѣсколько минутъ, Шамиль высказался, что онъ не принимаетъ участія въ обѣдѣ г. Арцимовичу собственно потому, что это можетъ не понравиться уважаемому имъ г. Щукину. Отзывъ этотъ, въ мусульманскомъ духѣ, можно толковать такъ: г. Щукинъ остается здѣсь, а г. Арцимовичъ уѣзжаетъ—послѣдній теперь намъ не нуженъ!...

— Мы люди частные, и намъ нѣтъ никакого дѣла быть за или противу гг. Арцимовича и Щукина,—сказалъ я; впрочемъ, имамъ,

ты поступаешь по дагестанскому обычаю—принимаешь сторону выгоднѣйшую...

Вотъ образчикъ признательности и благодарности мусульманъ.

При прощальномъ визитѣ, Шамиль однакоже не упустилъ случая сказать г. Арцимовичу, что онъ лишается: друга, брата, отца, благодѣтеля. и т. д.

Съ потерею жены, Кариматъ, сынъ Шамиля, Кази-Магометъ, уединившійся окончательно отъ общества, сталъ тосковать и худѣть. Послѣ долгихъ интимныхъ бесѣдъ съ имамомъ и самимъ Кази-Магометомъ, я отправилъ слѣдующее письмо, къ докладу военному министру:

«Замѣтно разстраивающееся здоровье старшаго сына Шамиля, Кази-Магомета, возбуждаетъ въ семействѣ военно-плѣннаго сильное опасеніе. Причину какъ зарождающейся болѣзни, имѣющей нѣкоторые признаки чахотки, такъ и апатіи, которою Кази-Магометъ страдаетъ, домашній медикъ Шамиля, приписывая постоянному одиночеству, совершенному и добровольному отчужденію отъ всякаго развлеченія и общества, и, наконецъ, тоскѣ, причиненной ему смертью любимой жены, Кариматъ, для возстановленія здоровья Кази-Магомета совѣтуетъ, чтобы онъ, какъ человѣкъ, привыкшій къ семейной жизни, вступилъ во вторичное супружество, и нашелъ развлеченіе въ обществѣ избранной подруги.

«Исполненіе совѣта медика крайне затруднительно, особенно въ такомъ городѣ, гдѣ нѣтъ мусульманскаго населенія. Для того, чтобы Кази-Магометъ могъ сдѣлать выборъ жены, есть два средства, состоящія въ разрѣшеніи ему, кратковременнаго отпуска въ укр. Темиръ-Ханъ-Шуру или въ городъ Казань. Изъ этихъ двухъ средствъ, я признаю удобнѣйшимъ послѣднее. Не допуская мысли, чтобы появленіе Кази-Магомета въ Дагестанѣ было причиною какого-либо безпорядка въ народѣ, мало симпатизирующемъ какъ бывшему ихъ имаму, такъ и его семейству, могу почти поручиться, что поѣздка туда Кази-Магомета, съ цѣлью выбора жены, будетъ безъ успѣха, какъ потому, что ни одинъ изъ болѣе знатной фамиліи дагестанецъ, зная какую исключительно затворническую жизнь ведутъ жены Шамиля въ Калугѣ и признавая себя выше происхожденіемъ, не отдастъ дочери своей за Кази-Магомета, такъ и потому, что послѣдній не захочетъ взять жены изъ среды низшаго слоя населенія.

«Желаніе Шамиля и Кази-Магомета въ отношеніи того, откуда именно взять для послѣдняго жену, а также брать-ли ее или не брать, еще не высказалось положительно, по случаю врожденной имъ обоимъ нерѣшитель-

ности,—постоянными результатами домашнихъ совѣтовъ по этому предмету бываетъ трата словъ и времени, а, между тѣмъ, здоровье Кази-Магомета страдаетъ.

«Докладывая объ этомъ вашему высокопр—ству, я, для выиграния времени, прошу ходатайства вашего о предоставленіи моему усмотрѣнію, по желанію Шамиля, или отправить лично Кази-Магомета въ Казань, срокомъ на одинъ мѣсяцъ, для выбора изъ среды тамошняго мусульманскаго населенія жены, или командировать туда переводчика Мустафу-Ягьина, который привезъ бы въ Калугу дѣвицу, пожелавшую заключить съ Кази-Магометомъ бракъ «никахъ» [1]), допускаемый кораномъ. Поѣздкѣ Кази-Магомета въ Казань могутъ сопутствовать переводчикъ и одинъ изъ членовъ семьи Шамиля. Что же касается до прогонныхъ денегъ на 6 почтовыхъ лошадей, отъ Калуги до Казани и обратно, а также дорожныхъ расходовъ, будутъ-ли они приняты на счетъ казны или должны быть произведены изъ собственности Шамиля, не оставьте почтить меня инструкціею. Примите увѣреніе и проч.».

Отвѣтъ на письмо это былъ слѣдующій:

«Въ разъясненіе вопросовъ, изложенныхъ въ письмѣ вашемъ, г. военный министръ признаетъ за лучшее отклонить подъ благовиднымъ предлогомъ поѣздку Кази-Магомета изъ Калуги и командировать переводчика для пріисканія и привоза въ Калугу такой дѣвицы, которая пожелала бы соединиться съ Кази-Магометомъ союзомъ «никахъ». Что же касается издержекъ по этой командировкѣ, то г. военный министръ находитъ возможнымъ принять ихъ на счетъ казны, но съ тѣмъ, чтобы онѣ бы были ограничены дѣйствительною необходимостью, безъ всякаго излишества. Я буду ожидать вашего увѣдомленія объ окончательномъ рѣшеніи по этому дѣлу на домашнемъ совѣтѣ Шамиля. Примите увѣреніе и проч.».

Возобновляя прошлогоднее желаніе, Шамиль объявилъ мнѣ, что онъ хочетъ оставить Калугу, съ тѣмъ, чтобы переселиться на жительство въ другой городъ, о чемъ и написалъ письмо къ военному министру.

Въ разъясненіе домогательства имама, я отправилъ отъ себя письмо, въ которомъ объяснилъ, что годъ тому назадъ, пріѣхавъ въ Калугу, я засталъ все семейство Шамиля, за исключеніемъ жены Кази-Магомета, Кариматъ, одержимой чахоткою, въ очень хорошемъ положеніи здоровья. Шамиль хотя съ врожденнымъ фанатизмомъ сохранялъ въ семьѣ своей правила строжайшаго «мю-

---

[1]) Бракъ «никахъ» заключается довѣренными отъ жениха лицами, безъ его личнаго присутствія.

ридизма», но при всемъ томъ, не лишая себя движенія и развлеченія, по приглашеніямъ, лично посѣщалъ иногда общество, присутствовалъ на зрѣлищахъ и публичныхъ гуляньяхъ, и охотно принималъ у себя посѣтителей. Остальные мужчины семьи военно-плѣннаго, какъ-то: сынъ Кази-Магометъ, зятья Абдурахманъ и Абдурагимъ и родственникъ Омаръ, весьма охотно пользовались гостепріимствомъ калужанъ, и будучи ревностными посѣтителями всѣхъ общественныхъ увеселеній, на которыхъ вели себя всегда благопристойно, подвергались постояннымъ за эти посѣщенія выговорамъ Шамиля, находившаго, что подобный образъ жизни запрещенъ «шаріатомъ», и крайне неприличенъ ревностнымъ поклонникамъ «мюридскихъ» тенденцій.

Пользуясь довѣріемъ имама и его семейства, я положительно могъ убѣдиться, что единственнымъ задушевнымъ желаніемъ его было достиженіе, какими бы то ни было путями—посредствомъ просьбъ или даже хитрости—возможности выѣзда въ Мекку. Для этого онъ всегда пріискиваетъ предлоги писать письма къ военному министру, къ намѣстнику кавказскому, хотя объ отвлеченныхъ предметахъ, но имѣющихъ тайную цѣль: напомнить о себѣ, напомнить о данномъ ему обѣщаніи!... Кромѣ того, Шамиль неоднократно просилъ меня формально ходатайствовать предъ начальствомъ о дозволеніи ему со всѣмъ семействомъ его переселиться въ Турцію, съ сохраненіемъ получаемаго имъ нынѣ денежнаго содержанія—содержанія, по образу его жизни, весьма значительнаго.

При всемъ моемъ стараніи отклонить Шамиля отъ просьбъ, могущихъ быть несвоевременными и, по настойчивости своей, неумѣстными, даже подозрительными,—онъ, упорно преслѣдуя свою цѣль и болѣе подчиняясь совѣтамъ полной фанатизма, хитрости и жадности къ деньгамъ, жены своей Заидатъ, ни на минуту не теряетъ надежды на скорый выѣздъ въ Мекку, вслѣдствіе чего вопросъ о возможной женитьбѣ здѣсь Кази-Магомета—женитьбѣ, присовѣтованной ему докторомъ,—могущей имѣть большое вліяніе на поправленіе его здоровья—оставляетъ нерѣшеннымъ!..

Въ послѣдніе полгода, Шамиль совершенно перемѣнилъ образъ жизни, что̀ имѣетъ вредное вліяніе на его и его семейства здоровье. Не смотря на постоянные со всѣхъ сторонъ совѣты—имѣть хотя маленькое движеніе, подышать иногда свѣжимъ воз-

духомъ, онъ буквально заперся въ натопленной до невозможности свободно дышать комнатѣ, съ энтузіазмомъ предался молитвѣ и строгому посту, пересталъ красить бороду, прибавилъ къ подписи своей на письмахъ слово: «старецъ» и, по наущенію жены Заидатъ, сокращая свои расходы до скряжничества, сталъ копить деньги. Такой же добровольно строгой арестантской жизни онъ подвергнулъ сына Кази-Магомета и зятей своихъ, тайно запретивъ имъ имѣть общество съ христіанами, и, для удержанія ихъ дома, допуская себя до мѣръ неприличныхъ: отбиранія платья, обшитаго галунами, запрещенія пользоваться лошадьми и экипажами и невыдачи ни одной копѣйки на карманные расходы.

Такимъ образомъ, настойчиво лишивъ себя свободы и развлеченія, дыша воздухомъ удушливыхъ комнатъ, изъ которыхъ, просидѣвъ не болѣе получаса, я, не природный житель Дагестана, всегда выхожу разслабленнымъ, съ головною болью и головокруженіемъ,—Шамиль и его семейство, постоянно восхищавшееся калужскимъ климатомъ, теперь вліянію того же климата стали приписывать всѣ свои недуги, дѣйствительною причиною которыхъ есть ничто иное, какъ ненормальный, тяжелый для свободнаго горца образъ жизни, какъ бы нарочно устроенный съ цѣлью накликать недуги, и, имѣя предлогъ сослаться на болѣзни, на блѣдность лица, свойственную всѣмъ затворникамъ, письмомъ къ военному министру напомнить о себѣ.

Съ этою цѣлью именно составлено было представленное мною письмо Шамиля. Онъ выражалъ надежду, что оно принесетъ ему разрѣшеніе, если не на отъѣздъ въ Мекку, то на переселеніе въ страну, населенную мусульманами, въ Крымъ или Казань, о которыхъ мѣстахъ онъ всегда разспрашиваетъ, и однажды даже потребовалъ карту, чтобы узнать о сообщеніи Крыма съ Турціею.

Выѣздъ изъ Калуги, не съ тѣмъ, чтобы прямо слѣдовать въ Константинополь и далѣе въ Мекку, не есть исключительное желаніе Шамиля. Онъ весьма откровенно говорилъ мнѣ неоднократно, что всегдашнее его желаніе («мурадъ») поселиться въ Меккѣ, а въ Россіи—жить-ли въ Калугѣ или въ Саратовѣ, для него безразлично; поэтому, безошибочно можно полагать, что перевозъ семейства Шамиля изъ одного въ другой городъ Россіи принесетъ только огромнѣйшіе для правительства расходы, но не остановитъ просьбъ о переселеніи въ «святыя мѣста».

По долгу службы, высказавъ все съ полною справедливостью и откровенностью, зная характеръ и образъ мыслей ввѣренныхъ мнѣ плѣнниковъ, я, полагая, что имѣть среди мусульманскаго населенія людей съ такимъ укоренившимся фанатизмомъ, какъ Шамиль, жена его Заидатъ, сынъ Кази-Магометъ и зять Абдурахманъ, довольно опасно, я полагалъ, для отклоненія просьбы Шамиля о перемѣщеніи его изъ Калуги, если это благоугодно будетъ правительству, пріискать нѣсколько благовидныхъ предлоговъ, а въ числѣ ихъ предложеніе Шамилю: не подвергать себя добровольно затворнической жизни, пользоваться движеніемъ, дозволяя себѣ возможное развлеченіе, и разрѣшеніе мнѣ нанять вблизи Калуги дачу, для перевоза туда на лѣто семейства имама, если онъ того пожелаетъ. Наемъ загородной дачи могъ быть сопряженъ съ весьма незначительными для казны расходами.

Въ заключеніи моего письма я замѣтилъ, что на смерть нѣсколькихъ дѣтей въ семьѣ Шамиля мѣстный климатъ не имѣлъ никакого вліянія; — они, большею частью, родились полуживыми, съ такими физическими недостатками, что, по опредѣленію домашняго медика, жизнь ихъ, при самыхъ благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, не могла быть продолжительною.

Черезъ три недѣли, Шамиль заявилъ мнѣ желаніе оставаться на жительствѣ въ Калугѣ и написалъ письмо къ военному министру въ томъ смыслѣ, что, съ прискорбіемъ узнавъ теперь о возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ безпорядкахъ (о чемъ ему было извѣстно при составленіи перваго письма), онъ считаетъ неумѣстнымъ своими собственными просьбами увеличивать заботы правительства, и причинять казнѣ расходы, почему проситъ предшествующее письмо его о перемѣщеніи изъ Калуги считать недѣйствительнымъ и неподлежащимъ удовлетворенію.

Между тѣмъ, отвѣтъ военнаго министра на письмо мое былъ тотъ, чтобы я, въ частномъ разговорѣ съ Шамилемъ, вывѣдалъ у него, не желаетъ-ли онъ на лѣто поселиться гдѣ нибудь на дачѣ вблизи Калуги, чтобы имѣть возможность пользоваться свѣжимъ и чистымъ воздухомъ.

На письмо Шамиля, военный министръ отвѣчалъ такъ:

«Свѣтилу учености, достойному уваженія Шамилю! Да будетъ ваша мудрость полезнымъ поученіемъ для другихъ!

«Содержаніе письма вашего ко мнѣ я имѣлъ счастіе докладывать Госу-

дарю Императору и Его Величество принялъ съ удовольствіемъ выраженныя въ немъ чувства. Въ Польшѣ большія шайки разбиты, но продолжаются еще безпокойства отъ мелкихъ партій. По всегдашнему своему милосердію, Государь Императоръ обѣщалъ прощеніе тѣмъ изъ мятежниковъ, которые положатъ оружіе до 1-го мая, но если они будутъ упорствовать въ своемъ заблужденіи, то сами будутъ виною своей погибели. Письмо ваше къ князю Барятинскому я отправилъ заграницу.

«Желаю, чтобы лѣтнее время окончательно укрѣпило силы ваши и семейства вашего».

Предложеніе провести лѣтній сезонъ на дачѣ Шамиль принялъ съ удовольствіемъ; извѣстіе, что расходы по этому случаю будутъ отнесены на счетъ казны, еще болѣе его порадовало.... Оставалось осмотрѣть окрестныя дачи, и сдѣлать выборъ которую изъ нихъ удобнѣе будетъ для насъ нанять. Домашній докторъ предложилъ свою дачу, Перцово, за 350 руб., и Шамиль, послѣ осмотра другихъ, рѣшился поселиться въ ней, хотя дача эта, на мой взглядъ, не представляла необходимыхъ удобствъ, и, главное, на ней не было помѣщенія для переводчика. Когда представленіе о наймѣ для семейства Шамиля дачи Перцово, на условіяхъ, мною заключенныхъ, было утверждено г. военнымъ министромъ, я пріискалъ дачу Ермолово, въ 7-ми верстахъ отъ Калуги, которая, будучи несравненно удобнѣе дачи Перцово, отдавалась въ наемъ, со всѣми расходами, за 250 руб.

— Какъ вы находите эту дачу? спросилъ я Шамиля, выѣхавшаго для ея осмотра.

— Прелесть, «бу джаннетъ!» (это рай),—отвѣчалъ онъ. Кромѣ достаточности помѣщенія, и мѣстность похожа на Чечню: здѣсь есть и овраги, и лѣсъ, и рѣка!..

— Въ такомъ случаѣ, не нанять-ли намъ Ермолово?... она дешевле ста рублями,—предложилъ я.

— «Фикиръ-этеикъ» (подумаемъ),—отвѣчалъ Шамиль, не желавшій порѣшить дѣла безъ обычнаго семейнаго «маслягата» (совѣщанія).

Дня черезъ три, переводчикъ доложилъ мнѣ, что Шамиль рѣшился переѣхать на дачу Перцово.

— Почему же не нанять Ермолово, когда оно и ближе, и удобнѣе, и дешевле?...

— Имамъ полагаетъ, что если не нанять Перцово, то это будетъ непріятно доктору,—отвѣчалъ Мустафа.

— Скажите Шамилю,—отвѣчалъ я,—что, не желая огорчить его отказомъ, я найму для него Перцово, тѣмъ болѣе потому, что наемъ этой дачи уже разрѣшенъ. Было бы гораздо приличнѣе,—прибавилъ я,—если бы Шамиль пріобрѣталъ расположеніе своихъ знакомыхъ собственными деньгами, а не деньгами казны!... Явное пристрастіе и лицепріятіе могли быть хороши въ Дарго, но не въ Калугѣ.

Разговоръ этотъ сдѣлался извѣстнымъ семейству имама.

Спустя три дня, переводчикъ доложилъ мнѣ, что имамъ рѣшился переѣхать на дачу Ермолово.

— Почему же не въ Перцово! спросилъ я улыбаясь.

— Имамъ полагаетъ,—отвѣчалъ Мустафа,—что Ермолово ближе, удобнѣе и дешевле ста рублями.

— Въ добрый часъ; завтра же взять почтовыхъ лошадей подъ три экипажа, нанять подводы подъ мебель; сегодня дать знать, чтобы приготовили дачу къ пріему жильцовъ, и маршъ въ дорогу!—сказалъ я, обрадовавшись окончанію дѣла.

— Имамъ желаетъ выѣхать сегодня въ два часа ночи, подъ понедѣльникъ, потому что это счастливый день для всѣхъ начинаній. Всѣ мужчины и женщины побрили и повыщипали волосы, обрѣзали ногти, и вали-кизъ (служанка), отправленная къ Окѣ, все это завязала въ тряпку и бросила въ воду....

— Ну, и прекрасно! значитъ, благополучіе предстоящей поѣздки и пребыванія на дачѣ—обезпечено. Ступайте же хлопотать объ отправкѣ нашей милой семейки въ путь, а вечеромъ я зайду съ ними проститься,—приказалъ я переводчику.

И такъ, моя несговорчивая семья перебралась на дачу Ермолово. Шамиль съ яснымъ лицомъ гуляетъ по обширному тѣнистому саду; громко напѣвая пѣснь тарриката «зикру», перебираетъ чотки, и въ сотый разъ перечитываетъ свои глубоко-умныя книги. Кази-Магометъ въ установленное время кричитъ «азамъ» (призывъ къ намазу), и, въ свободное отъ молитвъ время, прогуливается то верхомъ, то пѣшкомъ, по окрестностямъ. Абдурахманъ, нашъ доморощенный алимъ (ученый), играетъ роль дервиша: заперся въ

своихъ комнатахъ для молитвъ и смиренія, и, рапортуясь больнымъ, пріобрѣтаетъ право на супъ съ курицею!... Абдурагимъ и Омаръ такъ и наровятъ, чтобы спозаранку удрать или въ городъ, или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, въ гости. Женскій персоналъ купается въ рѣкѣ, и съ палками бѣгаетъ за любопытными деревенскими бабами. Заидатъ, занимаясь хозяйственною экономіею, командируетъ въ городъ Омара — мѣнять серебро и кредитки на полуимперіалы.

Зять Шамиля Абдурагимъ — прогрессистъ — не перестаетъ бомбардировать меня просьбами объ опредѣленіи его на службу. Желаніе это онъ заявляетъ всѣмъ пріѣзжимъ въ Калугу флигель-адъютантамъ, всѣмъ своимъ знакомымъ, которые, въ свою очередь, забрасываютъ меня вопросами: почему я не постараюсь пристроить Абдурахмана, Абдурагима и Омара на службу?

Обстоятельство это вызвало со стороны моей особое къ докладу военному министру представленіе, въ которомъ я изложилъ, что Абдурагимъ — молодой человѣкъ безъ фанатизма и претензіи на имя алима, желая посѣщать общество и пользоваться свободою дѣйствій, — свободою, далеко несогласною съ правилами строгаго «мюридизма», подвергается постояннымъ упрекамъ, выговорамъ, и со дня на день болѣе выказывающемуся нерасположенію къ нему Шамиля; что, стѣсняясь подобнымъ положеніемъ, Абдурагимъ неоднократно обращался ко мнѣ съ просьбами объ исходатайствованіи ему позволенія выѣхать изъ Калуги, съ предоставленіемъ возможности поступить на дѣйствительную службу.

Зная характеръ горцевъ, которые нерѣдко готовы отказаться отъ того сегодня, чего хотѣли вчера, — я счелъ необходимымъ доложить министру подробности домогательства Абдурагима и предстоящихъ при исполненіи его затрудненій.

Абдурагимъ, завидуя участи Магомета-Шафи и другихъ дагестанскихъ товарищей, въ свою очередь желаетъ удостоиться счастья служить въ Собственномъ Е. И. В. конвоѣ, въ конвоѣ Е Выс—ва Намѣстника Кавказскаго, или въ конвоѣ же Е. Выс—ва Намѣстника Царства Польскаго; между тѣмъ, исполненіе просьбы Абдурагима будетъ для Шамиля крайне непріятнымъ. Если онъ и согласится на выѣздъ зятя изъ Калуги, то ни за что не пожелаетъ

добровольно разстаться со своею дочерью, и хотя, согласно правилъ «шаріата», вытребовалъ Кариматъ отъ Даніель-бека, такъ же согласно правилъ того же «шаріата», найдетъ «дорогу» не отдавать жены Абдурагиму, вслѣдствіе чего споръ по этому предмету необходимо будетъ передавать на рѣшеніе дагестанскихъ алимовъ. Опредѣленіе въ конвой Абдурагима, безъ сомнѣнія, повлечетъ за собою подобнаго рода просьбу со стороны другаго зятя Шамиля, Абдурахмана, и родственника его Омара, такъ что, при исполненіи ихъ желаніи, Шамиль останется въ Калугѣ только съ сыномъ Кази-Магометомъ, женами и малолѣтними дѣтьми.

Отвѣтъ на это письмо былъ тотъ, что желанія зятьевъ Шамилевыхъ не иначе могутъ быть исполняемы, какъ съ согласія самого Шамиля, и чтобы я не обѣщалъ что нибудь этимъ молодымъ людямъ безъ вѣдома старика.

Огорченный моимъ притворнымъ равнодушіемъ къ его участи, Абдурагимъ отправился къ калужскому гражданскому губернатору, и словесно заявилъ желаніе поступить на службу, вслѣдствіе чего я получилъ отъ г. Лерхе офиціальный запросъ: не встрѣчается-ли, по семейнымъ какимъ-либо обстоятельствамъ, препятствія къ поступленію въ военную службу Абдурагима?

Въ отвѣтъ на это, я объяснилъ губернатору содержаніе вышеприведеннаго ко мнѣ письма, не допускающаго, чтобы Абдурагимъ, безъ желанія Шамиля, былъ опредѣленъ на службу. Ни Шамиль, ни я, не были въ зависимости отъ губернатора, а слѣдовательно, его вмѣшательство было лишнимъ.

Пріѣхавшій съ дачи въ городъ, Кази-Магометъ крайне удивилъ меня вопросомъ: можно-ли имъ требовать отъ помѣщицы дровъ для варенія пищи и отопленія комнатъ, и отвода луговъ для пастьбы лошадей и заготовленія сѣна?... Получивъ отрицательный отвѣтъ, сынъ Шамиля заявилъ мнѣ спекулятивный проектъ: продать саженей 20 дровъ, заготовленныхъ на счетъ казны для калужскаго ихъ дома, и деньги, такимъ образомъ вырученныя, употребить на покупку дровъ для дачи.

— Помилуй, мой другъ,—сказалъ я Кази-Магомету,—неужели вамъ не будетъ стыдно, когда по Калугѣ пойдетъ молва, что высокопочтенный имамъ занимается продажею дровъ?...

— Дрова потихоньку продастъ Мустафа, — замѣтилъ сынъ Шамиля, бывшій «мудиръ» падшаго имамата.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ переводчикъ, — увольте; я не приму на себя подобной операціи.

Съ переѣздомъ на дачу, домашніе расходы Шамиля значительно сократились. Вся семья больше питается молокомъ и творогомъ, а лошади—подножнымъ кормомъ, безъ овса. Экономія эта однако же не останавливаетъ жалобъ на недостатокъ отпускаемыхъ ежегодно на содержаніе 15,000 руб. Владѣтельница дачи Ермолово согласилась отпускать семейству Шамиля штофъ парнаго молока по 6-ти коп.; скупая до скряжничества, Заидатъ нѣсколько дней торговалась и сбила цѣну до 5-ти копѣекъ.

При посѣщеніи губернатора, Кази-Магометъ, по-истиннѣ нагло, завелъ разговоръ объ огромныхъ въ домѣ отца расходахъ, и о недостаткѣ отпускаемыхъ ему отъ казны денегъ. Не желая разоблачать этой лжи, и давая губернатору нѣсколько уклончивыхъ по этому предмету отвѣтовъ, я сказалъ Кази-Магомету по кумыкски, чтобы онъ перемѣнилъ разговоръ.

— Магомету-Шафи, вашему брату, жизнь въ Петербургѣ стоитъ дорого, потому что онъ посѣщаетъ общество, гулянья, театры, и, какъ я слышалъ, куритъ отличныя сигары и пьетъ шампанское,— сказалъ губернаторъ.

Замѣчаніе это надѣлало мнѣ много хлопотъ; возвратясь домой, я гласно протестовалъ и насилу могъ увѣрить святошъ, что дошедшіе до губернатора слухи несправедливы! Если Магометъ-Шафи любилъ вращаться въ цивилизованномъ обществѣ, то отъ картъ, табаку и вина всегда держалъ себя далеко.

III.

Пріѣзды мои на дачу къ Шамилю сопряжены съ лишними для него расходами, и потому я стараюсь посѣщать его рѣже. Быть можетъ, самъ онъ и радъ, имѣя случай пообѣдать лучше обыкновеннаго, но Заидатъ навѣрное проклинаетъ мое посѣщеніе, стоющее въ одинъ разъ дороже двухънедѣльной жизни. Приготовленіе послѣдняго обѣда для меня и для доктора стоило 8 рублей.

Со своимъ всегда искусно-симпатичнымъ лицомъ, Шамиль, за чашкою чая, бесѣдовалъ очень весело. Я постоянно говорю съ нимъ не стѣсняясь, даже о предметахъ, которые для святоши могутъ быть очень скоромными. Свобода рѣчи свойственна горцамъ.

— Часто ли вы купаетесь въ рѣчкѣ? спросилъ докторъ.

— Да, каждый день,—отвѣчалъ Шамиль.

— Нѣтъ ли въ рѣкѣ змѣй? замѣтилъ я.

— Какъ не быть; но такихъ, какія есть въ Дагестанѣ, здѣсь нѣтъ,—сказалъ Шамиль.

— Какія же это змѣи въ Дагестанѣ?...

— Есть змѣи длинныя, тонкія, которыя, зацѣпившись за дерево, окручиваютъ ногу буйвола и притягиваютъ его къ себѣ, чтобы потомъ задушить!...

— Ну, ужъ извините, имамъ, такихъ змѣй не только въ Дагестанѣ, но и во всемъ Кавказѣ нѣтъ,—сказалъ я улыбаясь.

— Нѣтъ, есть, я это знаю! настаивалъ Шамиль.

— Въ какомъ же мѣстѣ?

— Есть въ Уллѣ-калѣ, есть въ Могохѣ...

— Помилуйте, я цѣлый годъ жилъ въ Улли-калѣ и около Могоха, и не только не видѣлъ подобныхъ змѣй, но и не слышалъ объ ихъ существованіи тамъ.

— Повѣрьте, что есть!... Онѣ просто такъ и тащатъ за ногу самаго сильнаго буйвола! твердилъ старикъ.

— Да у васъ въ Дагестанѣ и буйволовъ-то нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ? вмѣшался Абдурахманъ; у имама была буйлица, у моего отца была буйлица, у Даніель-бека была буйлица...

— Далеко же было змѣямъ ходить изъ Могоха въ Дарго и Прибъ, за этими тремя буйлицами, имамъ!—обратился я къ Шамилю.—Вы сами видѣли дагестанскихъ злыхъ змѣй?...

— Нѣтъ, я не видѣлъ, но мнѣ говорили,—отвѣчалъ старикъ.

— Квартируя въ Дженгутаѣ,—сказалъ я,—я былъ однажды на вечеринкѣ («былкэа», посидѣлки), гдѣ было много женщинъ, занятыхъ обивкою кукурузы. Хозяйка моя, Бакай, разсказывала, что въ пустомъ домѣ за ханскимъ дворцомъ поселились черти...—Ты ихъ сама видѣла? спросилъ я.—Нѣтъ, я сама не видала, но видѣла Айхали...—Я сама не видала, видѣла Туту-гушь,—отозвалась Айхали.—Нѣтъ, я не видѣла, а видѣла Девистъ-канъ...—Іохъ,

іохъ (нѣтъ, нѣтъ!), я не видала; мнѣ говорила Манаша, и такъ далѣе. — Вѣроятно, такой же результатъ справокъ былъ бы и о твоихъ дагестанскихъ змѣяхъ, — сказалъ я Шамилю, который усердно смѣялся моему разсказу.

Послѣ появленія въ газетахъ извѣстія, будто бы въ партіи польскихъ инсургентовъ находился сынъ Шамиля, я совѣтовалъ имаму опровергнуть эту утку и послалъ къ нему на дачу, съ переводчикомъ, черновое письмо къ военному министру, слѣдующаго содержанія:

«Въ № 130-мъ газеты «Русскій Инвалидъ» перепечатана телеграфическая депеша, сообщающая о нахожденіи будто-бы моего сына въ экспедиціи одного изъ польскихъ агитаторовъ, полковника Лапинскаго (Тефикъ-бея).

«Проникнутый чувствами глубокой преданности къ Великому Государю Императору, осыпавшему меня своими щедрыми милостями, а равно чувствами благодарности къ его вѣрноподданному народу, оказавшему мнѣ добродушное гостепріимство, я, будучи крайне оскорбленъ взведенною на мой домъ позорною клеветою, считаю себя обязаннымъ просить ваше высокопр—ство опровергнуть ее гласно, давая этимъ знать всѣмъ завистникамъ величія Россіи, что ни я, ни мои дѣти, не способны быть на столько презрѣнными, чтобы принимать участіе или сочувствовать въ ихъ неправыхъ замыслахъ, и за дарованныя мнѣ и всему Кавказу благодѣянія заплатить черною измѣною!

«Я буду несказанно счастливъ, если, при всеподданнѣйшемъ докладѣ содержанія моего настоящаго къ вамъ письма, нисходящія отъ глубины моего сердца чувства будутъ отечески всемилостивѣйше приняты Великимъ Государемъ Императоромъ, на защиту правъ котораго я, дряхлый старецъ, готовъ обнажить ту самую шашку, которую имѣлъ счастіе получить въ даръ изъ рукъ его величества.

«Да ниспошлетъ Всевышній Богъ всѣ блага Великому Царю и его вѣрноподданной Россіи!»

Послѣ десятидневныхъ семейныхъ совѣтовъ, письмо это оставалось неотправленнымъ.

— Почему вы не хотите перевести и написать этого письма къ военному министру? спросилъ я Кази-Магомета.

— Мы не умѣемъ хорошо писать по арабски, да притомъ министру и такъ извѣстно, что свѣдѣніе о нахожденіи сына имама въ шайкѣ Тефикъ-бея—ложно.

— Конечно, намъ извѣстно; но за границею могутъ поду-

мать, что это правда; письмо ваше было бы читано въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Константинополѣ. Писали же вы письма прежде и они были хороши,—заключилъ я.

Повторять далѣе мой совѣтъ я считалъ лишнимъ,—исполненіе его было бы уже явно нечистосердечнымъ. Постоянныя затѣмъ намеки на то, что Абдурахманъ, игравшій роль домашняго секретаря, не хочетъ заниматься письмоводствомъ, кажутся мнѣ только предлогомъ, оправдывающимъ неисполненіе моего совѣта. Шамилю стоило приказать, и Абдурахманъ не посмѣлъ бы ослушаться приказанія своего имама, и притомъ родственника.

На два отправленныя Шамилемъ изъ Калуги письма, бывшій намѣстникъ кавказскій отвѣтилъ однимъ, сообщающимъ о прибытіи въ С.-Петербургъ и о томъ, что здоровье его за границею нѣсколько возстановилось.

— Я хочу отвѣчать князю Барятинскому,—сказалъ мнѣ Шамиль.

— Какъ хочешь, но письмо князя не вызываетъ на отвѣтъ; придерживаясь твоей методѣ, перепискамъ не было бы конца! отвѣчалъ я.

Однако, напоминая о себѣ, Шамиль написалъ къ князю Барятинскому новое посланіе. Вотъ оно:

«Главѣ всѣхъ великихъ людей, велико-ученому, чище корней древесныхъ князю фельдмаршалу Барятинскому. Да возвеличится твое здоровье и могущество.

«Здоровье ниспослано тебѣ Богомъ; драгоцѣнное письмо твое я получилъ. Прибытіе твое въ Петербургъ очень меня обрадовало; одно, что огорчаетъ меня, это невозможность видѣть тебя лично, а я надѣялся видѣть тебя уже потому, что ты мнѣ это обѣщалъ!

«Надѣюсь, что, при помощи Бога, я еще буду имѣть это счастіе, котораго отъ души желаю!»

По случаю произведеннаго въ нѣкоторыхъ дачахъ воровства, Кази-Магометъ, по порученію отца, обратился ко мнѣ съ просьбою потребовать въ Ермолово, для ночныхъ карауловъ при домѣ и конюшнѣ, солдатъ. Не имѣя основанія исполнить эту просьбу, тѣмъ болѣе потому, что состоявшій до сего при домѣ Шамиля въ городѣ ночной полицейскій караулъ снятъ полиціймейстеромъ

вслѣдствіе весьма основательнаго разсужденія, что человѣкъ, получающій отъ правительства огромное содержаніе, можетъ нанимать отъ себя дворниковъ, я предписалъ переводчику Турминскому предложить Шамилю нанять какъ для дома въ Калугѣ, такъ и для дачи, сторожей.

Г. Турминскій отвѣчалъ мнѣ рапортомъ, что Шамиль отвергнулъ это предложеніе, по видимому, какъ излишнее, или, правильнѣе сказать, вредящее его экономіи, и обязанность ночныхъ сторожей возложена имъ на Кази-Магомета и Исмаила, которые и совершаютъ ночной дозоръ, вооруженные возможнымъ оружіемъ.

— Кто сторожитъ васъ ночью на дачѣ? спросилъ я при свиданіи Кази-Магомета.

— Мы сами по очереди караулимъ.

— Ружья и пистолеты заряжены?

— Гай, гай, заряжены.

— Смотрите, не убейте кого нибудь.

— «Валла»—убью! Какъ вора не убить! отвѣчалъ сынъ имама съ энтузіазмомъ.

— Ну, а я прошу васъ не забывать, что здѣсь не Чечня и не Дагестанъ, и что здѣсь убивать даже воровъ нѣтъ «адата»,— сказалъ я серьезно Кази-Магомету.

Сенаторъ Арцимовичъ, выѣхавъ изъ Калуги, гдѣ на время оставилъ свое семейство, въ письмахъ къ женѣ постоянно освѣдомлялся о семействѣ Шамиля, и передавалъ ему самые дружескіе поклоны. Передавая это вѣжливое привѣтствіе, я всегда замѣчалъ, что имамъ конфузится, сознавая, что въ отношеніи г. Арцимовича выказалъ себя человѣкомъ неблагодарнымъ. Желая поправить чѣмъ нибудь свой промахъ, старикъ заявилъ мнѣ желаніе подарить въ знакъ памяти супругѣ г. Арцимовича золотые дамскіе часы.

— Жена г. Арцимовича всегда надѣляла подарками моихъ дѣтей, и я хочу отблагодарить ее за вниманіе,—замѣтилъ при этомъ Шамиль.

Г-жа Арцимовичъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, нельзя ли ей отказаться отъ подарка, но я отвѣчалъ, что непринятіе его оскорбитъ и Шамиля и его адаты (обычаи).

Подарокъ былъ принятъ.

Черезъ мѣсяцъ, г. Арцимовичъ прислалъ изъ Петербурга, въ подарокъ Шамилю, отличной работы Сазикова, въ азіатскомъ вкусѣ, массивный серебряный съ рѣзьбою и позолотою сервизъ, стоющій вдвое того, что̀ стоили часы. Сервизъ этотъ передавалъ калужскій помѣщикъ, г. Свистуновъ. Шамиль былъ очень радъ подарку.

Горцы имѣютъ обычай, при полученіи подарка изъ благороднаго металла, прежде чѣмъ поблагодарить за него, взвѣшивать на рукѣ, освѣдомляясь о цѣнѣ и качествѣ подарка, что̀ въ присутствіи дарящаго можно считать неделикатностью. Отозвавъ въ сторону Абдурахмана, я не успѣлъ еще ему передать, чтобы онъ по лезгински предупредилъ имама не освѣдомляться о цѣнѣ и достоинствѣ подарка, какъ старикъ, взвѣшивая на рукѣ кофейникъ, спросилъ, чистое ли это серебро и золото?

Прощаясь съ г. Свистуновымъ, Шамиль сказалъ, что письменно поблагодаритъ сенатора за подарокъ и вниманіе,—чего въ послѣдствіи не исполнилъ.

Расчитывать на благодарность нашихъ кавказскихъ, а въ томъ числѣ и калужскихъ горцевъ никакъ нельзя; сколько для послѣднихъ сдѣлали добра предмѣстники мои, полковникъ Богуславскій и капитанъ Руновскій, но и о нихъ они отзываются безъ особенной признательности.

Когда въ Дамаскѣ мусульмане рѣзали христіанъ и Абдель-Кадеръ защищалъ послѣднихъ, Шамиль написалъ письмо къ эмиру, восхваляя его человѣколюбивыя дѣйствія. Письмо это было болѣе исполненіемъ настойчиваго совѣта предмѣстника моего, чѣмъ искреннимъ заявленіемъ чувствъ. Посланіе къ эмиру переписывалось два раза, потому что въ первомъ, по показанію переводчика Турминскаго, имамъ сдѣлалъ неловкую подпись: «находящійся въ рукахъ невѣрныхъ, рабъ Божій Шамуиль».

Гвардіи капитанъ Руновскій, при письмѣ изъ Тифлиса, препроводилъ новую азбуку, которая можетъ замѣнить арабскія буквы русскими, и которая легко можетъ быть принятою въ употребленіе аварцами,—спрашивая мнѣнія Шамиля: въ какой степени это нововведеніе можетъ быть примѣнимо?

Вопросъ этотъ занялъ умы калужскихъ горцевъ. Пошли обыкно-

венные толки и совѣщанія; въ присутствіи моемъ всѣ рѣшили, что по новой азбукѣ весьма легко читать и писать по аварски. Оставалось отвѣтить на вопросъ, но отвѣтъ замедлялся, и, наконецъ, въ оправданіе моей догадки, что имамъ не будетъ на сторонѣ нововведенія, капитанъ Руновскій получилъ письмо, въ такихъ выраженіяхъ, что Шамиль не можетъ опредѣлить, будетъ ли новая азбука полезною или нѣтъ, потому что въ имѣющихся у него ученыхъ книгахъ ничего о подобномъ предметѣ не говорится. Въ заключеніе, имамъ совѣтовалъ г. Руновскому съ вопросомъ объ азбукѣ обратиться къ дагестанскимъ алимамъ, которые умнѣе его, Шамиля.

— Откуда ты такъ хорошо знаешь нашъ коранъ и наши изустныя преданія? спросилъ меня однажды старикъ.

— Я ихъ читалъ у литовскихъ татаръ.

— По арабски?

— Нѣтъ, по русски и по польски.

— О, бѣдный нашъ коранъ! обращаясь къ сыну, сказалъ Шамиль,—его переводятъ на языки гяуровъ!...

Кази-Магометъ, покачавъ головою, глубоко вздохнулъ.

На основаніи 106-го стиха главы III-й корана, признающаго мусульманъ лучшимъ въ свѣтѣ народомъ, мусульмане-фанатики не терпятъ, чтобы въ рукахъ христіанина были ихъ арабскія религіозныя книги; поэтому, замѣтивъ, что просьбы мои одолжить ихъ для прочтенія весьма непріятны Шамилю, который нѣкоторымъ образомъ прямо отказать стѣсняется, я оставилъ его библіотеку въ покоѣ и онъ очень радъ, что его книги далеко отъ табачнаго дыма и нечистыхъ рукъ гяура! Хотя у Шамиля есть нѣсколько экземпляровъ корана, но онъ, зная, что одинъ экземпляръ имѣетъ переводчикъ Турминскій, всѣми силами старался выручить его изъ рукъ невѣрнаго, то прося подарить, то предлагая уступить за деньги.

Разговаривая о моихъ предмѣстникахъ, Абдурахманъ, клеврет Заидатъ, аттестовалъ ихъ такимъ образомъ:

— Богуславскій—человѣкъ вспыльчивый. Имамъ былъ имъ недоволенъ за то, что онъ всегда твердилъ, будто бы отпускае-

мыхъ отъ правительства намъ на содержаніе денегъ очень достаточно. Однажды старикъ очень-очень разсердился, когда полковникъ подробно расчиталъ, сколько у него именно выходитъ въ мѣсяцъ денегъ. Имамъ даже сказалъ, что вмѣшиваться въ его денежныя дѣла никто не имѣетъ права.

— Руновскій—обращался съ нами очень мягко, онъ постоянно какъ будто-бы обнадеживалъ насъ, что мы скоро будемъ отпущены въ Мекку, а между тѣмъ обѣщанія эти были только «сладкими словами» (ширинъ-сёзляръ).

— А обо мнѣ что говорятъ ваши домашніе? спросилъ я съ улыбкою.

— Говорятъ, что полковникъ нашъ «копъ октемъ киши» (очень гордый человѣкъ), ничего не обѣщаетъ, чего нельзя сдѣлать, но за то: «дурюстъ киши» (прямой человѣкъ).

— Ну, это еще отзывъ не дурной! замѣтилъ я.

— Почему ты не навѣщаешь имама каждый день? спросилъ Абдурахманъ.

— А потому,—отвѣчалъ я,—чтобы не возбудить въ васъ подозрѣнія, что я присматриваю за вами, не довѣряю вамъ. Вы бы это непремѣнно подумали.

Абдурахманъ засмѣялся.

— Ты бы приходилъ къ намъ почаще пить чай, обѣдать,— сказалъ онъ, расчитывая, что мое присутствіе за столомъ улучшило бы обѣденную ѣду.

— Спасибо; я не хочу, чтобы вы имѣли предлогъ говорить, что я васъ объѣдаю... Подобная исторія была же при моемъ предмѣстникѣ.

Собесѣдникъ мой сконфузился и замолчалъ.

Въ ту самую минуту, когда я садился въ экипажъ, чтобы ѣхать на приглашенный парадный вечеръ, переводчикъ доложилъ мнѣ, что Шамиль проситъ меня на чай.

— Поблагодарите и скажите имаму, что я отозванъ въ гости и потому сегодня быть не могу. При томъ, что за странная манера — приглашать къ обѣду или чаю именно въ ту минуту, когда уже накрытъ обѣденный столъ или поданъ самоваръ?

Нельзя же мнѣ постоянно отказываться отъ другихъ приглашеній, въ ожиданіи, авось не пригласитъ ли меня Шамиль!...

На другой день, когда я зашелъ къ Шамилю, онъ встрѣтилъ меня словами:

— Вчера, мы напрасно купили пирожнаго и фруктовъ, полагая, что ты придешь къ намъ пить чай!..

— Очень сожалѣю,—отвѣчалъ я,—что былъ причиною лишнихъ расходовъ.

Того же дня, вечеромъ, зашелъ ко мнѣ Кази-Магометъ и попросилъ секретной аудіенціи. Я полагалъ, что дѣло идетъ о чемъ нибудь очень важномъ.

— Пожалуйста, полковникъ,—сказалъ сынъ Шамиля,—не отказывайся приходить къ отцу, когда онъ приглашаетъ тебя на чашку чая; при отказѣ, имамъ можетъ подумать, что ты имъ недоволенъ, или сердишься...

— «Чохъ якши» (очень хорошо),—отвѣчалъ я Кази-Магомету, увѣривъ его, что мнѣ сердиться на нихъ незачто.

При посѣщеніяхъ Шамиль всегда отзывается, что для него самое пріятное то время, когда онъ спокойно сидитъ въ своемъ кабинетѣ и читаетъ ученыя книги. Однажды, пріѣхавшій къ нему съ визитомъ, генералъ Гринфельдъ сталъ извиняться, что бываетъ рѣдко.

— Если ко мнѣ приходятъ гости, то я очень радъ, а если не приходятъ—то я тоже радъ!... Когда меня оставляютъ спокойно молиться Богу и читать книги, то я бываю такъ доволенъ, какъ бываетъ доволенъ заяцъ, не видѣвшій за собою собакъ, — отвѣчалъ неловкимъ сравненіемъ старикъ.

Переводчикъ Мустафа не перевелъ дословно этой метафоры.

Вообще Шамиль не умѣетъ поддержать кабинетнаго разговора. Кази-Магометъ и Абдурахманъ, на аварскомъ нарѣчіи, всегда подсказываютъ ему что̀ сказать, или что̀ отвѣчать гостю. Только бесѣда о Кавказѣ и о томъ, что̀ написано въ арабскихъ книгахъ, идетъ довольно плавно. Каждый посѣтитель выдерживаетъ неизбѣжные вопросы: какъ его имя, фамилія, откуда пріѣхалъ, на долго ли, сколько дней нужно ѣхать до С.-Петербурга изъ того города, въ которомъ онъ живетъ и т. п.

— Какое сегодня ясное небо,—сказалъ я однажды, гуляя съ Шамилемъ на дачѣ.

— А ты знаешь ли, изъ чего составленъ небесный сводъ? спросилъ старикъ, видимо желавшій прочитать мнѣ лекцію.

— Напримѣръ? отвѣчалъ я, вызывая его на разговоръ.

— Изъ хрусталя,—сказалъ онъ съ авторитетомъ, и пошелъ цитировать то смѣшное описаніе семи небесъ, которое мы читаемъ въ біографіи ихъ пророка.

Опровергать то, что находится въ книгахъ: коранѣ, гадисѣ и суннетѣ, даже въ книгѣ, называемой «Сумка всего чудеснаго» (Хадиратуль Аджаибъ), похожей на сказки «Тысяча одной ночи», было бы напраснымъ трудомъ. Шамиль отвѣчаетъ всегда: «такъ написано въ книгахъ» и баста.

Абдель-Кадеръ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ уклоняясь отъ рутины, и потому, какъ человѣкъ передовой, не пользуется расположеніемъ Шамиля и его семейства. Письма эмира, помѣщенныя въ газетахъ, о прорытіи Суэзскаго канала и другія, не производятъ на Шамиля пріятнаго впечатлѣнія.

Командиръ мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, полковникъ Еропкинъ, конфиденціально обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы Шамиль, или кто нибудь изъ его родственниковъ, привелъ къ присягѣ на вѣрность службы поступившихъ въ баталіонъ рекрутъ изъ мусульманъ.

Вслѣдствіе моего о томъ предложенія, явился ко мнѣ, отъ Шамиля, Абдурахманъ, съ объясненіемъ, что, по религіи, никто изъ нихъ не имѣетъ права давать другимъ присягу.

— Удивляюсь,—отвѣчалъ я,—что вы рѣшаетесь говорить мнѣ подобную ложь, зная притомъ, что ваши обряды хорошо мнѣ извѣстны!.. Приводить къ присягѣ можетъ каждый мусульманинъ, умѣющій читать по-арабски. Впрочемъ, комендантъ обошелся и безъ васъ: рекрутовъ привелъ къ присягѣ казанскій грамотный татаринъ. Своими фанатическими выходками вы себѣ же вредите.

Имамуль Шамуиль далъ имя новорожденной дочери переводчика Мустафы, и я присутствовалъ при этой церемоніи. Младенца, уложеннаго на бѣлой большой подушкѣ «назверишь»

и покрытаго бѣлымъ же одѣяльцемъ, положили на стулъ, передъ сидящимъ въ креслѣ имамомъ; онъ нагнулся къ правому уху малютки и пропѣлъ громко составляющія символъ магометанской вѣры слова: «Ля иль Алла-иль Алла, Магометъ расуль Алла»[1], а потомъ, перевернувъ дитя, пропѣлъ то же въ лѣвое ухо, каждый разъ троекратно.

— У пророка нашего Магомета были дочери: Аминатъ, Фатиматъ, Написатъ, Заидатъ, Умма-Гульсумъ. Какое изъ этихъ именъ ты хочешь дать своей дочери? спросилъ имамъ у Мустафы.

— Умма-Гульсумъ,—отвѣчалъ послѣдній.

— Это хорошее имя,—замѣтилъ имамъ, нагнулся къ лицу дѣвочки, подулъ направо и налѣво и троекратно повторилъ: —«Ей Умма-Гульсумъ! Ля иль Алла-иль Алла, Магометъ расуль Алла!»

Затѣмъ, мы усѣлись за обѣденный столъ. Я полагалъ, что онъ приготовленъ на счетъ Шамиля, а вышло на оборотъ: насъ потчивалъ, получавшій годоваго жалованья 400 р., переводчикъ.

Обѣденный столъ у Шамиля всегда сервируется по-европейски, но серебро замѣняется издѣліями Фраже, будто бы ради смиренія. Однажды, какъ бы оправдываясь въ томъ, что допустилъ отступленіе отъ обычаевъ старины—ѣсть сидя съ поджатыми ногами на землѣ,—Шамиль, указывая на накрытый на десять кувертовъ столъ, сказалъ мнѣ: «Такъ ѣлъ Исса-пейганберъ (пророкъ Іисусъ) со своими учениками».

— Въ такомъ случаѣ, послѣдуемъ его примѣру, «Бисъ мильля» (во имя Господне),—отвѣчалъ я.

— «Бисъ мильля!» проговорилъ довольный имамъ, и сѣлъ за столъ.

Прислуга въ домѣ Шамиля — изъ христіанъ. Она мѣняется очень часто; въ теченіе года перемѣнилось шесть кучеровъ. Я подозрѣваю, что это дѣлается изъ экономіи и спекуляціи: старый кучеръ увольняется и, покуда пріищется другой, проходитъ 5 или 10 дней; за лошадьми кой-кто присмотритъ, а между тѣмъ,

---

[1]) Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его.

два-три рубля осталось въ карманѣ. Съ лакеемъ и поваромъ, на дняхъ, разыгралась такая сцена: имъ было объявлено, что они не нужны и потому увольняются отъ службы. Черезъ четыре дня, они, по приглашенію, опять заняли прежнія мѣста, но съ уменьшеніемъ жалованья на одинъ рубль въ мѣсяцъ.

Та же скупость въ отношеніи употребленія экипажа. Сынъ и зятья имама всегда готовы принять приглашеніе покататься на моихъ лошадяхъ, но никогда не предложатъ мнѣ подобнаго же одолженія, даже тогда, если будутъ видѣть, что экипажъ мой требуетъ починки. Впрочемъ, зятья не имѣютъ права ни распоряжаться, ни ѣздить на шамилевскихъ лошадяхъ; они постоянно путешествуютъ по образу пѣшаго хожденія и отъ души злятся за это лишеніе, тѣмъ болѣе, что нанимать биржевыхъ извощиковъ не на что. Шамиль сначала давалъ имъ на карманные расходы по 10-ти р. въ три мѣсяца, но потомъ прекратилъ эту подачку, въ томъ расчетѣ, что они, не имѣя въ карманѣ копѣйки, отстанутъ отъ свѣтскихъ удовольствій. Мѣра эта, въ отношеніи къ Абдурахману, была успѣшною; но Абдурагимъ положительно не захотѣлъ отстать отъ общества и далъ себѣ слово никогда не просить у имама денегъ и не ѣздить въ его экипажахъ. «Я лучше у васъ, полковникъ, попрошу четвертку табаку, зная, что вы ее не пожалѣете, но не попрошу «абаза» (20 к.) у Шамиля»,—сказалъ Абдурагимъ.

— Отчего бы вамъ не давать Абдурахману и Абдурагиму рублей по 10-ти въ мѣсяцъ на карманные ихъ расходы? спросилъ я однажды Кази-Магомета.

— «Валла! биръ шай вермесъ!» (ей-Богу, пяти копѣекъ не дадимъ),—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ имъ деньги? затѣмъ, чтобы они могли шататься по городу, по гуляньямъ, по знакомымъ? [1]). Имъ имамъ даетъ хлѣбъ, даетъ одежду, и довольно!..

— Дорого же имъ приходится вашъ кусокъ хлѣба и пара сапоговъ; они должны платить за нихъ своею свободою! замѣтилъ я.

— А въ Дагестанѣ они умерли бы съ голоду! сказалъ Кази-Магометъ въ-сердцахъ.

---

[1]) Главы 3-й корана стихъ 27-й говоритъ: «Чтобъ вѣрующіе не брали въ друзья или покровители невѣрныхъ. Тѣ, которые это сдѣлаютъ, не должны ни на что надѣяться отъ Бога».

— Въ Дагестанѣ умирали съ голоду только при вашемъ управленіи, а теперь тамъ много кукурузы. Поступивъ на службу въ милицію, молодые люди получали бы порядочное жалованье...

— Такъ почему же они не ѣдутъ въ Дагестанъ? Мы были бы душевно рады избавиться отъ присутствія этихъ кумухцевъ! (кумухли).

— Какъ же имъ ѣхать, когда вы не отдаете имъ женъ?

— Жены сами собою не хотятъ за ними слѣдовать, а по правиламъ «шаріата» отдать ихъ нельзя! Еслибы покойная жена моя Кириматъ и отецъ ея Даніель-бекъ сами не желали, то я никогда не позволилъ бы себѣ взять ее насильно изъ родины въ Калугу.

Это была совершенная ложь, основанная на предположеніи, что дѣло это мнѣ неизвѣстно. Кириматъ никогда не хотѣла ни ѣхать въ Калугу, ни жить съ мужемъ въ Калугѣ—насиліе въ этомъ отношеніи свело ее въ могилу. Смерть этой несчастной молодой женщины должна лежать на совѣсти Шамиля и Кази-Магомета, которые, считая откровенные совѣты медиковъ обманомъ, не внимая мольбамъ покойницы, не отпустили ее на родину.

Кириматъ не любила своего мужа; она всегда поносила его самыми обидными эпитетами, заключая ихъ фразою, что «человѣкъ, который насильно держитъ нелюбящую его жену, не заслуживаетъ чести называться мужчиною!» Объ этихъ семейныхъ тайнахъ разсказывала мнѣ Е. Д. Апрянина [1]), которая, зная татарскія нарѣчія, была въ большой дружбѣ съ Кириматъ и часто ее посѣщала.

Какъ предсказалъ медикъ, Кириматъ умерла отъ чахотки. Тѣло ея, превратившееся въ скелетъ, отвезено съ высочайшаго разрѣшенія, на родину въ желѣзномъ саркофагѣ. Крупные расходы этой перевозки приняты были на счетъ правительства.

Переводчикъ принесъ сегодня къ Шамилю дюжину серебряныхъ ножей и вилокъ, продающихся по случаю, и спросилъ, не угодно ли имаму купить ихъ?

---

[1]) Евгенія Дмитріевна Апрянина, жена адъютанта калужскаго жандармскаго управленія, дочь князя Долгорукова, воспитывавшаяся въ Персіи, во время бытности ея отца въ посольствѣ.

Послѣ обычнаго совѣщанія и предложенія самой низкой цѣны, на которую не согласились, послѣдовалъ отвѣтъ, что правовѣрнымъ мусульманамъ коранъ запрещаетъ пріобрѣтать и имѣть столовыя вещи изъ благороднаго металла.

— Арцимовичъ вѣрно подарилъ имаму кофейный сервизъ изъ желѣза или мѣди! шепнулъ переводчику остроумный Абдурагимъ, присутствовавшій при переговорахъ.

Шамиль всегда обѣдаетъ съ деревянною ложкою, какъ бы заявляя этимъ совершенное отчужденіе отъ роскоши, не подобающей человѣку, преданному молитвѣ, посту и смиренію.

IV.

Дѣло объ отъѣздѣ жены корнета Магомета-Шафи, Аминатъ, изъ Калуги въ Дагестанъ опять возобновилось: Кази-Магометъ принесъ мнѣ письмо отъ Аминатъ къ брату ея, прапорщику Исмаилу, въ которомъ она проситъ убѣдительно его или самому пріѣхать за нею, или же, для этой цѣли, прислать меньшаго брата, могущаго сопровождать ее отъ Калуги до селенія Чохъ.

— Извѣстно ли это письмо имаму? спросилъ я Кази-Магомета.

— Извѣстно! отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно.

— Во всякомъ случаѣ, сдѣлай пожалуйста приписку такого рода, что письмо Аминатъ составлено съ вѣдома имама.

Кази-Магометъ взялъ перо и сдѣлалъ требуемую приписку.

— Скажи Аминатъ, что письмо ея будетъ отправлено по назначенію,—сказалъ я.

По уходѣ сына имама, посланіе бѣдной Аминатъ попало не на почту, но въ мой письменный ящикъ. Я обратился къ корнету Шафи съ вопросомъ: согласенъ ли онъ на подобное отправленіе жены его въ Дагестанъ или нѣтъ?

Магометъ-Шафи отвѣтилъ мнѣ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ, доказывающимъ, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ русской грамотѣ:

«Любезный другъ, Павелъ Гиляровичъ! Письмо, которое вы писали ко мнѣ, я получилъ и очень обрадовался вашему благополучію и здоровью. Я, слава Богу, живъ и здоровъ, желаю и вамъ также быть здоровымъ. На счетъ

поѣздки жены моей на Кавказъ, я напишу вамъ то, что я скоро, то есть послѣ лагеря, собираюсь совсѣмъ (?) поѣхать въ Калугу; тогда я обсужу: можно будетъ или нѣтъ отправить жену на Кавказъ; но до моего пріѣзда, скажите, чтобы подождала; если и случится, что не поѣду въ Калугу, то тогда всетаки дамъ вамъ знать и напишу отвѣтъ о поѣздкѣ. Кланяйтесь отъ меня отцу, всѣмъ моимъ роднымъ и знакомымъ. Остаюсь любящій васъ другъ Шафи».

И такъ, дѣло Аминатъ опять легло въ длинный ящикъ....

Кази-Магометъ получилъ отъ Магомета-Шафи письмо, съ просьбою передать мнѣ, чтобы я ходатайствовалъ у военнаго министра о дозволеніи ему, Шафи, числясь въ конвоѣ Его Величества, жить постоянно при отцѣ, въ Калугѣ.

Прежде доклада мнѣ этого желанія, на семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что просьба Магомета-Шафи—неумѣстна.

— Выдумали же,—сказалъ Шамиль,—что сынъ мой былъ въ партіи Тефикъ-бея, а если я возьму Магомета-Шафи изъ Петербурга, то, пожалуй, еще что нибудь другое выдумаютъ.

Радуюсь, что хотя одинъ разъ умно порѣшили дѣло.

Впрочемъ, возвращенію Шафи въ семью едвали бы была рада Заидатъ, потому что, съ пріѣздомъ его, противная ей партія усилилась бы однимъ голосомъ.

Виновникъ бывшихъ въ 1861-мъ году въ Чечнѣ безпорядковъ, состоящій нынѣ (въ 1863-мъ г.) подъ надзоромъ полиціи въ г. Смоленскѣ, наибъ Умма-Дуевъ, неоднократно просилъ меня и Шамиля письмами о дозволеніи ему навѣстить лично бывшаго своего имама и послѣдній, съ своей стороны, высказывалъ желаніе видѣть своего прежняго наиба. Дѣло оставалось за мною, потому что, до возбужденія ходатайства о разрѣшеніи Уммѣ пріѣхать въ Калугу, я счелъ необходимымъ собрать справку объ образѣ его жизни въ Смоленскѣ.

На-дняхъ (1863 г.) я получилъ письмо отъ состоящаго при императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ полковника Богуславскаго, который, между прочимъ, сообщилъ о томъ, что кавказское начальство обвиняетъ тестя Шамиля, отца Заидатъ, ефендія Джамалъ-Эддина, проживающаго нынѣ въ кр. Карсѣ, въ наущеніи горцевъ Дагестана произвести возмущеніе и въ поддерживаніи съ ними переписки. Вѣсть эта крайне встревожила все

семейство имама. Старикъ сталъ доказывать мнѣ непогрѣшимость преданности Джамалъ-Эддина русскому правительству, оказавшему ему такъ много милости, сталъ доказывать, что Джамалъ-Эддинъ, бывши еще на Кавказѣ, всегда возставалъ противу виновниковъ безпорядка и давалъ совѣты народу прекратить борьбу съ русскими, и, наконецъ, заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что враги, бросая въ Джамалъ-Эддина камень, имѣютъ цѣль ранить его, Шамиля. Виновниками клеветы онъ назвалъ Кибитъ-Магомета и Гаджи-Кази-Магомета Тилитлинскихъ.

Весьма много стоило мнѣ труда увѣрить Шамиля, что обвиненіе, павшее на его тестя, не должно его тревожить и не возбудитъ къ нему недовѣрія правительства.

— Джамалъ-Эддинъ не такъ простъ,—сказалъ я старику,—чтобы рѣшиться писать возмутительныя письма къ своимъ соплеменникамъ. Онъ очень хорошо понимаетъ, что письмо его, недѣлю спустя по доставленіи въ Дагестанъ, очутилось бы въ рукахъ Кази-кумухскаго окружнаго начальника. Опытному начальнику, право, не трудно знать, что говорится и дѣлается въ его округѣ, и я, по чести, удивляюсь, какъ Закатальскій окружной начальникъ, распоряженіямъ котораго курятъ ѳиміамъ корреспонденты газеты «Кавказъ», не зналъ, что подвластные ему жители будутъ штурмовать крѣпость?... И такъ, имамъ, будь спокоенъ: на сколько видимо я довѣряю тебѣ, на столько довѣряетъ тебѣ и правительство!

— «Баракялла» (прекрасно!),—сказалъ Шамиль, взявъ меня за руку, — твои совѣты всегда для меня полезны и доброжелательны.

— Жаль только, что ты-то не всегда имъ слѣдуешь, и черезъ это дѣлаешь промахи!... На одной недѣлѣ не должно быть семь пятницъ,—отвѣчалъ я.

— «Не этсимъ!» (что буду дѣлать),—заключилъ улыбнувшись старикъ, признавая въ душѣ, что совѣты семейства его виною такого непостоянства.

Во время этого разговора, у меня была въ карманѣ слѣдующая бумага:

«Управленіе иррегулярныхъ войскъ, препровождая при семъ отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ и начальника Смоленской губерніи, о дозволеніи состоящему въ Смоленскѣ подъ надзоромъ полиціи Уммѣ-Дуеву от-

правиться на нѣсколько недѣль въ Калугу, для богомоленія по случаю предстоящаго поста и свиданія съ Шамилемъ,—по приказанію военнаго министра, проситъ васъ сообщить ваше по изложенному предмету мнѣніе, для доклада его высокопр—ству».

— Ты всегда желалъ видѣться съ Уммою,—сказалъ я Шамилю. Если хочешь, я испрошу ему позволеніе посѣтить тебя?

— «Іохъ, іохъ, алайсенъ тарихъ-тугулъ!» (нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста не надо),—отвѣчалъ Шамиль, подъ впечатлѣніемъ вѣсти о Джамалъ-Эддинѣ опасаясь, чтобы посѣщеніе Уммы не навлекло на него какого нибудь подозрѣнія.

— Не бойся, имамъ,—сказалъ я; – посѣщеніе Уммы не накличетъ на насъ бѣды; въ этомъ случаѣ предоставь мнѣ распорядиться. Отвѣтъ за все я беру на свою голову.

— Ну, дѣлай, «достумъ» (другъ), какъ знаешь,—отвѣчалъ съ доброю улыбкою старикъ, провожая меня и нѣсколько разъ протягивая мнѣ свою бѣлую руку.

По вопросу объ Уммѣ, я изложилъ то мнѣніе, что увольненіе его на нѣсколько недѣль въ Калугу можетъ быть разрѣшено, безъ опасенія, чтобы свиданіе его съ Шамилемъ могло быть для насъ вреднымъ. Желаніе Уммы посѣтить Шамиля прикрыто только предлогомъ богомолія, цѣль же его поѣздки, вѣроятно, заключается въ томъ, чтобы, посредствомъ ходатайства имама, выпросить для себя возвращеніе на родину, перемѣщеніе въ Калугу, или увеличеніе денежнаго содержанія.

На письмо корнета Магомета-Шафи съ просьбою ходатайствовать объ увольненіи его отъ личной службы въ конвоѣ, я отправилъ къ нему полное благихъ совѣтовъ посланіе, откровенно указывая ему на тѣ неблагопріятныя послѣдствія, которыя будутъ результатомъ его страннаго намѣренія. Вотъ отвѣтъ его на мое письмо:

«Письмо ваше я получилъ, за что очень благодаренъ. Я въ особенности доволенъ за ваши совѣты, которые я всегда радъ исполнить! Вы пишете, что я нехорошо сдѣлаю если выйду въ отставку, и вамъ кажется, что это дѣлаю я сгоряча, по причинѣ непріятностей съ командиромъ конвоя. Нѣтъ, вы хотя такъ думаете, но я могу себя оправдать въ этомъ! Съ командиромъ я всегда друженъ, никогда не получалъ за службу выговоровъ, и если я выхожу въ отставку, то это я не сгоряча выдумалъ, а совершенно спо-

койно и подумавши дѣлаю это. Сколько я ни служу въ конвоѣ и стараюсь во всемъ угодить, всетаки убѣдился, что здѣшняя служба не везетъ для меня и несчастлива! Причины, по которымъ я убѣдился и черезъ которыя я оставляю службу, не сообщу вамъ теперь, но по пріѣздѣ въ Калугу все подробно разскажу вамъ. Вы еще пишете, чтобы я перешелъ въ армейскій полкъ: если мнѣ здѣсь не посчастливилось, то въ полку вовсе не повезетъ служба; я положительно рѣшился выйти въ отставку; поэтому, будьте такъ добры, попросите моего отца, чтобы онъ написалъ къ военному министру, чтобы меня, хотя не буду служить, но считали бы въ конвоѣ, если это возможно, но, во всякомъ случаѣ, я не могу оставаться здѣсь, а хотя бы и остался, все никакой пользы не будетъ, и ничего не выиграю. Кланяйтесь отцу и попросите, чтобы скорѣе покончилъ мое дѣло, и написалъ бы ко мнѣ».

По второму моему письму, въ которомъ я далъ понять Магомету-Шафи, что намѣреніе его оставить службу считаю черною неблагодарностью за всѣ благодѣянія и милости, которыми Государь Императоръ осыпалъ семейство Шамиля, Шафи перестадъ писать объ отставкѣ, сообщая лишь, что онъ собирается пріѣхать въ Калугу. Въ письмѣ моемъ я откровенно высказалъ мнѣніе, что отставкою своею Шафи огорчитъ старика-отца и всѣхъ родныхъ, повредитъ себѣ въ мнѣніи свѣта, потеряетъ карьеру, и лишится содержанія, отпускаемаго ему отъ правительства, а также и тѣхъ 1,500 р., которые онъ ежегодно получаетъ нынѣ отъ отца. «Поселясь тунеядцемъ въ Калугѣ,—писалъ я,—ты примешь на себя роль Абдурахмана и Абдурагима, съ вѣчными скандалами и упреками выпрашивающихъ нѣсколько грошей на покупку сапоговъ. Оставь нелѣпую мысль объ отставкѣ, служи охотно и правдиво, и вѣрь, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ».

Причину служебнаго разочарованія Шафи угадать не трудно: онъ горецъ, а потому честолюбивъ и немного завистливъ; полученіе его товарищами наградъ за отличіе по службѣ и оставленіе его безъ награды, вѣроятно, его оскорбило; могло также оскорбить и невниманіе къ нему командира.

Кавказскихъ мусульманъ не слѣдуетъ слишкомъ баловать ни обхожденіемъ, ни наградами; примѣры на лицо: генералъ Даніель-бекъ-Елисуйскій бѣжалъ къ Шамилю, генералъ Агаларъ-бекъ-Кази-Кумухскій, какъ говорятъ, готовъ былъ сдѣлать то же, а все это оттого, что ихъ сначала ласкали, ува-

жали, награждали, а потомъ стали явно подпускать имъ шпильки, манкировать ихъ службою, осуждать ихъ дѣйствія. Какъ ни безполезны были на Кавказѣ ханскія управленія, но упраздненіе ихъ не слѣдовало покупать цѣною превращенія хановъ—во враговъ нашихъ.

Флигель-адъютантъ Е. И. В-ва, полковникъ Ибрагимъ-ханъ-Мехтулинскій, молодой человѣкъ, тѣломъ и душою преданный правительству и болѣе похожій на русскаго, чѣмъ на мусульманина, былъ отстраненъ отъ должности аварскаго хана, послѣ большихъ, доставшихся на его долю, непріятностей. Въ интимныхъ бесѣдахъ, онъ неоднократно говорилъ мнѣ, что душевно былъ бы радъ, если бы съ него сняли несовременный титулъ хана и предоставили званіе окружнаго начальника, съ правами, этому званію присвоенными. Съ титуломъ хана должны быть неразлучны: ханская обстановка и ханскія деспотическія привиллегіи. Безъ нихъ, ханъ не будетъ имѣть въ народѣ почти никакого значенія. Ибрагимъ-ханъ очень хорошо понималъ, что въ мнѣніи народа начальникъ округа, со своими обыкновенными правами, стоитъ выше хана, лишеннаго древнихъ правъ, и потому самъ желалъ разстаться съ звучнымъ, но пустымъ титуломъ.

Главною виною полковника Ибрагимъ-хана, послужившею предлогомъ отстраненія его отъ управленія Аварскимъ ханствомъ, была казнь, произведенная имъ надъ жителемъ селенія Гамуши, Гаджіовъ-Магометомъ, сброшеннымъ съ кручи въ глубокій каменистый оврагъ, въ волны бушующаго Кара-Койсу, тогда какъ осужденный имѣлъ отъ меня охранное письмо, адресованное на имя хана [1]). Поступокъ этотъ, безъ сомнѣнія, несовременный, необдуманный и превышающій власть хановъ новаго покроя, по заключенію мѣстнаго начальства, долженъ былъ произвести возмущеніе въ Аваріи. Ничуть не бывало! Казнь Гаджіова не произвела на народъ особеннаго впечатлѣнія, на нее смотрѣли какъ на событіе, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, и даже нѣкоторые жители Аваріи, при вопросѣ о казни, отзывались: «Теперь по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что у насъ есть ханъ!»

---

[1]) Я исправлялъ тогда должность воинскаго начальника Средняго Дагестана и жилъ на Гунибѣ.

При покореніи Дагестана, учрежденіе ханскихъ управленій считалось полезнымъ; мы полагали, что народъ симпатизируетъ ханамъ, но какъ время доказало противное, то и слѣдовало ханскія управленія превратить въ окружныя, и, чтобы не обидѣть хановъ, предложить имъ принять званіе и права окружныхъ начальниковъ.

Одинъ изъ посѣтителей, полагавшій, что быть въ Калугѣ и не видѣть Шамиля все равно, что быть въ Римѣ и не видѣть папы, сообщилъ имаму о высокомъ посѣщеніи Государемъ Наслѣдникомъ г. Тулы, совѣтуя Шамилю ѣхать туда же, чтобы имѣть счастье представиться лично Его Императорскому Высочеству.

За два часа до отхода московской почты, прискакалъ ко мнѣ съ дачи Кази-Магометъ.

— Къ тебѣ есть просьба отъ имама,—сказалъ онъ.

— «Буюръ!» (извольте),—отвѣчалъ я.

— 8-го октября, Наслѣдникъ престола пріѣдетъ въ г. Тулу. Имамъ желаетъ представиться Его Высочеству и потому проситъ исходатайствовать намъ разрѣшеніе отправиться на нѣсколько дней въ этотъ городъ. Какъ ты думаешь, будетъ ли разрѣшено наше желаніе?

— Право, не знаю; полагаю, что будетъ. Скажи имаму, что я войду съ представленіемъ къ визирю (военному министру).

— Такъ напиши и отправь представленіе съ сегодняшнею почтою,—сказалъ Кази-Магометъ.

— Время терпитъ, сегодня уже поздно, не успѣю; напишу въ среду съ будущею почтою,—отвѣчалъ я, единственно желая протянуть время и испытать, устоитъ ли Шамиль на своемъ проектѣ или нѣтъ.

— Поѣздка наша обойдется не дорого, не болѣе 50-ти или 60-ти рублей,—замѣтилъ сынъ имама.

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ я, засмѣявшись;—если мы пробудемъ въ Тулѣ пять дней, то это будетъ стоить въ шесть разъ больше.

— Тссъ!! помотавъ головою, щелкнулъ языкомъ Кази-Магометъ, полагавшій, что ѣхать изъ Калуги въ Тулу все равно, что изъ Караты въ Дарго, и недовѣрявшій моему показанію.

— Посчитать предстоящіе расходы не трудно,—замѣтилъ я.— Начнемъ съ прогоновъ: переводчику, который поѣдетъ впередъ для заготовленій, нужно три лошади; подъ карету для имама и тебя—6; подъ коляску мою—4; подъ коляску для зятей имама—4, и подъ перекладную для вещей—3. Итого, за 20 почтовыхъ лошадей, въ оба пути, за 200 верстъ,—100 рублей.

— Мы всѣ можемъ помѣститься въ каретѣ двухмѣстной и въ колескѣ,—сказалъ Кази-Магометъ.

— А мнѣ кажется, что бывшему имаму Чечни и Дагестана не подобаетъ ѣхать такъ, какъ ѣздятъ жиды на шабашъ, — замѣтилъ я улыбнувшись.

— Да, это правда! согласился мой собесѣдникъ.

— Перейдемъ къ расходамъ въ городѣ: за наемъ въ лучшей изъ гостинницъ 4-хъ нумеровъ, въ сутки 10 руб., а въ 5 дней 50 руб.; на столъ, чай, и проч. 50 руб. Наемъ экипажей, а на случай и верховыхъ лошадей, потому что нельзя же намъ будетъ ходить пѣшкомъ,—50 руб. Вотъ тебѣ и итогъ въ 250 рублей, не считая непредвидѣнныхъ расходовъ.

Пока дѣло шло о 50-ти рубляхъ, расходы эти предполагалось принять на счетъ Шамиля, но какъ рѣчь зашла о 300 рубляхъ, Кази-Магометъ призадумался.

— Правительство приняло на свой счетъ наемъ для васъ дачи,— сказалъ я съ цѣлью,—теперь, хотя и не ловко просить, но я буду ходатайствовать, чтобы и поѣздка въ Тулу вамъ ничего не стоила.

— Отлично, я скажу объ этомъ всемъ имаму, и мы посовѣтуемся,—отвѣчалъ раскланиваясь Кази-Магометъ.

Въ среду, когда я уже запечатывалъ конвертъ для отправленія на почту, вошелъ ко мнѣ сынъ ех-имама.

— Хошь гельдынъ! привѣтствовалъ я его.

— Саолъ! (спасибо).

— Ничикъ-сенъ? Хульфетъ ничикъ-дуръ? (какъ поживаешь? какъ поживаетъ семейство?).

— Чохъ якши-менъ, чохъ якши-бисъ!.... [1]).

— Вотъ и бумага о вашей поѣздкѣ въ Тулу готова; все на-

---

[1]) Коранъ предписываетъ отдавать поклонъ за поклонъ и освѣдомляться о здоровьи.

писано согласно вашего желанія,—сказалъ я, показывая запечатанный конвертъ.

— Имамъ проситъ васъ оставить это дѣло. Онъ находитъ, что не ловко вводить казну въ расходы и постоянно безпокоить министра своими просьбами,—отвѣчалъ Кази-Магометъ.

Я разорвалъ представленіе. Пари подержу, что у ех-имама и его сына есть на вакансіи какая нибудь другая просьба, болѣе для нихъ интересная.

Домъ, занимаемый военно-плѣннымъ Шамилемъ въ Калугѣ, исправленъ, и принялъ праздничный видъ. Въ комнатахъ женъ ех-имама обои перемѣнялись два-три раза: Шуанетъ нашла, что въ комнатѣ Заидатъ обои красивѣе;—когда сорвали прежнія и поставили новыя, Заидатъ нашла свои дурными. Едваедва можно было сладить съ нашими даргинскими прихотницами, которыя всю прежнюю жизнь провели въ грязныхъ сакляхъ циклопической постройки.

— На-дняхъ мы хотимъ переѣхать въ городъ, оставить дачу,—сказалъ Шамиль, провожая меня до крыльца.

— Какъ угодно! отвѣтилъ я,—дайте знать, и я пришлю за вами лошадей.

— Постой, еще есть дѣло! задержалъ меня старикъ и взялъ изъ рукъ сына ящичекъ.

— Жены мои,—сказалъ имамъ,—хотятъ сдѣлать хозяйкѣ дачи вотъ этотъ подарокъ. Какъ ты думаешь, хороша ли эта вещица?....

Я взялъ ящичекъ и увидѣлъ въ немъ брошку, стоющую много-много 9 рублей.

— Чтожъ, не мѣшаетъ исполнить вашъ «адатъ», подарите;—правда, что это вещь недорогая, но она можетъ быть пріятною, какъ подарокъ женъ имама. Владѣтельница получила за наемъ дачи 200 руб. и этимъ довольна,—сказалъ я, возвращая брошку.

— И получила отъ насъ за молоко, дрова, и проч. до 300 рублей,—присовокупилъ Шамиль.

— Вотъ вздоръ! подумалъ я;—или ты, мой другъ, шутишь, или, что вѣрнѣе, тебя жестоко надували твои экономы.

Въ послѣдствіи я узналъ, что, до полученія еще брошки, г-жа

Заборовская подарила понравившееся Шамилю орѣховое бюро, стоющее болѣе 30 рублей.

— Имамъ проситъ завтра прислать за нимъ почтовыхъ лошадей подъ три экипажа,—доложилъ мнѣ переводчикъ.

— Развѣ окраска половъ въ городскомъ домѣ уже высохла? спросилъ я.

— Нѣтъ; еще бы двое сутокъ слѣдовало подождать...

— Такъ отчего же бы не повременить нѣсколько дней? погода стоитъ прекрасная.

— Кази-Магометъ торопится оставить дачу; ему надоѣло содержать ночные караулы,—отвѣчалъ Мустафа.

— Вольно же скряжничать, и замѣнять собою сторожей!... Въ которомъ часу они хотятъ выѣхать съ дачи?

— Въ 3 часа ночи, чтобы никто не видѣлъ женщинъ!...

— Такъ распорядись лошадьми, если не будетъ перемѣны, въ чемъ сомнѣваюсь,—сказалъ я, отпуская переводчика. Спустя три часа, прибылъ нарочный, съ извѣщеніемъ, что отъѣздъ съ дачи отсроченъ.

Семейство ех-имама переѣхало въ городъ спустя четыре дня, въ счастливый день, подъ пятницу (Джумма-гюнь).

Поздравивъ «раба, Божьяго» съ благополучнымъ возвращеніемъ въ городъ, я получилъ приглашеніе обѣдать у него въ первое воскресенье.

— Простите, имамъ, я уже отозванъ на обѣдъ, даваемый для пріѣзжаго артиллерійскаго генерала, а однажды принявъ приглашеніе, отказаться, по нашему адату, невѣжливо. Я охотно пообѣдаю съ вами въ другой день,—отвѣчалъ я.

— И прекрасно! мы люди свои, церемониться нечего, пообѣдаемъ и въ другой разъ вмѣстѣ. На воскресенье я позвалъ къ себѣ обѣдать всѣхъ нашихъ ссыльныхъ горцевъ; быть можетъ, тебѣ было бы непріятно сидѣть съ ними за одною трапезою? заключилъ онъ вопросительно.

— О, нисколько! отвѣчалъ я. Старому кавказцу понятно, что у горцевъ ловко украсть лошадь означаетъ удальство, а убить по кровомщенію (Vendetta) человѣка—«адатъ». Это обыденныя событія, не могущія служить мѣриломъ ихъ нравственности! При-

томъ, пророкъ Магометъ сказалъ: допускай къ своему столу и хромыхъ и слѣпыхъ....

Отзывъ этотъ очень понравился старику, который въ обхожденіи съ находящимися здѣсь въ ссылкѣ горцами слѣдуетъ тенденціямъ равенства.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ объ обѣщанномъ мнѣ обѣдѣ нѣтъ помина: «честь была предложена, а отъ убытковъ Богъ избавилъ».

Примѣчаніе. Мнѣніе мое въ отношеніи отпуска фанатиковъ въ Турцію редакція «Русской Старины» назвала ошибочнымъ, но я остаюсь при своемъ, потому что оно относилось до фанатиковъ-коноводовъ, какъ, напримѣръ, сына Шамиля Кази-Магомета, Умма-Дуева, и другихъ, воображающихъ себя алимами двигателей мюридизма. Положимъ, что султанъ и сдѣлалъ ихъ генералами, но куда же годятся подобные генералы? Что касается до разрѣшенія переселиться въ Турцію всего населенія черкесовъ, то этого дозволять не слѣдовало. Въ «Дневникѣ» читатели встрѣтили имя наиба Умма-Дуева, посѣтившаго Шамиля въ Калугѣ и нынѣ двигающаго возмущеніемъ въ Дагестанѣ. Вотъ обращикъ, на сколько можно вѣрить сладкимъ рѣчамъ фанатиковъ изъ бывшей Шамилевской іерархіи.

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

V [1]).

Корнетъ Магометъ-Шафи прибылъ въ Калугу въ отпускъ, на мѣсяцъ. Письма его съ вѣстью объ отставкѣ были слѣдствіемъ того, что командиръ конвоя оказалъ будто-бы ему, Шафи, невниманіе, и однажды, вмѣсто руки, подалъ ему съ пренебреженіемъ одинъ только указательный палецъ. Не ручаюсь за истину, но такъ говорилось въ домѣ имама.

— Въ конвоѣ Его Величества,—сказалъ мнѣ однажды Магометъ-Шафи,—служитъ поручикомъ сынъ одного персидскаго принца. Онъ, подобно мнѣ, получалъ отъ отца своего, изъ суммы, отпускаемой ему правительствомъ, 1,500 руб. въ годъ. Денегъ этихъ оказалось недостаточно; поручикъ сталъ просить отца выдавать ему ежегодно 2 т., но скупой отецъ отказалъ. Поручику осталось обратиться съ жалобою къ военному министру, и, вслѣдствіе этого, онъ получилъ отъ отца просимую прибавку.

— Если ты поступишь такъ же со своимъ отцомъ, то онъ очень огорчится этимъ,—замѣтилъ я Магомету-Шафи.

— То-то и есть! отвѣчалъ онъ мнѣ чисто по русски.

Шамиль и его сынъ Кази-Магометъ очень были бы рады если-бы Магометъ-Шафи не служилъ въ рядахъ невѣрныхъ и не грѣшилъ бы этимъ противу правилъ «мюридизма», но они

---

[1]) Первыя четыре главы напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 253—276; 471—506. Тамъ же смотр. гравирован. портретъ Шамиля, томъ XVIII.

сознаютъ, что, въ настоящее время безпорядковъ въ Польшѣ, движенія на Кавказѣ, по случаю Джаро-Белоканскихъ событій и переселенія горцевъ въ Турцію,—выходъ Шафи изъ службы повредилъ бы имъ въ мнѣніи правительства. Вотъ именно почему, опасаясь, чтобы Магометъ-Шафи не привелъ въ исполненіе своего желанія, не было отказано ему при выѣздѣ въ Петербургъ ни въ деньгахъ, ни въ оставленіи Аминатъ въ Калугѣ. Если Магометъ-Шафи и похитрилъ, угрожая отцу и брату фиктивною отставкою—то хитрость эта принесла для его интересовъ хорошіе результаты.

Вопросъ о пріисканіи жены для Кази-Магомета не забывается, но исполненіе его, по причинамъ, о которыхъ говорилось выше, затруднительно. Магометъ-Шафи, познакомившись въ Петербургѣ съ какою-то вдовою маіоршею, изъ литовскихъ татарокъ, сообщилъ брату, что она готова отдать ему въ замужство свою 16-ти-лѣтнюю дочь, получившую порядочное европейское воспитаніе. Кромѣ взноса условленныхъ за невѣсту денегъ, цифра которыхъ еще неизвѣстна, мать ставитъ въ непремѣнное условіе—жить при дочери. Послѣ длинныхъ совѣщаній, Кази-Магометъ высказалъ со своей стороны слѣдующія условія: во первыхъ, чтобы мать невѣсты оставалась въ Петербургѣ, и во вторыхъ, чтобы невѣста скинула европейское платье, скрыла лицо подъ покрываломъ, перемѣнила противныя корану привычки, однимъ словомъ, съ ногъ до головы превратилась въ правовѣрную мусульманку-мюридку. Хотя Кази-Магометъ сердечно желаетъ соединиться (на своихъ фанатическихъ условіяхъ) съ предлагаемою дѣвицею, но, вслѣдствіе обыкновенной нерѣшительности и надежды скоро уѣхать въ Мекку, дѣло не подвигается. Независимо отъ этого, прекрасный полъ семейства Шамиля не желаетъ принять въ свой кругъ цивилизованныхъ мусульманокъ, съ которыми онѣ едва-ли бы могли ужиться!.. Корнетъ Шафи, называвшій невѣсту «хорошенькою», по требованію брата, прислалъ ему фотографическую ея карточку: личико не дурное, но типъ монгольскій. Кази-Магометъ прибѣжалъ ко мнѣ съ карточкою невѣсты.

— Ну, какъ она тебѣ нравится?—спросилъ я его.

— Тсс! сердце мое испортилось! Она вовсе не хорошень-

кая,—отвѣчалъ нашъ женихъ, вѣроятно, не одну ночь мечтавшій, что у него будетъ жена первая въ свѣтѣ красавица.

— Она, правда, недурна и, вѣроятно, покажется тебѣ красивѣе, когда сброситъ европейское и надѣнетъ мусульманское платье,—замѣтилъ я Кази-Магомету.

— Да, это совершенная правда, — согласился онъ, и спряталъ портретъ въ карманъ своего архалука.

Мусульманамъ снимать портреты кораномъ не дозволяетъ; Кази-Магометъ, потребовавъ портретъ, сдѣлалъ прогрессъ!

Магометъ-Шафи, поддерживающій планъ женитьбы Кази-Магомета, восхвалявшій въ своихъ письмахъ пріисканную имъ невѣсту, по прибытіи въ Калугу запѣлъ другую пѣсню, утверждая, что дочь маіорши, будучи избалована свѣтскою жизнію и капризна, въ жены его брату не годится...

— Изъ чего же ты заключаешь, что эта дѣвушка избалована и капризна?—спросилъ я корнета.

— Вотъ изъ чего: однажды она просила меня поѣхать съ нею на вечеръ, гдѣ будутъ танцовать, и хотя я обѣщалъ исполнить ея желаніе, но неожиданное служебное дѣло задержало меня въ казармахъ. Такимъ образомъ, разодѣтая на балъ дѣвица, вмѣсто того, чтобы танцовать и веселиться, въ тревожномъ ожиданіи моего пріѣзда, весь вечеръ просидѣла дома! На другой день, когда я явился къ ней съ цѣлью извиниться, она стала упрекать меня въ невѣжливости, сердиться и плакать!... О, она очень капризна и жениться на ней Кази-Магомету не слѣдуетъ,—заключилъ Шафи.

— Полагаю, что она имѣла полное право быть на тебя въ претензіи,—засмѣявшись, сказалъ я корнету.—Подумай, сколько непріятныхъ часовъ ожиданія черезъ тебя выпало на ея долю.

— Ей не нужно было затѣвать поѣздки на вечеръ!—сказалъ Шафи.

— Если ты считалъ эту поѣздку ненужною или неприличною,—заключилъ я,—то слѣдовало сказать ей прямо, что будущей женѣ бывшаго дагестанскаго мудира, сына имама, ѣздить въ Шато-де-флеръ, Эльдорадо или танцъ-классы не подобаетъ, и она, вѣроятно, для великой чести быть твоею невѣсткою, пожертвовала бы всѣми удовольствіями свѣта, а въ томъ числѣ и желаніемъ попрыгать...

При одномъ изъ посѣщеній меня зятьями Шамиля, Абдурахманомъ и Абдурагимомъ, первый изъ нихъ, подъ вліяніемъ неудовольствія въ имаму, за то, что онъ содержитъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, завелъ рѣчь о бывшихъ при имамѣ порядкахъ управленія Дагестаномъ и Чечнею. Рѣчь его была полна иронiи и желчи въ смыслѣ, что тамъ не было общей власти, которая поддерживала бы права и давала судъ и правду угнетенному тиранствомъ народу. Правосудіе руководилось корыстолюбіемъ, судьи только и умѣли извлекать выгоды изъ своихъ должностей. «Это былъ судья—разсуждалъ Абдурахманъ,—который, по обстоятельствамъ, помогалъ другу, или вредилъ недругу; рѣшенія его основаны были на родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ, и нельзя предположить его неприступнымъ къ лихоимству! Въ правленіе имамовъ, кошелекъ богатаго всегда и вездѣ перевѣшивалъ права бѣднаго...»

Во время этого разсказа, Абдурагимъ, взявъ съ этажерки книжку «Военный Сборникъ», сталъ читать статью мою: «Нравы и обычаи въ Дагестанѣ» [1]).

— Не правда-ли, что хорошо знать русскій языкъ? — спросилъ я Абдурагима.

— Конечно, хорошо,—отвѣчалъ онъ,—впрочемъ, нашъ имамъ другаго мнѣнія: онъ говорилъ мнѣ однажды, что если бы я былъ добрымъ мусульманиномъ, то не долженъ бы знать читать и писать по русски...

— Старику имаму непріятно, когда правовѣрные мусульмане просвѣщаются! - вмѣшался желчный Абдурахманъ.—Пророки и халифы не знали другаго языка, кромѣ арабскаго, на которомъ написанъ коранъ! Если бы ты въ Чечнѣ и Дагестанѣ высказался прогрессистомъ, то по «шаріату», введенному тамъ Шамилемъ, тебѣ бы сняли голову!

— Въ Чечнѣ и Дагестанѣ при имамахъ не было «шаріата», а былъ только «зульма» (тероръ),—отвѣчалъ Абдурагимъ [2]), находившійся въ кусательномъ расположеніи духа.

— Да, нечего сказать, славное было тамъ управленіе!—замѣтилъ я: наушничество, шпіонство, доносы, интриги, взяточ-

---

[1]) «Военный Сборникъ» 1862 года, № 4.

[2]) Имамы допускали тероръ потому, что, согласно III-й гл. 129-го стиха корана, по совершеніи дѣла безчестнаго или несправедливаго, вспомнить стоитъ о Богѣ—и все это будетъ прощено.

ничество и казни!... Ужъ если теперь вашъ народъ будетъ недоволенъ нашею администраціей, то онъ по-истинѣ можетъ назваться дикимъ, неразумнымъ народомъ...

— Дѣйствительно, русское управленіе отличное,—сказалъ Абдурагимъ,—одно жаль, что у васъ нѣтъ быстроты въ дѣлопроизводствѣ; въ Дагестанѣ есть поговорка: «русскіе даже и зайца догоняютъ на арбѣ» (въ повозкѣ). Вотъ, напримѣръ, и ты дѣло объ моемъ опредѣленіи на службу везешь въ арбѣ: два почти года прочалось, а хвостъ этого дѣла не поймаешь!...

— И не будетъ пойманъ, потому что Шамиль не согласенъ отпустить тебя изъ Калуги, и опредѣленіе тебя на службу огорчитъ его,— отвѣчалъ я.

— «Тамаша!» (удивительно),—сказалъ Абдурагимъ,—этакъ, пожалуй, ради того, чтобы не огорчить имама, ты готовъ допустить, чтобы я здѣсь умеръ!...

— Сто разъ я тебѣ совѣтовалъ отбросить свою гордость, хотя бы притворную; преклони голову передъ имамомъ, передъ Зайдатъ, передъ Кази-Магометомъ, не убѣгай отъ нихъ, какъ отъ чумы, и потомъ, примирившись, проси увольненія на службу.

— Пробовалъ — не помогаетъ! отвѣчалъ Абдурагимъ; — теперь я далъ себѣ слово ничего не просить у имама и, божусь Богомъ, сдержу свое слово.

— Но для тебя нужны же деньги, чтобы купить обувь, одежду; мнѣ, право, стыдно встрѣчаться съ тобою въ обществѣ, ты смотришь такимъ засаленнымъ, общипаннымъ!...

— Стыдно должно быть не вамъ и не мнѣ, а имаму, который изъ 15,000 р., получаемыхъ ежегодно отъ правительства, не хочетъ удѣлить малой частицы для своихъ зятьевъ, и дозволяетъ, чтобы они ходили въ смазанныхъ дегтемъ сапогахъ...

— Изъ какихъ же денегъ ты сдѣлаешь себѣ черкеску, если та, которая на тебѣ, окончательно порвется?—спросилъ я.

— Продамъ кой-что изъ прежнихъ вещицъ (вѣроятно, пріобрѣтенныхъ въ добычу при плѣненіи княгинь Орбельяни и Чавчевадзе въ Цинондалахъ) и куплю сукна на черкеску,—отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Попробуй, на мое счастье, попросить у имама денегъ, поклонись ему хорошенько, и онъ не откажетъ.

— Нѣтъ, я просить не стану; они всѣ до единаго ужасные скряги, и за копѣйку готовы удавиться!..

— Будто бы?

— Конечно, скряги!... Вотъ однажды у Зайдат заболѣлъ зубъ и она рѣшилась его вырвать. Чтобы не употребить въ дѣло тѣхъ щипцовъ, которые уже дергали зубы «гяуровъ», имамъ поручилъ мнѣ купить въ лавкѣ новые, и я заплатилъ за нихъ 3 рубля. Когда щипцы я принесъ, то у Зайдат зубная боль прошла. Дней черезъ пять, имамъ, отдавая мнѣ ненужный инструментъ, приказалъ возвратить его въ лавку. Купецъ, разумѣется, не согласился взять обратно однажды уже проданную вещь, а имамъ и слышать не хотѣлъ, чтобы они остались за нимъ! Такимъ образомъ, я потерялъ собственные три рубля, и сдѣлался владѣльцемъ вовсе ненужнаго для меня инструмента! — заключилъ Абдурагимъ, махнувъ рукою.

— «Тамаша!» — сказалъ я въ свою очередь.

Въ торжественные дни, или въ дни именинъ кого-нибудь изъ знакомыхъ, Шамиль дѣлалъ визиты въ коляскѣ, подаренной ему Государемъ Императоромъ. Другихъ порядочныхъ экипажей у него не было, потому что покупка ихъ требовала расходовъ. Въ коляску обыкновенно садился имамъ, я и впереди Кази-Магометъ. Зятья и переводчикъ тряслись сзади на биржевыхъ дрожкахъ,—послѣдній долженъ былъ платить извощику свои собственныя деньги, потому что расхода этого Шамиль на себя не принималъ. Каждый нашъ выѣздъ сопровождался скандаломъ: непривыкшія къ частой ѣздѣ, почтенныхъ лѣтъ лошади (тоже купленныя на казенный счетъ, еще въ 1860 году) на половинѣ дороги останавливались, и, въ явное нарушеніе устава Россійскаго общества покровительства животнымъ, подвергались бичеванію кучера, такъ что нерѣдко намъ приходилось, среди грязи, выходить изъ экипажа.

Въ день св. Александры Шамиль пожелалъ поздравить лично знакомую именинницу, супругу губернскаго предводителя дворянства, А. Ѳ. Щукину.

— Имамъ просить васъ выѣхать въ 2 часа,—доложилъ мнѣ переводчикъ.

— Хорошо!—отвѣчалъ я ему.

— А корнетъ Магометъ-Шафи проситъ, нельзя-ли поѣхать съ вами къ имянинницѣ въ 12 часовъ, чтобы сдѣлать визитъ прежде имама...

— Это еще что за извѣстіе?

— Имамъ не знаетъ, или же притворяется незнающимъ, что Шафи бываетъ въ обществѣ безъ папахи и носитъ длинные волосы: ему будетъ неловко оставаться въ папахѣ тамъ, гдѣ всегда бывалъ безъ нея...

— Но вѣдь и мнѣ же неловко быть въ одномъ и томъ же домѣ, въ одинъ день, два раза съ визитами! Впрочемъ, скажите Шафи, чтобы онъ не безпокоился: я устрою такъ, что имамъ не замѣтитъ въ папахѣ-ли онъ или безъ папахи.

Магометъ-Шафи поѣхалъ съ нами вмѣстѣ. У имянинницы было множество гостей. При входѣ въ залу, я оставилъ сына бесѣдовать съ прекраснымъ поломъ безъ папахи, а старика—въ папахѣ и чалмѣ—отвелъ въ гостиную для бесѣды съ хозяиномъ и хозяйкою, такъ что отсутствія Шафи онъ не примѣтилъ.

— — —

Срокъ отпуска корнету Магометъ-Шафи кончился. Онъ ни одного дня не захотѣлъ просрочить, говоря мнѣ откровенно, что ему у насъ скучно. Угроза выйти въ отставку подѣйствовала отлично: при выдачѣ денегъ, при оставленіи жены въ Калугѣ, Шафи не встрѣтилъ затрудненій,—все обошлось мирно, и посредничества моего не потребовалось.—Шамиль и Кази-Магометъ ужасно боялись, чтобы выходъ Шафи со службы не помѣшалъ ихъ ожидаемому выѣзду въ Мекку.

Въ 9 часовъ утра, корнетъ Шафи собрался въ дорогу. Когда тарантасъ былъ поданъ, я пришелъ съ нимъ еще разъ проститься; этимъ вниманіемъ вся семья осталась очень довольною.

— По русскому обычаю, выпьемъ на прощанье!—весело сказалъ Магометъ-Шафи, подавая знакъ лакею.

— Выпьемъ! отвѣчалъ я засмѣявшись,—«брудершафтовъ» не нужно, мы и безъ нихъ всѣ на ты....

Подали стаканы, пробки взлетѣли къ потолку, запѣнилась бѣлая влага, и мы дружески чокнулись стаканами, наполненными черезъ край.... лимонадъ-газесомъ!

Давая Шафи возможность проститься съ женщинами, я со-

шелъ внизъ къ тарантасу. Пять минутъ спустя, появилась тамъ и вся мужская семья, за исключеніемъ Абдурахмана, всегда враждовавшаго съ корнетомъ.

— И такъ, пожелаемъ добраго пути нашему дорогому сыну! сказалъ я Шамилю.

— Каждому изъ насъ подобаетъ быть на своемъ мѣстѣ, — отвѣчалъ онъ съ пріятною улыбкою.

Тарантасъ тронулся, колокольчикъ задребезжалъ. Кази-Магометъ — въ дрожкахъ, а Омаръ — верхомъ на водовозѣ, поѣхали провожать Шафи до той дачи, въ которой они, по милости правительства, выгодно и пріятно провели лѣто.

Невниманіе Абдурахмана, не желавшаго проститься и проводить Шафи, огорчило старика имама и взбѣсило Кази-Магомета.

— Посмотрите на этого человѣка,—говорили они переводчику. Полковникъ нашъ—уллу, гюрмстли-кишп (большой, почетный человѣкъ), да и то пришелъ проститься съ Шафи, а онъ, мальчишка, не хотѣлъ ему кивнуть головою!...

— Гдѣ Абдурахманъ? спросилъ я провожавшаго меня до квартиры Абдурагима.

— Не знаю! отвѣчалъ спрошенный.

— Не у Заидатъ-ли на верху?—быть можетъ, онъ тамъ простился съ Шафи?...

— Не знаю: у Заидатъ его не было....

— Такъ гдѣ же онъ?...

— Право не знаю, кажется, спитъ еще!...

— А жена его, Написатъ, была на верху при прощаньи?

— Была. Всѣ женщины прощались вмѣстѣ, — заключилъ Абдурагимъ.

При укладкѣ вещей отъѣзжавшаго, всѣ столпились въ передней около комнаты Абдурахмана; шумѣли и мы, громко разговаривая, шумѣли еще болѣе люди, выносившіе чемоданы, но Абдурахману не заблагоразсудилось проснуться; — когда же тарантасъ тронулся съ мѣста и зазвенѣлъ колокольчикъ, то онъ, будто бы сей часъ проснувшись, сталъ такъ громко звать лакея, чтобы голосъ его былъ слышенъ на верху: «Иванъ, Иванъ! подавай мнѣ одѣваться; Иванъ, подавай мнѣ воду!...»

Когда я, на другой день, позвалъ Абдурахмана, чтобы сдѣлать выговоръ за его выходку, то онъ, посредствомъ своей се-

стрицы Заидатъ, уже успѣлъ оправдать себя передъ старикомъ имамомъ, ссылаясь на крѣпкій сонъ и недогадливость жены разбудить его.

— Достань мнѣ изъ библіотеки имама книгу: «Харидатуль-эжданбъ», то есть: «Сумка чудеснаго»,—сказалъ я Абдурагиму.

Абдурагимъ отправился въ кабинетъ Шамиля, попросилъ, будто бы для себя, названную книгу, и принесъ ее ко мнѣ. Положивъ книгу на окошко, гдѣ помѣщался стаканъ съ папиросами и пепельница, я просилъ Абдурагима придти завтра, чтобы вмѣстѣ прочесть главу: «о будущемъ пришествіи на свѣтъ антихриста». Если мнѣ бывало понадобится сдѣлать извлеченіе изъ какой-нибудь арабской книги, то я, чаще всего, заставлялъ Абдурахмана или Абдурагима читать, а самъ набрасывалъ переводъ.

На слѣдующее утро, пришелъ ко мнѣ Кази-Магометъ и попросилъ свести его въ рекрутское присутствіе, чтобы прослѣдить порядокъ пріема рекрутъ. Подали экипажъ, и мы поѣхали.

Въ сумерки прибѣжалъ ко мнѣ встревоженный Абдурагимъ.

— «Не хабаръ?» (что новаго?), — спросилъ я.

— «Валла тамаша!» (ей-Богу, удивительно). У васъ былъ кто-нибудь сегодня изъ нашихъ? спросилъ онъ.

— Былъ Кази-Магометъ! отвѣчалъ я.

— Такъ и есть! Шамиль разсердился, зачѣмъ я отдаю его ученыя книги гяурамъ, у которыхъ онѣ валяются между папиросами и оскверняются табачнымъ дымомъ! Пожалуйста, отдай мнѣ «Сумку чудеснаго».

— Можешь взять, она уже мнѣ не нужна,—сказалъ я Абдурагиму, отъ души смѣясь надъ его кислымъ лицомъ. У васъ ни одного дня не пройдетъ безъ фанатическихъ выходокъ, безъ кляузъ, безъ сплетень! Поблагодари имама за книгу и скажи, что какъ Харидатуль-эджаибъ, по моему мнѣнію, ничто иное, какъ собраніе большею частью нелѣпыхъ басенъ, то я не считалъ грѣхомъ оставить ее въ сосѣдствѣ пепельницы и папиросъ!... Коранъ, какъ ты самъ видишь, я держу у себя такъ, какъ его держатъ правовѣрные мусульмане: онъ обвернутъ въ чистый платокъ, и покоится на особой полкѣ этажерки, хотя я увѣренъ, что этотъ почетъ ни увеличитъ, ни уменьшитъ достоинства книги....

— Покуда «Сумка чудеснаго» возвратится въ библіотеку имама, ее теперь будутъ провѣтривать и протирать нѣсколько дней, и за этотъ трудъ пилить меня!.. Расположеніе ко мнѣ Кази-Магомета такъ велико,—продолжалъ Абдурагимъ,—что каждый мой шагъ, каждый поступокъ, онъ ставитъ мнѣ въ вину: пойду ли я съ визитами - виноватъ, забѣгу въ клубъ—виноватъ, посѣщу театръ—виноватъ! Теперь взялъ для васъ книгу, которую не однажды вручалъ вамъ Кази-Магометъ—опять виноватъ!..«Джаны-чихсынъ!» (да выскочитъ душа), — заключилъ Абдурагимъ, вѣроятно относя это доброе желаніе къ своимъ притѣснителямъ, и закуривая папиросу.

— Не думаю, чтобы на тебя сердились за посѣщеніе театра; вчера же былъ Кази-Магометъ на представленіи Ольриджа,—сказалъ я.

— Онъ что дѣлаетъ, то ему можно, а мнѣ, по ихъ мнѣнію, нельзя! Вчера, отправляясь въ театръ, будто бы по принужденію, онъ свалилъ это прегрѣшеніе на васъ: «Полковникъ», сказалъ онъ отцу, «прислалъ за мною, чтобы я былъ непремѣнно въ театрѣ, потому что неловко не посмотрѣть на игру такой европейской знаменитости, какъ Ольриджъ!» Если ужъ я грѣшу противу религіи и мюридскихъ обычаевъ, посѣщая иногда гостинницу, чтобы встрѣтить тамъ добрыхъ знакомыхъ, то Кази-Магометъ болѣе грѣшитъ, секретно отъ имама играя по нѣсколько часовъ въ сутки на биліардѣ у Кулона.

Дѣйствительно, Абдурагимъ говорилъ правду. По плану Кази-Магомета обмануть отца, около 7-ми часовъ вечера, когда онъ былъ въ кабинетѣ для совершенія вечерняго «намаза», явился туда, заранѣе подученный, переводчикъ Мустафа.

— Полковникъ прислалъ просить васъ и Кази-Магомета въ театръ,—доложилъ онъ.

— Поблагодари,—вѣжливо отвѣчалъ старикъ,—я не поѣду, а ты, Кази-Магометъ, поѣзжай; потомъ и мнѣ разскажешь что слышалъ и видѣлъ.

Кази-Магометъ, какъ бы неохотно, сошелъ внизъ, гдѣ его ожидали уже приготовленныя, по его же приказанію, дрожки.

— Что говоритъ Кази-Магометъ объ игрѣ Ольриджа? спросилъ я на другой день переводчика.

— Говоритъ, что смотрѣть это представленіе не стоило и за пять копѣекъ...

Нельзя было и ожидать другой оцѣнки! Во первыхъ, потому, что мусульманинъ, сдѣлавшійся христіаниномъ и явившійся на сцену, никогда не удостоится похвалы ни одного фанатика; а во вторыхъ, Ольриджъ игралъ на англійскомъ языкѣ и Кази-Магометъ ничего не понималъ.

За два дня до представленія «Отелло», Кази-Магометъ спросилъ меня, что онъ увидитъ на сценѣ?

— Ольриджъ совершитъ убійство,—отвѣчалъ я.

— Кого онъ убьетъ?

— С.....ву! отвѣчалъ я улыбаясь.

— Онъ въ самомъ дѣлѣ ее убьетъ?

— О, нѣтъ; она останется живою!

— Жалко!—отвѣчалъ сынъ Шамиля;—ее бы нужно убить не шутя.

Кази-Магомету было извѣстно, что эта миловидная актриса бѣжала отъ мужа, лежавшаго на смертномъ одрѣ, и возвратилась на сцену по смерти благовѣрнаго супруга, оставя своего похитителя...

Абдурагимъ также былъ въ театрѣ. Въ день постановки на сцену «Отелло», онъ находился въ гостяхъ, гдѣ знакомыя дамы заявили желаніе видѣть его въ театрѣ. Бѣдный молодой человѣкъ занялъ у кого-то два рубля и вѣжливо исполнилъ желаніе прекраснаго пола. Ни Шамиль, ни Кази-Магометъ никогда почти не догадывались дать своимъ родственникамъ денегъ на билеты.

VI.

— Кази-Магометъ прислалъ спросить, не возьмете ли вы его съ собою куда нибудь къ знакомымъ, провести вечеръ,—доложилъ мнѣ однажды переводчикъ.

— Пожалуй,—отвѣчалъ я;—скажите, чтобы послѣ вечерняго «намаза» пришелъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ поѣдемъ къ нашему кавказскому другу, капитану де-Лазари [1]).

Въ сумерки отправились. Кази-Магометъ хотя понимаетъ

[1]) Нынѣ полковникъ корпуса жандармовъ.

много, но, просто изъ фанатизма не желая говорить по русски. въ гостяхъ бо́льшею частію держится около меня; на этотъ разъ, онъ завелъ со мною разговоръ объ Абдурагимѣ.

— Пожалуйста перестанемте говорить о предметѣ, которому не предвидится конца и котораго, по вашему выраженію, нельзя поймать за хвостъ! Удивляюсь, зачѣмъ вы насильно удерживаете при себѣ этого молодаго человѣка? Раньше или позже, онъ надѣлаетъ вамъ много хлопотъ! Всѣ эти странныя сцены, которыми вы отвѣчаете ему на просьбы о дозволеніи опредѣлиться на службу, сдѣлавшись извѣстны всему городу, возбудятъ смѣхъ и порицаніе, возбудятъ вопросъ и убѣжденіе, что имамъ, осыпанный милостями правительства, изъ фанатизма не желаетъ пустить зятя на царскую службу!.. Вотъ уже почти два года, какъ Абдурагимъ каждый день безпокоитъ меня своими просьбами объ опредѣленіи его на службу въ Россіи или на Кавказѣ.

— Имамъ вовсе его не держитъ! Пускай онъ проситъ позволенія ѣхать на Кавказъ, и позволеніе получитъ,—сказалъ Кази-Магометъ, въ душѣ нежелавшій, чтобы Абдурагимъ служилъ въ Россіи.

— Но Абдурагимъ безъ жены на Кавказъ не поѣдетъ,—замѣтилъ я.

— Имамъ отпуститъ съ нимъ и его жену,—сказалъ Кази-Магометъ, и затѣмъ прибавилъ: если она сама захочетъ послѣдовать за мужемъ!...

— Другой на моемъ мѣстѣ человѣкъ и подумалъ бы, что дѣло Абдурагима благополучно покончено, но я ясно вижу, что мы цѣлый часъ толкли воду. Абдурагимъ, готовый ѣхать и на Кавказъ—не поѣдетъ туда безъ жены, а жена его, само собою разумѣется, сдѣлаетъ то, что̀ угодно имаму. Ей стоитъ только шепнуть: не соглашайся разстаться съ отцомъ, и она оставитъ мужа въ трубѣ... И ты, мой другъ, и Шафи, рады бы сбыть съ рукъ обоихъ нелюбимыхъ зятьевъ, но тутъ есть запятыя: имаму не хочется разстаться съ дочерьми, вамъ съ сестрами, а имамшѣ Заидатъ не хочется разстаться съ братьями. Я не говорю уже о томъ, что вы всѣ, кромѣ корнета Магомета-Шафи, по извѣстной мнѣ причинѣ, не желаете, чтобы кто нибудь изъ вашихъ родственниковъ, даже изъ вашихъ единовѣрцевъ, служилъ въ рядахъ христіанъ.

— Заидатъ помѣшаетъ выѣзду братьевъ изъ Калуги, — замѣтилъ Кази-Магометъ, какъ бы отвѣчая на свою мысль сбыть ихъ съ рукъ.

На слѣдующее утро, разговоръ нашъ, переданный Кази-Магометомъ—Шамилю, Шамилемъ—Заидатъ, а Заидатъ—братьямъ, варьированъ на разныя темы, и настоящій смыслъ его, по обыкновенію, исказился. Вся семья, жадная до хабаровъ (новостей) и сплетень, обрадовалась, что нашелся предметъ для толковъ. Шамиль потребовалъ къ себѣ Абдурагима и, вслѣдствіе будто бы моей жалобы, что онъ до смерти мнѣ надоѣдаетъ своими посѣщеніями, распекъ его ужасно. Заидатъ обидѣлась сказаннымъ мною, что если бы не она, то Абдурагимъ давно бы былъ на службѣ, и такъ далѣе.

Въ полдень Абдурагимъ прибѣжалъ ко мнѣ чуть не со слезами на глазахъ, и объявилъ, что имамъ наконецъ согласился отпустить его изъ Калуги, и желаетъ о томъ переговорить со мною. Я отправился тотчасъ къ старику, предполагая заодно сдѣлать съ нимъ визитъ пріѣзжему въ Калугу флигель-адъютанту. Кази-Магометъ и Абдурагимъ встрѣтили меня въ залѣ; минуту спустя, пришелъ къ намъ Шамиль. Поздоровавшись, онъ пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ на диванѣ.

— Мнѣ нужно сказать тебѣ пару словъ, — сказалъ онъ.

— Я слушаю!...

— Кази-Магометъ сообщилъ мнѣ, что стоящій здѣсь Абдурагимъ ужасно надоѣдаетъ тебѣ своими посѣщеніями и жалобами поступить на службу!..

— Вовсе не такъ! я всегда радъ видѣть каждаго изъ васъ въ моемъ домѣ: выслушивать ваши жалобы, ваши просьбы, давать вамъ добрые совѣты—это моя обязанность!.. Я, точно, говорилъ твоему сыну, что Абдурагимъ постоянно безпокоитъ меня извѣстными просьбами, но вовсе не въ томъ смыслѣ, что онъ мнѣ надоѣдаетъ посѣщеніями.

— Такъ ты не приносилъ полковнику жалобы, чтобы тебя отпустить изъ Калуги? спросилъ Шамиль Абдурагима.

— Я вовсе не жаловался, но просилъ, да и то просилъ только всего одинъ разъ,—отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Да, точно, ты просилъ одинъ разъ, но потомъ, въ каждый приходъ ко мнѣ, заводилъ разговоръ о предметѣ своего до-

могательства. Развѣ это не одно и то же, что повтореніе первоначально заявленной просьбы? замѣтилъ я зятю Шамиля.

— «Белѣ!» (точно такъ),—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Однимъ словомъ, безъ увертокъ, выскажи намъ свое желаніе.

— Мое желаніе—желаніе неизмѣнное, моя просьба—усерднѣйшая просьба, состоитъ въ томъ, чтобы имамъ позволилъ мнѣ поступить на службу! отвѣчалъ Абдурагимъ.

— Я вовсе не удерживаю его. Пускай ѣдетъ и беретъ съ собою свою жену, но писать военному министру объ его опредѣленіи я не возьму пера въ руки, потому что это не мое дѣло. У него есть отецъ Джамалъ-Эддинъ, отъ распоряженій котораго должна зависѣть его участь!... По нашимъ постановленіямъ, сынъ обязанъ подчиняться волѣ отца, братъ—старшаго брата, и такъ далѣе,—заключилъ Шамиль, кривя душою противу «Суннета», въ которомъ сказано, что достигнувшій 15-ти-лѣтняго возраста юноша уже выходитъ изъ-подъ опеки.

— Коляска подана,—доложилъ лакей.

— Ѣдемте, имамъ,—сказалъ я, и мы отправились съ визитами.

Вечеромъ того же дня, пришелъ ко мнѣ Абдурагимъ.

— «Кара боссе!» (добрый вечеръ),—сказалъ онъ весело.

— «Саолъ, ходоука!» (спасибо, садись),—отвѣтилъ я.

— Слава Богу! наконецъ-то имамъ далъ мнѣ согласіе поступить въ службу...

— Ты такъ думаешь?...

— Разумѣется!... Я пришелъ просить васъ, чтобы вы съ завтрашнею почтою сдѣлали о томъ представленіе военному министру. Ради самого Аллаха, развяжите меня,—умолялъ Абдурагимъ.

— Не могу, хотя бы и хотѣлъ... Согласіе Шамиля такъ же сомнительно, какъ и прежде, и имѣетъ свое: но. Завтра я еще разъ спрошу имама—какъ мнѣ понимать отвѣтъ его по твоему дѣлу.

Спрошенный имамъ отозвался, что онъ и ни запрещаетъ, и ни позволяетъ своему зятю Абдурагиму поступить въ службу—болѣе этого я ничего не могъ добиться.

Затѣмъ, съ первою почтою, я отправилъ къ докладу воен-

ному министру представленіе [1]), въ которомъ, между прочимъ, выразилъ:

«Абдурагимъ, весьма справедливо считая 4-хъ-лѣтнее пребываніе въ Калугѣ (куда онъ прибылъ за Шамилемъ добровольно) временемъ для себя безполезно потеряннымъ, и требуемое отъ него соблюденіе правилъ мюридской жизни—правилъ, по его словамъ, хорошихъ въ Дарго, но не въ Калугѣ, стѣснительнымъ, потерявъ надежду, чтобы Шамиль далъ ему согласіе поступить на службу, принялъ методу вести себя самостоятельно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нерасположеніе къ нему Шамиля и Кази-Магомета. Какъ добрый мусульманинъ, Абдурагимъ аккуратно исполняетъ пять установленныхъ «намазовъ», не ѣстъ и не пьетъ запрещеннаго кораномъ, но положительно не признаетъ тѣхъ обрядовъ и обычаевъ (составляющихъ «Суннетъ» и «Гадисъ»), которые имѣютъ характеръ фанатизма. Гордый и настойчивый, онъ не хочетъ преклонить своей головы ни передъ Шамилемъ, ни передъ его старшимъ сыномъ, и, нерѣдко оставаясь безъ обуви, не проситъ у нихъ ни копѣйки, потому что каждая выдача ему денегъ на покупку необходимѣйшаго сопровождалась выговорами, даже ругательствами, за несоблюденіе строгихъ адатовъ.

«Въ прошлые годы, Шамиль выдавалъ зятьямъ своимъ по 20—30 рублей въ треть; теперь же не отпускаетъ имъ на карманные расходы ничего, полагая, что этимъ заставитъ ихъ прекратить знакомства и безвыходно сидѣть дома, за намазами и книгами; мѣра эта оказалась безуспѣшною, вызвала обоюдное охлажденіе, похожее на ненависть, и зятья, въ особенности Абдурагимъ, совершенно вышли изъ повиновенія своихъ родственниковъ, стараются избѣгать съ ними встрѣчи, чему способствуетъ учрежденіе для нихъ особаго экономическаго обѣденнаго стола, и, постоянно жалуясь на притѣсненіе Шамиля, насильно удерживающаго ихъ при себѣ, остаются при мысли выѣхать изъ Калуги.

«Весьма много я потерялъ времени и словъ на совѣты Шамилю: отпустить зятя на службу, и Абдурагиму: подчиниться волѣ старика. Первый, по обыкновенію, отвѣчаетъ уклончиво, второй—настойчиво остается при прежнемъ желаніи. Наконецъ, два дня сряду, Шамиль самъ заводилъ со мною разговоръ объ Абдурагимѣ, объявляя, что, въ дѣлѣ опредѣленія его на службу, считаетъ себя лицомъ постороннимъ, не желаетъ препятствовать осуществленію намѣренія зятя, но и не намѣренъ ходатайствовать объ немъ передъ военнымъ министромъ. Мнѣніе Шамиля, что домогательство зятя можетъ быть разрѣшено только согласіемъ его отца, ефендія Джамалъ-Эддина, Абду-

[1]) Вся переписка моя, по должности пристава при Шамилѣ, велась конфиденціально, и докладывалась военному министру чрезъ начальника управленія иррегулярныхъ войскъ, генералъ-лейтенанта Карлгофа.

рагимъ не признаетъ правильнымъ, какъ потому, что онъ совершеннолѣтенъ, такъ и по той причинѣ, что отецъ, бросивъ его давно на произволъ судьбы, самъ переселился въ другое государство.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что опредѣленіе на службу Абдурагима было бы для Шамиля и части его семейства непріятнымъ событіемъ, но оно положило бы конецъ семейнымъ сценамъ, которыя повторяются ежедневно вслѣдствіе настойчивости называемаго молодаго человѣка—какими бы то ни было путями достигнуть своей цѣли.

«Въ заключеніе честь имѣю доложить, что Абдурагимъ, зная весьма порядочно читать и писать по русски, въ такомъ случаѣ, если не удостоится счастія быть опредѣленнымъ въ конвой Е. И. Величества, заявляетъ готовность служить въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, внутри имперіи расположенныхъ, и носить установленную форму, а также оставить до времени свою жену при семействѣ Шамиля».

Абдурагимъ пришелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ утреннимъ визитомъ и вслѣдъ за нимъ появился Абдурахманъ, дувшійся на меня нѣсколько дней и испытавшій, что я мало на это обращаю вниманія. Оба брата были очень веселы и это убѣдило меня въ мысли, что они единодушно стремятся къ одной цѣли, именно: разстаться съ Шамилемъ и почтенною Заидатъ, не умѣвшею отстоять, чтобы въ глазахъ имама зятья занимали мѣсто выше сыновей. Я говорилъ уже, что, за годъ до того, какъ пишу я эти строки, домъ Шамиля раздѣлялся на двѣ партіи; теперь обстановка измѣнилась, въ ущербъ Заидатъ—братья ея составили особую партію. Право менторства надъ старикомъ осталось въ рукахъ Заидатъ и Кази-Магомета: что присовѣтуетъ сынъ, то разстроитъ жена, что присовѣтуетъ жена—то разстроитъ сынъ... Абдурахманъ тайно, а Абдурагимъ явно, стали преслѣдовать одну цѣль—выбиться изъ тяжкой опеки и оставить семью, въ которой они ничего не значатъ, содержатся какъ лакеи, и встрѣчаютъ одни лишь оскорбленія.

Въ первый разъ при братѣ, Абдурагимъ закурилъ папироску,—до этого дня онъ скрывалъ отъ него свою противу-коранную страстишку.

— Ты рѣшаешься курить при старшемъ братѣ и въ одно время грѣшить противу адата и противу корана? Смотри, онъ на тебя разсердится! сказалъ я шутя Абдурагиму.

— Чего мнѣ сердиться,—отвѣчалъ Абдурахманъ.—Каждый

воленъ дѣлать что ему угодно[1]); онъ давно пересталъ быть «мюридомъ» и превратился въ «мунафика»!

— Какая польза имаму держать при себѣ мунафика, отвергающаго «шаріатъ»? Давно бы пора пристроиться ему на службу, въ ряды наши,—сказалъ я.

— Имамъ, по-истиннѣ, добрѣйшій старикъ, и не препятствовалъ бы пользамъ зятя, если бы не эти поганые совѣтники! Черезъ совѣтниковъ же, въ родѣ Амиръ-хана, Юнуса и другихъ, онъ потерялъ Чечню и Дагестанъ. Совѣтчики ворочаютъ его на всѣ стороны, подобно тому, какъ собаки ворочаютъ падаль («мурдаръ»),— сказалъ Абдурахманъ язвительно.

Квартировавшій въ Калугѣ, Колыванскаго полка капитанъ Мулачиханъ (до крещенія Гасанъ Гаджіовъ), уроженецъ Дагестана, изъ селенія Ашильты, выступая въ походъ въ Царство Польское, оставилъ своего 15-ти-лѣтняго племянника, Нурича, у помѣщицы Калужской губерніи княгини Оболенской, принявшей на себя доброе дѣло воспитать молодаго дикаря въ европейскомъ духѣ.

На-дняхъ пріѣхалъ въ городъ съ кучеромъ княгини молодой Нуричъ и остановился въ домѣ Шамиля. Капитанъ Мулачиханъ былъ далеко не въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ имама; оставляя Калугу, онъ даже не счелъ нужнымъ проститься съ ними, и племянника своего ихъ попеченіямъ не поручалъ. Когда полкъ стоялъ около Калуги лагеремъ и Шамиль посѣщалъ ученья, то я замѣтилъ, что Нуричъ, подзываемый къ колискѣ имама, послѣ разговора съ нимъ на аварскомъ нарѣчіи, всегда отходилъ со слезами на глазахъ. Какъ истый кавказецъ, привыкшій смотрѣть во всѣ стороны—нѣтъ-ли гдѣ непріятеля въ засадѣ, я заподозрилъ—не внушается ли молодому горцу мысль, что ему грѣшно жить у невѣрныхъ и отставать отъ мусульманскихъ намазовъ и обычаевъ.

— Кази-Магометъ желаетъ, чтобы Нуричъ остался у нихъ на жительство,—доложилъ мнѣ вошедшій переводчикъ Мустафа.

— Передайте Кази-Магомету, что онъ не имѣетъ никакого

---

[1]) Это изреченіе заключается въ 46-мъ стихѣ 41-й главы корана.

права распоряжаться этимъ молодымъ человѣкомъ и вмѣшиваться въ дѣла Мулачихана,—сказалъ я переводчику.

Мустафа ушелъ, но вскорѣ возвратился.

— Кази-Магометъ говоритъ, что Нуричъ напишетъ къ княгинѣ Оболенской письмо, увѣдомитъ, что пожелалъ остаться въ домѣ имама, и попроситъ прислать сюда его вещи,—сказалъ переводчикъ.

Я отправилъ однако Нурича обратно въ деревню княгини Оболенской, которую просилъ не отпускать впредь молодаго человѣка къ военно-плѣннымъ, потому что эти посѣщенія могутъ его фанатизировать. Въ тотъ же день зашелъ я къ Шамилю, принимавшему визитъ Ольриджа.

— Извините, имамъ, что я воспротивился оставленію здѣсь Нурича.

— И прекрасно сдѣлалъ! отвѣчалъ старикъ.

— Если бы вы оставили у себя этого мальчика, непрошенные вмѣшались въ дѣла Мулачихана, то онъ имѣлъ бы право васъ обвинить въ томъ, что вы, ради того—лишь бы вырвать мусульманина изъ рукъ христіанъ, помѣшали воспитанію его племянника.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ Шамиль.

— Я приказалъ Нуричу испросить отъ Гасанъ Гаджіова (Мулачихана) позволеніе жить у насъ,—сказалъ Кази-Магометъ.

— А я постараюсь помѣшать этому,—подумалъ я, зная, что желаніе это есть дѣло фанатизма, а не человѣколюбія.

— Скажите Кази-Магомету,—приказалъ я вошедшему ко мнѣ переводчику,—что, по корану, за вѣжливость должно платить вѣжливостью. Вмѣсто визита Ольриджу, который теперь занятъ репетиціями, пускай онъ ѣдетъ въ театръ, на представленіе драмы: «Шейлокъ».

— А я затѣмъ и присланъ,—отвѣтилъ переводчикъ;—Кази-Магометъ хочетъ взять ложу..... Онъ проситъ, чтобы вы взяли съ нимъ ложу по поламъ а ложа стоитъ 15 рублей!..

— Имамъ васъ приглашаетъ, желая кой о чемъ переговорить,— сказалъ мнѣ однажды Кази-Магометъ, встрѣтившійся на гуляньи.

— Опять что нибудь новое? спросилъ я торопливо.

— Нѣтъ, это все старое! отвѣчалъ спрошенный.

Въ полдень слѣдующаго дня, собралась конференція.

— Ты поставленъ при мнѣ правительствомъ для того,—началъ Шамиль рѣчь докторальнымъ тономъ,—чтобы быть мнѣ полезнымъ совѣтами, быть ходатаемъ въ моихъ нуждахъ и просьбахъ!—Сегодня я пригласилъ тебя съ тою цѣлью, чтобы покончить дѣло Абдурагима, не отступающаго отъ желанія выѣхать изъ Калуги и поступить на службу.....

Изъ залы въ гостиную вошли Абдурахманъ и Абдурагимъ. Первый, въ противность мусульманскаго этикета, увидѣвъ, что Кази-Магометъ сидитъ при отцѣ и желая показать, что онъ ему равный, безъ приглашенія помѣстился въ кресла, и шопотомъ, на кази-кумухскомъ нарѣчіи, для всѣхъ присутствующихъ непонятномъ, два раза повторилъ брату: «и ты садись», но Абдурагимъ до конца совѣщанія оставался на ногахъ, и вообще держалъ себя съ тактомъ и должнымъ, по обычаю, къ старшимъ уваженіемъ.

— Совершенно отъ тебя зависитъ разрѣшить этотъ длинный, безпокоющій всѣхъ насъ вопросъ,—сказалъ я Шамилю.—Зачѣмъ насильно держать Абдурагима и Абдурахмана, когда вы на нихъ, а они на васъ, смотрите врагами?..

— Насильно я никого не удерживаю—отвѣчалъ старикъ. Сколько присутствіе ихъ въ моемъ домѣ не приноситъ радости, столько и отсутствіе не причинитъ печали! Въ началѣ, я ихъ содержалъ точно такъ же, какъ родныхъ сыновей: кормилъ, одѣвалъ, давалъ нѣсколько денегъ, но когда они стали вести себя очень дурно, неприлично, однимъ словомъ—не такъ, какъ слѣдуетъ вести себя дѣтямъ благочестиваго ефендія, я, истощивъ всѣ средства направить ихъ на путь истинный, заставить, чтобы они сидѣли дома, читали религіозныя книги, дѣлали «намазы», держали посты,—вотъ уже болѣе года, махнулъ на нихъ рукою, не сталъ давать ни копѣйки, но и эта мѣра не останавливаетъ ихъ отъ неприличной жизни!.. Они продолжаютъ посѣщать своихъ знакомыхъ, бывать на гуляньяхъ и въ театрахъ, смотрѣть

на женщинъ и говорить съ ними, тогда какъ все это запрещено правовѣрнымъ мусульманамъ.

— Я съ тобою не согласенъ, имамъ, въ томъ, что зятья твои ведутъ себя дурно, неприлично. Они аккуратно исполняютъ пять установленныхъ кораномъ «фарсъ-намазовъ», не ѣдятъ и не пьютъ запрещеннаго, держатъ исправно великій постъ, но, признавая правила вашего «Суннета» тяжелыми, необязательными, и полагая, что только подобные тебѣ старцы могутъ имъ слѣдовать, рѣшились вообще жить такъ, какъ живутъ всѣ дагестанцы, то есть: по «адату», а не по «шаріату».

— Если они не хотятъ быть послушными, жить такъ, какъ я живу, то самое лучшее удалить ихъ изъ моего дома,—отвѣчалъ Шамиль. Хотятъ ѣхать въ Дагестанъ—пусть ѣдутъ; я имъ пожалуй дамъ нѣсколько денегъ на дорогу.

— А женъ отдашь имъ? спросилъ я.

— Конечно, и женъ отдадимъ,—вмѣшался сынъ-суфлеръ.

— Конечно, и женъ отдадимъ! повторилъ отецъ и, помолчавъ, прибавилъ: «но» отдадимъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ не будутъ плакать, и сами согласятся покинуть старика-отца...

— Это «но» все равно, что сказать прямо: не отдамъ!... жены не поѣдутъ за мужьями, мужья не поѣдутъ безъ женъ! Повтореніе старой пѣсни,—сказалъ я.—Мое мнѣніе, пусть Абдурагимъ поступаетъ на службу въ Россіи, его же жена, а твоя дочь, можетъ до времени оставаться при твоемъ семействѣ.

— Я согласенъ; пускай зятья служатъ въ Россіи,—отвѣчалъ старикъ,—«но» я не хочу, чтобы ихъ жены оставались при мнѣ; они должны взять ихъ съ собою. Довольно мнѣ заботъ и съ женою Шафи; ты не знаешь какъ дорого мнѣ стоитъ жить въ Калугѣ!.....

— На первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, имъ взять съ собою женъ невозможно! Впрочемъ,—продолжалъ я,—у насъ должно идти совѣщаніе только объ одномъ Абдурагимѣ. Абдурахманъ, въ послѣднее время, не заявлялъ мнѣ желанія оставить твой домъ.....

— Нѣтъ, дѣло лучше покончить заразъ,—отозвался въ сердцахъ Кази-Магометъ. Вышлите вонъ изъ нашей семьи и того и другаго, а въ особенности этого клеветника, интригана.

негодяя Абдурахмана! Пока онъ будетъ здѣсь, у насъ никогда не будетъ покою!..

— Да, это правда,—отозвался спокойно перебиравшій свои чотки старикъ; ихъ нужно («тайдырмага») вырвать изъ моего дома!..

— Мнѣ очень непріятно,—сказалъ я Абдурахману, сидѣвшему какъ на иголкахъ,—что ты, чрезъ свой хитрый, злобный характеръ, вооружилъ противу себя имама и его сыновей! Третьяго дня Кази-Магометъ жаловался мнѣ, что ты ослушался его порученія написать письмо къ полковнику Богуславскому. На замѣчаніе мое, ты отвѣчалъ, что Кази-Магометъ лжетъ, клевещетъ, и что о письмѣ никто тебѣ ничего не говорилъ; вотъ теперь вы оба на лицо, разъясните кто изъ васъ въ данномъ случаѣ правъ, кто виноватъ?.....

— Развѣ я не поручалъ тебѣ написать письмо къ Богуславскому? спросилъ Кази-Магометъ Абдурахмана.

— Нѣтъ! я не помню! отвѣчалъ послѣдній.

— Ложь! чистая ложь! ты еще сказалъ: «очень мнѣ нужно писать гяуру!» —вскричалъ блѣднѣвшій отъ злости сынъ Шамиля.

— У тебя ложь! отвѣчалъ въ свою очередь поблѣднѣвшій какъ полотно Абдурахманъ; ты радъ клеузничать и на каждомъ шагу обижать меня безъ причины!...

— Безъ причины? а, безъ причины?—закричалъ антагонистъ, подбѣгая къ противнику и кивая ему подъ самый носъ пальцемъ.—А не ты ли, «собака», оказываешь мнѣ на каждомъ шагу неуваженіе? не ты ли дѣлалъ мнѣ непріятности тогда, какъ умерла моя жена, Каримать? не ты ли дерзко приказалъ лакею отобрать отъ меня графинъ? не ты ли выхватилъ изъ рукъ своей жены, а моей сестры, Написать, рубашку, которую она мнѣ шила, и топталъ эту рубашку ногами?..

Перебранка принимала все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ.....

Ставъ между двумя разсвирѣпѣвшими и державшимися за кинжальныя ручки родственниками, и отводя Кази-Магомета на прежнее мѣсто, я замѣтилъ имъ, что они въ присутствіи моемъ и имама ведутъ себя неприлично; вслѣдъ за симъ, спокойствіе возстановилось. Шамиль во все время ссоры и брани сидѣлъ спокойно, перебиралъ чотки, и шепталъ молитву, предоставляя противникамъ полную свободу подраться....

Если бы Кази-Магометъ ударилъ Абдурахмана, то, вѣроятно, обнажились бы кинжалы, и въ маленькой гостиной разыгралась бы трагедія. Въ одно мгновеніе ока закипѣло бы: «Канлу» (Vendetta). Абдурахманъ могъ убить Кази-Магомета, Шамиль—Абдурахмана, Абдурагимъ—Шамиля, и, наконецъ, кто нибудь изъ нихъ, болѣе раненый, собираясь отправиться ad patres, ради заслуги для поступленія въ обѣщанный пророкомъ рай, воткнулъ бы кинжалъ въ мою грудь—въ грудь ненавистнаго «гяура!..» Привыкшій на Кавказѣ быть близкимъ свидѣтелемъ сценъ убійства или пораненій изъ-за ничтожныхъ предлоговъ, я нисколько не испугался, но съискоса поглядывалъ на кинжалы моихъ сосѣдей, съ цѣлью завладѣть однимъ изъ нихъ, въ случаѣ надобности...

Въ гостиной возстановилось однако спокойствіе. Абдурагимъ, все время стоявшій скромно прислонясь къ стѣнѣ, выступилъ три шага впередъ, и сказалъ:

— Если вы собрались на совѣщаніе по моему дѣлу, то спрашивайте меня и я буду отвѣчать; если же я не нуженъ, то позвольте мнѣ удалиться!... Порѣшите мою просьбу. Положеніе, въ которомъ я нахожусь, вгонитъ меня въ чахотку! Я измучился отъ постоянныхъ сценъ и непріятностей!..

— Самъ вижу,—сказалъ хладнокровно Шамиль,—что нуженъ конецъ, но я не имѣю права ни отпускать, ни удерживать тебя; дѣлай какъ хочешь, и уѣзжай хоть сію минуту!...

— Куда же мнѣ ѣхать? отвѣчалъ Абдурагимъ,—въ Петербургъ-ли, въ Сибирь, на Кавказъ, или въ Мекку!.. Укажите мнѣ дорогу, и я поѣду!.....

— Сынъ навсегда состоитъ во власти отца,—сказалъ имамъ; на всѣ свои дѣла вы должны испрашивать разрѣшенія ефендія Джамалъ-Эддина, а я тутъ сторона: ни запрещаю, ни позволяю!...

— Да это вовсе не логично, имамъ,—замѣтилъ я. —Джамалъ-Эддинъ, переселившись въ Турцію, сталъ подданнымъ султана, а Абдурагимъ —подданный нашего Императора! Какое же право можетъ имѣть турецко-подданный надъ русско-подданнымъ? Развѣ въ Чечнѣ и Дагестанѣ сыновья-мунафики спрашивали разрѣшенія отцовъ-мюридовъ и обратно?...

— Въ нашихъ книгахъ написано, что сынъ всегда остается подчиненнымъ волѣ отца,—отвѣчалъ старикъ докторально.

— А мнѣ кажется, что въ вашихъ же постановленіяхъ гдѣ-

то сказано, что отецъ обязанъ: научить сына грамотѣ, правиламъ религіи, и женить на первой женѣ, а въ 16 лѣтъ сынъ уже выходитъ изъ безусловной власти отца, и дѣлается человѣкомъ самостоятельнымъ,—замѣтилъ я.

— Сынъ навсегда подчиненъ волѣ отца,—твердилъ ех-имамъ; онъ безъ его воли не можетъ идти на «газавать!» (священную войну противу христіанъ).

Этою ссылкою, въ смыслѣ толкованія постановленій Суннета, старикъ высказалъ мысль, что если сынъ безъ разрѣшенія отца не можетъ затѣвать такого добраго, Аллаху-угоднаго дѣла, какъ война противу гяуровъ, то какъ-же ему не быть подчиненнымъ отцу въ другихъ житейскихъ помыслахъ, а въ особенности въ помыслахъ вступить въ ряды гяуровъ!.....

— Положимъ, что это есть въ вашихъ книгахъ; но вѣдь зятья твои не хотятъ идти на газавать, но хотятъ поступить къ намъ на службу,—отвѣчалъ я. Развѣ ты, имамъ, собирая скопища, насильно выводя въ строй малаго и великаго, способнаго владѣть оружіемъ—спрашивалъ разрѣшенія отцовъ отпустить сыновей?..

— Откуда тебѣ знать, что написано въ нашихъ книгахъ,—сказалъ съ досадою Шамиль.—Ты вотъ, пожалуйста, сдѣлай представленіе «визирю» (военному министру), чтобы намъ избавиться отъ этихъ людей.....

— Только сдѣлай представленіе не обвиняя насъ въ чемъ либо, потому что ты какъ-будто бы держишь ихъ сторону,—прибавилъ Кази-Магометъ.

— Я не держу ничьей стороны, но дѣйствую и сужу по совѣсти!—отвѣчалъ я, взглянувъ на сына ех-имама.—Абдурахманъ и Абдурагимъ на лицо; пускай они скажутъ, не совѣтовалъ-ли я имъ быть почтительными, послушными имаму, не огорчать васъ разными дрязгами!... Не могу же я написать въ представленіи, что они негодяи, пьяницы, воры, изъ-за того, что они не хотятъ вести арестантской жизни, сидѣть день-деньской за книгами!..

— Какъ лицо, поставленное при насъ правительствомъ, ты долженъ написать визирю всю правду,—сказалъ Кази-Магометъ.

— Конечно, я не отступлю ни на шагъ отъ правды; но было бы гораздо лучше, если-бы вы, имамъ, отъ себя написали коротенькое письмо, прося визиря объ опредѣленіи зятьевъ вашихъ на службу...

— Нѣтъ,—отвѣчалъ рѣшительно Шамиль,—я о томъ не напишу ни одной строчки!...

Совѣщаніе тѣмъ и кончилось. Черезъ одну, нарочно пропущенную мною почту, переговоривъ съ Кази-Магометомъ и его двумя зятьями, я отправилъ къ начальнику управленія иррегулярныхъ войскъ, генералъ-лейтенанту Карлгофу, новое представленіе съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, выразивъ при этомъ, что, по моему мнѣнію, только удаленіе Абдурахмана и Абдурагима изъ Калуги для зачисленія на службу можетъ возстановить въ семьѣ Шамиля спокойствіе, прекратить сплетни и интриги; а потому, если эта мѣра будетъ признана благоугодною, то я честь имѣю просить почтить меня предписаніемъ, а Шамиля письмомъ, о высылкѣ сыновей Джамалъ-Эддина Кази-кумухскаго въ С.-Петербургъ, для опредѣленія, согласно ихъ желанію, на службу и дальнѣйшаго отправленія, по назначенію (не указывая мѣстъ), и объ оставленіи на время женъ ихъ въ Калугѣ, при семействѣ Шамиля.

Наканунѣ отправленія этого письма я объяснялъ Шамилю, что, въ виду безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ, когда каждый вѣрноподданный престолу готовъ посильно принести пользу правительству, ему неловко удерживать при себѣ насильно молодыхъ, полныхъ энергіи зятьевъ, и совѣтовалъ лично написать письмо къ военному министру, съ просьбою объ опредѣленіи ихъ на службу; но совѣтъ этотъ не имѣлъ успѣха, какъ можно догадываться, изъ опасенія погрѣшить противу религіи, запрещающей отдавать мусульманъ на службу христіанамъ.....

П. Г. Пржецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШАМИЛЬ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ КАЛУГѢ.

Записки полковника П. Г. Пржецлавскаго.

1862—1865.

VII [1]).

Послѣ передачи корреспонденціи на почту, пришелъ ко мнѣ Абдурахманъ.

— Представленіе по вашему дѣлу уже отправлено,—сказалъ я ему.

— Что же вы написали обо мнѣ? спросилъ онъ пасмурно.

— Я написалъ о твоихъ трехъ желаніяхъ: ѣхать въ Дагестанъ, если нельзя туда—то въ Тифлисъ, или остаться въ Калугѣ, и наконецъ сообщилъ, что въ Россіи ты служить не хочешь.

— Я не просился ѣхать въ Дагестанъ,—отозвался нагло Абдурахманъ, вспомнившій, вѣроятно, что я наканунѣ совѣтовалъ ему не настаивать такъ упорно о выѣздѣ туда, и сообразившій, что это настаиваніе можетъ навлечь на него подозрѣніе.

— Полюбуйтесь изворотливостью этого человѣка! сказалъ я, вставая съ кресла, и обращаясь къ переводчику Турминскому. Одинъ только Абдурагимъ стоитъ на своемъ словѣ, и не отказывается отъ своихъ желаній!...

— Я точно просился на родину (какъ будто-бы проситься ему на родину и въ Дагестанъ—не все равно),—отозвался блѣдный, блудливый какъ кошка и трусливый какъ заяцъ потомокъ пророка,—отпустили же туда Гаджіова-Каратинскаго, Таушь-Ма-

[1]) Первыя четыре главы напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX, стр. 253—276; 471—506. Тамъ же смотр. гравирован. портретъ Шамиля, томъ XVIII. Изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 41—64.

гомета и другихъ, отчего же не отпустить меня? Я вовсе не плѣнный, но прибылъ добровольно въ Калугу. Имамъ самъ говорилъ мнѣ вчера, что мнѣ уже лучше проситься на родину, или въ Мекку къ отцу.....

— Такому «мюриду», какъ ты, не годится жить въ Дагестанѣ между «мунафиками»,—сказалъ я. Они живутъ по адату, а ты, пожалуй, будешь продолжать жить по шаріату и ни за что не снимешь съ лица жены покрывала.

— Конечно, жена моя будетъ подъ покрываломъ, но я ей прикажу сидѣть постоянно дома, не показываться на улицѣ. Я, пожалуй, и самъ буду дѣлать намазы только внутри своего дома,— отвѣчалъ онъ.

— Намазовъ — фарсъ-намазовъ, установленныхъ кораномъ, никто не запрещаетъ вамъ дѣлать,—сказалъ я, пожавъ плечами,— но кто соблюдаетъ вводныя правила «суннета», тотъ уже фанатикъ, а фанатикъ въ Дагестанѣ—вредное зелье!... Примѣры заразительны: явись въ Кази-Кумухъ твоя жена — жена сына извѣстнаго, проповѣдывавшаго «тарикатъ» ефендія, потомка пророка, дочь имама Чечни и Дагестана, съ покрываломъ на лицѣ, и тотчасъ найдутся дуры, которыя послѣдуютъ ея примѣру! Нѣтъ, любезный другъ, повѣрь мнѣ, что твоей благовѣрной супругѣ съ мюридскимъ покрываломъ не будетъ ловко тамъ, гдѣ всѣ женщины или не знали, или съ радостью бросили украшеніе, установленное вашимъ ревнивымъ пророкомъ — твоимъ предкомъ!... Впрочемъ, что толковать!... Поѣдешь-ли ты на Кавказъ, въ Петербургъ, или въ другое мѣсто—я не знаю, на это есть воля правительства,—заключилъ я.

— Но я въ Россіи служить не хочу, — отозвался Абдурахманъ, — и лучше уже останусь въ Калугѣ. Спрошу имама, что онъ скажетъ?

— Имамъ десять разъ говорилъ при тебѣ же, что васъ нужно выслать куда бы то ни было изъ дома,—замѣтилъ я.

— Я этого не слышалъ,—нагло солгалъ Абдурахманъ,—и потому пойду спросить имама. Если онъ дѣйствительно не желаетъ, чтобы я жилъ при немъ, то пусть самъ напишетъ письмо къ визирю объ отправленіи меня на родину...

— Теперь уже поздно, представленіе мое въ дорогѣ! Совѣтую тебѣ смирно ожидать рѣшенія и напрасно не безпокоить

старика, который по вашему дѣлу не хочетъ взять пера въ руки,— сказалъ я Абдурахману.

— «Тамаша!» (удивительно!),—отозвался онъ съ желчью.—Вы всѣ притѣсняете меня; я очень хорошо вижу, что и вы противу меня и, конечно, напишете обо мнѣ что захотите!...

— Я напишу истину! это мой долгъ—долгъ каждаго честно служащаго!—отвѣчалъ я.—Третьяго дня Кази-Магометъ сказалъ же при тебѣ, что я держу вашу сторону, а теперь ты говоришь, что я держу сторону твоихъ противниковъ? Если ужъ вы можете быть недовольны мною, то именно за то, что я, съѣвъ съ подобными вамъ горцами четверикъ соли, раскусилъ васъ, и не позволяю надувать себя!...

Послѣ ухода Абдурахмана, спустя полчаса, пришелъ ко мнѣ Кази-Магометъ.

— Представленіе объ Абдурахманѣ ты отправилъ уже, или нѣтъ?—спросилъ онъ между прочимъ.

— Отправилъ, — отвѣчалъ я.

— Ради Бога, избавь насъ отъ этого человѣка, потому что мы можемъ нажить «балахъ» (т. е. срамъ) на свою голову!... Абдурагимъ еще будетъ человѣкомъ, у него хорошій характеръ, но съ того никогда никакого толку не будетъ!...

Провожая Кази-Магомета, переводчикъ Мустафа шепнулъ мнѣ:

— Кази-Магометъ говоритъ, что онъ душевно былъ бы радъ, если бы вы постарались, чтобы Абдурахманъ былъ зачисленъ въ полкъ рядовымъ, но не юнкеромъ!...

Вотъ это примѣрное родственное желаніе въ азіатскомъ вкусѣ человѣка, исповѣдующаго религію Божію... [1]).

Принимаю на себя трудъ познакомить читателей съ порядкомъ исполненія мусульманами намазовъ: передъ совершеніемъ каждаго намаза, молящійся долженъ обмыть лицо, руки, ноги, и такъ далѣе; впрочемъ, однажды исполнивъ это омовеніе, онъ можетъ сохранить «достомазъ», т. е. чистоту для будущихъ молитвъ, избѣгая прикосновенія женщинъ и нечистыхъ животныхъ, то-есть: свиньи и собаки. Платье молящагося равномѣрно должно сохранить чистоту: облитое виномъ, осквернённое вышепоясненнымъ прикосновеніемъ, вымывается с е м ь разъ. Во время молитвы подъ ноги кладется коверъ, называемый «н а м а з л ы к ъ». Въ дорогѣ, въ случаѣ ненмѣнія воды, совершается «т е е м у м ъ»—примѣрный намазъ, безъ воды.

Просчитаемъ послѣдовательно всѣ намазы и при нихъ земные поклоны «р а к а я т ъ». Суннетъ-намазы отстаиваютъ только мусульмане-фанатики.

[1]) Религія Божья—есть и с л а м ъ. Гл. III-й стихъ 17-й корана.

1. Фарсъ-намазы:

(обязательные для всѣхъ мусульманъ по корану).

	Число намазовъ.	Число поклоновъ.
1) Сабахъ-намазъ,—утренній, передъ разсвѣтомъ	1	2
2) Тушь-намазъ,—въ полдень	1	4
3) Экимджи-намазъ,—послѣ полудня	1	4
4) Ахшамъ-намазъ,—при закатѣ солнца	1	3
5) Яссы-намазъ,—въ глубокія сумерки	1	4
Итого обязательныхъ. .	5	17

2. Суннетъ-намазы:

(необязательные: исполняющій дѣлаетъ богоугодное дѣло, «Зуабъ», а неисполняющій не грѣшитъ передъ своею религіею).

1) Ишрахъ-намазъ,—передъ зарею		1	4
2) Зуха-намазъ,—между разсвѣтомъ и полднемъ.		6	12
3) Суннетъ-намазы, или Ратибатъ.	передъ полднемъ.	2	4
	послѣ полудня.	2	4
	передъ Сабахъ-намазомъ. . . .	1	2
	передъ Экимджи	2	4
	послѣ Ахшамъ	1	2
	передъ Яссы.	2	4
4) Авабинъ-намазъ,—между Ахшамъ и Яссы.		3	6
5) Витру-намазъ,—передъ сномъ		5½	11
(Можно дѣлать 1, 3, 5 и т. д. несчетное число).			
6) Тагаджютъ-намазъ,—въ полночь.		3	6
7) Тахіятъ-намазъ,—при первомъ входѣ въ мечеть . . .		1	2
Итого необязательныхъ. .		29½	61
А всего въ сутки		34½	78

3. Годовые намазы:

(обязательные).

1) Джумма-намазъ,—по пятницамъ.	1	2
2) Уидъ-намазъ или Рамазанъ-байрамъ-намазъ,—послѣ окончанія поста	1	2
3) Уидъ-намазъ, или Курбанъ-байрамъ-намазъ, — въ праздникъ жертвоприношенія.	1	2

(случайные).

4) Салатуль-кусубъ-шамсъ-намазъ,—при затмѣніи солнца.	1	2
5) Салатуль-хусупуль-камаръ-намазъ, — при затмѣніи луны	1	2
6) Таварихъ,—въ мѣсяцѣ Рамазанѣ, во время «Уразы» или поста, послѣ Яссы и передъ Витру-намазами. . . (можно дѣлать 4, можно и 8 поклоновъ).	10	20
Итого	15	30

Если положить для каждаго намаза съ омовеніемъ полчаса, то для 34-хъ въ сутки потребуется 17 часовъ и только 7 часовъ останется для ѣды, сна и другихъ житейскихъ процедуръ.

Намазъ состоитъ изъ чтенія двухъ молитвъ, называемыхъ: «Альхамъ» и «Атахъ-ятуль»,—первой, стоя на ногахъ, второй—на колѣняхъ послѣ поклоновъ. Усердные мусульмане передъ «Альхамомъ» чвтаютъ молитву: «Ваджахту», которая необязательна, но богоугодна.

Первая: Альхамъ.

(Первая глава корана).

«Во имя Всевышняго Бога!
«Хвала будь Богу, Господу всѣхъ тварей,
«Царю въ день судный, дѣлающему добро на землѣ всѣмъ и на томъ свѣтѣ воздающему достойное по заслугамъ каждаго.
«Тебѣ мы служимъ, отъ Тебя помощи просимъ;
«Настави насъ на путь истинный—
«На путь благоугодный передъ Тобою,
«Отклони отъ насъ путь, навлекающій на насъ гнѣвъ Твой! Аминь».

Вторая: Атахъ-ятуль.

(Молитва эта есть цитированіе разговора, который будто бы пророкъ Магометъ велъ съ Богомъ, въ бытность на седьмомъ небѣ у престола Всевышняго Творца):

Магометъ: Почетъ, благодать, богочестіе, благополучіе Богу!

Богъ: Привѣтствую! это пророкъ, благодать тебѣ и почетъ!

Магометъ: Привѣтъ намъ и всѣмъ благочестивымъ людямъ!

Ангелы: Заявляемъ, что нѣтъ Бога — кромѣ Бога, еще заявляемъ, что Магометъ его посолъ!

Прибавленіе молящагося: Просимъ Бога милости для Магомета и его потомства!

Окончивъ молитву, молившійся поворачиваетъ голову къ правому и лѣвому плечу и говоритъ сидящимъ тамъ ангеламъ, записывающимъ всѣ его дѣла въ книги добра и зла, которыя будутъ заявлены на страшномъ судѣ (Кыйметъ-гюнь).

«Асалямъ алейкюмъ ва рахматулла!
«Привѣтъ и благодать вамъ Божья!»

Арабскіе богословы толкуютъ первую главу корана, называемую: «Предувѣдомленіе», такъ:

Предувѣдомленіе—на арабскомъ языкѣ: «Фатихатъ». Глава эта есть молитва наиболѣе почитаемая у магометанъ, которые даютъ ей многія другія названія. Называютъ ее главою молитвы, хвалы, благодаренія, сокровища и проч. и почитаютъ ее самою сущностью всего корана. Читаютъ ее какъ въ собраніяхъ, такъ и наединѣ, точно какъ христіане молитву Господню.

«Господу всѣхъ тварей»—въ арабскомъ: «Раббиль-Алла-мина» дословно значитъ: «Господь міровъ», но Алла-мина, въ этой главѣ корана и въ другихъ, собственно означаетъ разумныхъ тварей, какъ-то: людей, духовъ и ангеловъ.

«Наставн насъ на путь истинный»—подразумѣвается просьба о томъ, чтобы Богъ молящихся обратилъ въ магометанскую вѣру, которая въ коранѣ часто называется путемъ истиннымъ. Въ 1-й главѣ—исключительно значитъ путь тѣхъ, къ которымъ Богъ былъ благъ, то-есть путь пророковъ и вѣрныхъ, которые предшествовали Магомету, включительно съ христіанами и евреями. Такъ вообще толкуютъ 1-ю главу, хотя Замашхари и нѣкоторые другіе толкователи, прилагая къ тексту отрицательныя частицы разными образами, относятъ все къ правовѣрнымъ; — при такой процедурѣ рождается смыслъ: «путь тѣхъ, къ которымъ Ты былъ благъ, на которыхъ не прогнѣвался, и которые не заблудились».

Обыкновенно такъ было заведено, что мѣстный губернаторъ, желая частно или по дѣламъ посѣтить Шамиля, давалъ о томъ предварительно знать приставу при военно-плѣнныхъ для того, чтобы онъ, предваривъ Шамиля о посѣщеніи, могъ самъ встрѣтить почетнаго посѣтителя, или послать къ нему переводчика.

14-го декабря 1863 года, въ 3 часа по полудни, вовсе неожиданно пріѣхалъ къ Шамилю губернаторъ, г. Лерхе, удалилъ изъ залы переводчика, и около часа велъ съ Шамилемъ и его сыномъ Кази-Магометомъ секретные переговоры. Такое небывалое, тайное отъ пристава и переводчика, посѣщеніе, взволновало умы всей семьи имама, заставляя ихъ теряться въ догадкахъ - въ чемъ именно состоялъ «хальфетъ» (секретъ). Одни говорили, что губернаторъ спрашивалъ имама: доволенъ-ли онъ мною, другіе—доволенъ-ли переводчикомъ, третьи, что рѣчь шла о взятіи на службу зятьевъ имама, и такъ далѣе.

— Какъ же губернаторъ могъ разговориться безъ переводчика?—спросилъ я Мустафу.

— Вѣроятно, Кази-Магометъ занялъ мѣсто переводчика, — отвѣчалъ съ улыбкою спрошенный.

— Много же они другъ друга понимали! — замѣтилъ я, засмѣявшись,—да и можно-ли полагаться на показаніе людей, ко-

торые едва-едва понимаютъ, и говорятъ лишь по русски: моя — твоя!... Человѣку, незнающему ни языка, ни изворотливости въ отвѣтахъ, трудно вести секретные переговоры съ мусульманами!...

— Послѣ отъѣзда губернатора, Кази-Магометъ сказалъ мнѣ,— отозвался переводчикъ,—что отъ губернаторскихъ секретовъ ни «хейръ», ни «зереръ іохтуръ!» то-есть: нѣтъ ни пользы, ни вреда!... больше я ничего узнать не могъ.

— Прошу васъ ничего не разспрашивать,—приказалъ я переводчику;—черезъ нѣсколько дней я буду знать, зачѣмъ пріѣзжалъ губернаторъ. Горды не мастера сохранять секреты, хотя пророкъ и завѣщалъ имъ быть воздержными на языкъ!...

Дѣйствительно, черезъ два дня я уже зналъ о цѣли посѣщенія губернатора. Онъ разспрашивалъ Шамиля: сколько именно онъ отпускаетъ сыну, корнету Магомету-Шафи, денежнаго въ годъ содержанія и доволенъ-ли тѣмъ, что Шафи состоитъ на службѣ? Свѣдѣнія эти я могъ бы доставить его превосходительству и безъ всякихъ секретовъ, которые лишь встревожили семейство военно-плѣннаго, возбуждая подозрѣніе, что корнетъ Шафи, вѣроятно, жаловался на отца военному министру.

Съ трудомъ я могъ убѣдить подозрительныхъ поклонниковъ Магомета, что Магометъ-Шафи не способенъ на такой поступокъ.

До сихъ поръ не могу понять, почему и на какомъ основаніи г. Лерхе старался вмѣшиваться въ дѣла Шамиля, тогда какъ ни я, ни военно-плѣнные не были ему подчинены, и другіе губернаторы не заявляли ничѣмъ подобнаго притязанія.

По дѣлу зятьевъ Шамиля я получилъ отъ начальника управленія иррегулярныхъ войскъ слѣдующее конфиденціальное сообщеніе:

«Вполнѣ соглашаюсь съ вами, что, при томъ положеніи, до котораго дошла ссора въ семействѣ Шамиля, скорое отдѣленіе обоихъ зятей отъ семейства тестя сдѣлалось настоятельною необходимостью. Такъ какъ Абдурагимъ самъ пожелалъ поступить на службу и соглашается служить въ какомъ-либо кавалерійскомъ полку, находящемся внутри Россіи, то съ этой стороны представляется затрудненіе только въ желаніи его — взять съ собою жену

свою. Но я полагаю, что если ему объяснить всѣ неудобства этого предположенія и обѣщать, что будутъ его отпускать въ Калугу для свиданія съ женою, то онъ и самъ отступится отъ своего намѣренія, по крайней мѣрѣ, на первое время, пока онъ не освоится съ новою для него жизнію военнослужащаго. Для окончательнаго рѣшенія этого дѣла, я прошу васъ сообщить мнѣ, въ какой именно изъ кавалерійскихъ полковъ пожелалъ бы Абдурагимъ поступить на службу, нужно-ли ему назначить какое-либо содержаніе отъ казны, или Шамиль удѣлитъ ему часть изъ своего содержанія, и согласенъ-ли Абдурагимъ, хотя на первое время, отправиться въ полкъ безъ жены? Можно объявить ему, что ему будетъ дозволено носить на службѣ азіатскую одежду и вооруженіе, если онъ самъ не пожелаетъ обмундироваться по формѣ полка, въ который поступитъ.

«Что же касается до Абдурахмана, то желаніе его служить только въ Дагестанѣ, или въ г. Тифлисѣ, не можетъ быть исполнено, такъ какъ кавказское начальство не соглашается на возвращеніе на Кавказъ ни одного изъ зятьевъ Шамиля. Затѣмъ, для отвращенія печальныхъ послѣдствій, могущихъ произойти изъ взаимной ненависти между Кази-Магомою и Абдурахманомъ, можетъ быть, понадобится удалить послѣдняго изъ Калуги на постоянное жительство подъ надзоръ полиціи въ одинъ изъ ближайшихъ къ Калугѣ городовъ, дозволивъ ему взять съ собою и жену его, если она сама пожелаетъ за нимъ послѣдовать и если Шамиль не приметъ за чувствительное и тяжкое оскорбленіе для себя удаленіе отъ него дочери. Отправленію Абдурахмана изъ Калуги можно дать видъ или наказанія за неуваженіе главы семейства и за смуты, производимыя въ его домѣ, или снисхожденія къ собственной его просьбѣ—отдѣлить его отъ семейства его тестя. Изъ этихъ двухъ способовъ надобно предпочесть послѣдній, но если, по несговорчивости Абдурахмана или по другимъ уважительнымъ причинамъ, способъ этотъ окажется неудобоисполнимымъ, то придется по необходимости прибѣгать и къ первому. Здѣсь опять встрѣчается вопросъ о содержаніи: согласится ли Шамиль назначить ему содержаніе отъ себя, или надобно ему опредѣлить особое отъ казны и, въ послѣднемъ случаѣ, въ какомъ размѣрѣ? Прошу васъ увѣдомить меня объ этомъ, а также и о томъ, не нужно ли будетъ, въ случаѣ удаленія Абдурахмана въ другой городъ, назначить для надзора за нимъ особое лицо, и какое потребуется тогда назначить ему содержаніе?

«Я не упомянулъ еще объ одномъ способѣ, на который указалъ самъ Абдурахманъ: оставить его въ Калугѣ, но перевести въ другой домъ. Если можно положиться, что Абдурахманъ, живя въ одномъ городѣ съ своимъ тестемъ и старшимъ сыномъ его, будетъ самъ избѣгать всякихъ случаевъ къ опаснымъ столкновеніямъ съ послѣдними, и не подвергнется и съ ихъ стороны преслѣдованіямъ, то, конечно, этотъ способъ былъ бы самымъ лучшимъ для

водворенія спокойствія въ семействѣ Шамиля и избавилъ бы насъ отъ многихъ лишнихъ хлопотъ; но и въ этомъ случаѣ нужно также озаботиться о содержаніи Абдурахмана, то-есть: въ случаѣ, если Шамиль не приметъ его содержанія на свое попеченіе, опредѣлить какое необходимо ему содержаніе отъ казны, а также, при принятіи Шамилемъ всѣхъ издержекъ на себя, не нужно ли будетъ отнести на счетъ казны наемъ квартиры для Абдурахмана, такъ какъ и для самого Шамиля квартира нанимается независимо отъ выдаваемаго ему содержанія. Вообще, прошу васъ написать полное соображеніе о денежныхъ издержкахъ отъ казны на содержаніе обоихъ зятьевъ Шамиля сверхъ того, что согласится удѣлить имъ тесть на содержаніе, если только онъ согласится.

«Если я что нибудь упустилъ изъ вида въ этихъ соображеніяхъ, то прошу дополнить ихъ вашими замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы, по полученіи отъ васъ отвѣта, можно было, не теряя времени на переписку, сдѣлать окончательныя распоряженія. При этомъ, кстати, я желалъ бы получить отъ васъ свѣдѣніе, въ какомъ положеніи находятся денежныя дѣла Шамиля, и какъ онъ ведетъ свое хозяйство».

Послѣ новыхъ совѣтовъ, переговоровъ, увѣщеваній, секретовъ и увертокъ, ни къ чему ровно меня не приведшихъ, я отвѣчалъ генералу Карлгофу письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Начиная съ матеріальной стороны этого дѣла, я долженъ сказать, что на денежное участіе въ немъ Шамиля расчитывать нечего! Прилагаемыя при немъ выдержки изъ моего «Частнаго дневника» послужатъ тому ручательствомъ, объяснятъ вамъ денежное положеніе дѣлъ Шамиля и методу его хозяйственныхъ соображеній.

«Въ отношеніи опредѣленія на службу Абдурагима, всѣ почти затрудненія устранены: онъ желаетъ быть зачисленнымъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, или, въ случаѣ невозможности исполнить это желаніе, въ одинъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, вблизи С.-Петербурга или Калуги расположенныхъ. Жена его, Фатиматъ, на первое время остается при семействѣ Шамиля. Назначеніе Абдурагиму отъ казны содержанія, до производства въ офицеры, по 240 руб. сер. въ годъ я считаю весьма достаточнымъ. Право ношенія на службѣ азіатскаго костюма и вооруженія должно быть Абдурагиму предоставлено, хотя вѣроятнѣе всего, онъ самъ въ послѣдствіи пожелаетъ надѣть полковую форму.

«Причина увеличенія Шамилю первоначально отпускаемаго содержанія мнѣ неизвѣстна, но если прибавка 5 тысячъ руб. въ годъ состоялась вслѣдствіе прибытія къ нему изъ Дагестана зятей Абдурахмана и Абдурагима, то, по моему мнѣнію, выбытіе тѣхъ же зятей не должно бы вводить правительство въ лишніе расходы и необходимая на ихъ отдѣльное содержаніе сумма, по

всей справедливости, могла бы быть отнесена на счетъ получаемыхъ Шамилемъ 15 тысячъ руб. въ годъ; между тѣмъ, я обязанъ доложить вамъ, что малѣйшее ограниченіе денежнаго содержанія будетъ для Шамиля весьма непріятно.

«Затѣмъ, мнѣ остается просить васъ ускорить рѣшеніемъ опредѣленія на службу Абдурагима, послѣ чего легче будетъ покончить дѣло его старшаго брата Абдурахмана, выказывающаго упорную несговорчивость. Высылка Абдурагима по назначенію не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, и онъ, по полученіи подорожной и прогоновъ, можетъ совершить переѣздъ безъ провожатаго, что будетъ экономнѣе.

«Вслѣдствіе странныхъ притязаній, устройство положенія Абдурахмана болѣе затруднительно: онъ, какъ бы не понимая объявленнаго ему многократно отказа, сперва упорно настаивалъ на выѣздѣ съ женою на родину, а потомъ рѣшился на перемѣщеніе изъ дома Шамиля на особую, по отводу отъ казны квартиру, съ отпускомъ ему отъ казны же на содержаніе семейства, состоящаго изъ трехъ душъ, по 1,500 р. въ годъ, съ выдачею единовременно на покупку лошадей, экипажа и обзаведеніе хозяйствомъ 500 р., и тому подобное.

«Столь странное домогательство Абдурахмана не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, но какъ отдѣленіе его отъ семейства Шамиля сдѣлалось настоятельною необходимостью, то я, основываясь на заявленномъ мнѣ Кази-Магометомъ желаніи, въ отстраненіе опасныхъ столкновеній, полагаю лучшимъ по крайней мѣрѣ на годъ, перевести Абдурахмана изъ Калуги въ другой городъ, подчинить его надзору мѣстной полиціи, отвести квартиру съ отопленіемъ, и отпускать отъ казны содержанія: если онъ будетъ отправленъ одинъ—240 р., а съ женою 340 р. въ годъ. Для отвоза Абдурахмана къ мѣсту новаго назначенія, можетъ быть командированъ переводчикъ Туринскій, или рядовой мѣстной жандармской команды.

«Разрѣшая высылку Абдурагима на службу, я прошу васъ снабдить меня предложеніемъ, относящимся собственно до Абдурахмана, одною почтою позже. Быть можетъ, въ промежутокъ этого времени, я успѣю примирить Кази-Магомета съ Абдурахманомъ, и Шамиль позволитъ послѣднему по прежнему жить въ Калугѣ, что избавитъ казну отъ совершенно лишнихъ расходовъ».

VIII.

Имѣя основаніе быть недовольнымъ несговорчивостью и другими выходками Абдурахмана, но при всемъ томъ сознавая, что высылка его изъ Калуги въ качествѣ преступника была бы довольно крутою мѣрою—мѣрою даже отчасти несправедливою въ отношеніи человѣка, добровольно прибывшаго къ Шамилю изъ

Дагестана и не считавшагося ни плѣннымъ, ни ссылочнымъ, я всѣми силами сталъ хлопотать дать дѣлу такой оборотъ, который избавилъ бы правительство отъ лишнихъ издержекъ. Зная, что причиною происходившихъ въ домѣ военно-плѣннаго дрязгъ былъ не одинъ только Абдурахманъ, но вся почти семья Шамиля, я принялъ намѣреніе примирить враждующихъ, хотя, по запутанности дѣла, исполненіе этого становилось весьма труднымъ; такъ, напримѣръ:

Опредѣленіе Абдурахмана на службу въ Россіи — было невозможнымъ, по нежеланію его служить въ Россіи.

Желаніе его быть отправленнымъ на Кавказъ — не было въ видахъ правительства.

Желаніе его быть перемѣщеннымъ изъ дома имама на особую въ Калугѣ квартиру — не могло быть удовлетворено вслѣдствіе отзыва Кази-Магомета, что если Абдурахманъ останется въ Калугѣ, то онъ самъ будетъ просить о переселеніи въ другой городъ.

И, наконецъ, противу перемѣщенія въ другой городъ, Абдурахманъ поднялъ ужасный ропотъ, считая эту мѣру вонiющею несправедливостью.

Глава семейства, Шамиль, хотя держалъ себя далеко отъ дѣла, повторяя просьбу: чтобы его не вмѣшивали въ ссоры, не безпокоили ни жалобами, ни вопросами, но, по чувству фанатизма, желалъ, чтобы зятья не оставляли его дома для служенія невѣрнымъ!...

Катастрофа, о которой я намѣренъ разсказать, помогла сбить спѣсь съ потомка пророка и сдѣлать его сговорчивѣе.

Наканунѣ новаго года, временно проживавшій въ г. Калугѣ оптикъ Зальцфишъ пригласилъ къ себѣ Абдурахмана съ цѣлью провести время за билліардомъ. Игра началась съ четвертака и кончилась огромнымъ кушемъ. Не отрываясь отъ билліарда ровно цѣлыя сутки, Абдурахманъ забастовалъ только тогда, когда выигралъ отъ амфитріона 500 руб., въ число которыхъ получилъ бинокль въ 25 руб. и 25 руб. деньгами. Зальцфишъ обѣщался расчитаться съ Абдурахманомъ на слѣдующій затѣмъ день.

Поразмыславъ хорошенько, что разстаться съ 500 руб. очень непріятно, Зальцфишъ, при требованіи Абдурахманомъ уплаты достальныхъ 450 рублей, отозвался, что весь проигрышъ, состав-

лявшій 50 руб., и именно за програнныя 500 ставокъ или партій по 5 копѣекъ, онъ заплатилъ, а потомъ, спохватившись, что 500 ставокъ по 5 коп. составляетъ только 25 руб., сталъ увѣрять, что они играли каждую партію по гривеннику. Возникла жалоба, оставленная мною безъ послѣдствій, на томъ основаніи, что какъ игра истца и отвѣтчика происходила глазъ-на-глазъ, безъ свидѣтелей, то показанія обоихъ были юридически бездоказательными. Не подлежало, впрочемъ, сомнѣнію, что оптикъ проигралъ Абдурахману не 50, но 500 рублей.

— Знаетъ-ли Шамиль о твоемъ выигрышѣ?—спросилъ я вторично пришедшаго ко мнѣ съ жалобою на Зальцфиша Абдурахмана.

— Знаетъ; я ему разсказывалъ объ этомъ.

— Какого же онъ мнѣнія о твоемъ дѣлѣ?

— Онъ сказалъ, что если я уже выигралъ отъ жида (яхуди) 500 руб., то и долженъ ихъ получить, потому что неполученіе денегъ будетъ со стороны невѣрнаго «яхуди» (еврея) насмѣшкою надъ правовѣрнымъ магометаниномъ!... Помоги мнѣ, — присовокупилъ Абдурахманъ, — взыскать выигрышъ, или позволь жаловаться полиціймейстеру.

— Если Зальцфишъ, по совѣсти, не расчитается съ тобою. то принудить его къ уплатѣ проигрыша нельзя; поэтому я совѣтую тебѣ оставить это дѣло, и довольствоваться полученнымъ. Впрочемъ, я попробую уговорить Зальцфиша, чтобы онъ далъ тебѣ еще нѣсколько вещицъ или денегъ.

— Нѣтъ! я хочу получить всѣ деньги, я хочу, чтобы дѣло мое рѣшилось по закону, — сказалъ Абдурахманъ.

— Безъ доказательствъ, безъ свидѣтелей, ты ничего не выиграешь по закону.

— Ну, такъ разсудите насъ по «шаріату».

— И по шаріату ты проиграешь,—отвѣчалъ я, засмѣявшись,— потому что коранъ запретилъ азартныя игры!... о чемъ говорится въ 92-мъ стихѣ 5-й главы этой книги.

— При Магометѣ, мусульмане не играли въ биллiардъ!—сказалъ Абдурахманъ изворачиваясь.

— За то отлично играли въ кости, — отвѣчалъ я.

Абдурахманъ замолчалъ, понявъ, что дѣло его проиграно и по шаріату.

Убѣдившись, что вмѣшательство полиціймейстера не принесло бы ему пользы, и что Зальцфишъ рѣшился положительно отказаться отъ проигрыша, Абдурахманъ составилъ планъ самостоятельнаго дѣйствія по обычаю мюридовъ Дагестана! Спустя три дня, онъ, отправившись съ братомъ къ Зальцфишу, пригласилъ его въ биліардную на мировую и, заставивъ послѣдняго сыграть партію съ гостемъ, самъ, улучивъ удобную минуту, спустился внизъ въ магазинъ. Въ присутствіи находившихся тамъ прикащиковъ, не ожидавшихъ набѣга, Абдурахманъ, въ качествѣ покупателя, открылъ ящики, выбралъ золотые часы, нѣсколько биноклей, лорнетокъ (всего на сумму до 300 рублей) и, все это завернувъ въ платокъ, не расплатясь, сталъ ретироваться къ дверямъ. Такое безцеремонное дѣйствіе показалось прикащикамъ подозрительнымъ, они подняли шумъ, и, стараясь задержать самоуправца, надѣлявшаго ихъ толчками, призвали на помощь хозяина. При крикѣ: «Шамили грабятъ! караулъ! помогите!», Абдурахманъ выскочилъ на улицу, сѣлъ въ санки и помчался въ полицію, гдѣ, какъ человѣкъ предусмотрительный, представилъ частному приставу всѣ взятыя изъ магазина вещи, позволилъ себя осмотрѣть въ доказательство, что ничего не утаилъ, и просилъ снять допросъ съ извощика, что онъ, по дорогѣ въ полицію, нигдѣ не останавливался и никуда не заѣзжалъ. Когда потребованный въ часть оптикъ объявилъ, что взятыя Абдурахманомъ вещи на лицо, то онѣ были опечатаны и оставлены въ полиціи до расправы.

Вѣсть о произведенномъ скандалѣ, преувеличенная и украшенная розсказнями, заставила меня поспѣшить на мѣсто происшествія, гдѣ я и узналъ о его подробностяхъ. Зальцфишъ, разсказывая мнѣ «о разбоѣ, грабежѣ и чуть не убійствѣ», о томъ, что его соблазнилъ, завлекъ въ игру Абдурахманъ, заключилъ свой разсказъ обѣщаніемъ написать длинную-длинную жалобу. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла не стоитъ труда разсказывать, — оно кончилось тѣмъ, что Зальцфишъ получилъ обратно вещи, и былъ очень радъ дешевой съ носящимъ кинжалъ черкесомъ раздѣлкѣ; а Абдурахманъ получилъ отъ меня порядочный выговоръ и приказаніе оставить оптика въ покоѣ, и не возобновлять требованія по-пустому. Желая по своему дѣлу попробовать счастія въ другой инстанціи, безпокойный потомокъ пророка се-

кретно отправился къ мѣстному губернатору съ просьбой о взысканіи съ Зальцфиша выигранныхъ въ билліардъ денегъ, но и тутъ успѣха не было.

— Зачѣмъ ты ѣздилъ къ губернатору?—спросилъ я его.

— Развѣ мнѣ нельзя ѣздить къ губернатору?—отвѣчалъ онъ вопросомъ.

— Если съ цѣлью жаловаться на меня, то можешь ѣздить сколько тебѣ угодно, но, по дѣламъ другаго рода, отъ меня секретовъ быть не должно! Прими къ свѣдѣнію, что за нарушеніе этого правила, за малѣйшій неприличный поступокъ, я безъ церемоній посажу тебя на гауптвахту!... Въ то время, когда я не знаю какъ покончить твои дрязги съ Кази-Магометомъ, ты еще прибавляешь къ нимъ скандалы, порочишь имя старика имама, заставляешь по городу кричать, что «Шамили грабятъ лавки!...» Теперь пеняй на себя, потому что ты будешь переведенъ изъ Калуги въ другой городъ!—заключилъ я.

Абдурахманъ совершенно сконфузился и сталъ оправдываться тѣмъ, что сдѣлать, по кавказскому выраженію, «чапкунъ» (набѣгъ) на лавку Зальцфиша присовѣтовалъ ему какой-то незнакомый, встрѣтившійся съ нимъ въ театрѣ, офицеръ.

— Такому «алиму», какимъ ты себя считаешь, стыдно слушаться каждаго встрѣчнаго,—сказалъ я Абдурахману.—Если бы ты слушался моихъ совѣтовъ, то въ домѣ Шамиля было бы спокойно и я былъ бы избавленъ отъ необходимости безпокоить правительство перепиской.

— Что же вы мнѣ теперь совѣтуете дѣлать?—спросилъ зять Шамиля, послѣ раздумья.

— То же, что совѣтовалъ прежде: отбросить пустую гордость въ сторону, и попросить Кази-Магомета, чтобы онъ забылъ всѣ неудовольствія, которыя ты причинялъ ему своими выходками! Протяни ему руку, скажи нѣсколько мягкихъ, сладкихъ словъ, и онъ помирится съ тобою; съ своей стороны, и я ему скажу, что пророкъ Магометъ приказалъ прощать братьямъ...

Вслѣдствіе этого разговора, на другой день, въ присутствіи моемъ и старика имама, Абдурахманъ просилъ у Кази-Магомета извиненія, и оба противника протянули руки для примиренія.

— Ты всегда говоришь мнѣ правду,—обратился ко мнѣ Шамиль,—отвѣтишь-ли и теперь по-истиннѣ на мой вопросъ?

— Конечно, отвѣчу.

— Если Абдурахманъ будетъ перемѣщенъ изъ моего дома, казна наймет для него на свой счетъ квартиру и назначитъ денежное содержаніе,—не будетъ-ли это для меня стыдно, не осудятъ-ли меня въ городѣ знакомые?...

— Безъ всякаго сомнѣнія, осудятъ; получая отъ правительства такое огромное содержаніе, неловко вводить его въ лишніе расходы!—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, я очень радъ,—сказалъ старикъ,—что ты съумѣлъ потушить наши семейныя дрязги! За нихъ я вчера сдѣлалъ порядочный выговоръ Кази-Магомету, и надѣюсь, что ссора его съ Абдурахманомъ кончена.

По лицу Кази-Магомета видно было, что онъ очень недоволенъ откровенною рѣчью отца, но, имѣя довольно воли и сдержанности, онъ старался казаться спокойнымъ. Мнѣ стало жаль его; выговоръ, вѣроятно, былъ дѣломъ вмѣшательства Заидат.

— Откровенно скажу вамъ въ глаза,—замѣтилъ я,—что виною всѣхъ непріятностей былъ болѣе Абдурахманъ, чѣмъ Кази-Магометъ. Зять твой надменными выходками, явно выказываемымъ неуваженіемъ, постоянно тревожилъ, раздражалъ его. Намъ остается отъ души благодарить Кази-Магомета, что онъ съ готовностью принялъ предложенное ему примиреніе.

— Я сдѣлалъ это ради спокойствія имама, изъ уваженія къ твоей, полковникъ, просьбѣ. Если уже правительству было угодно назначить на твое мѣсто другаго пристава, то я не хочу, чтобы ты уѣхалъ отъ насъ съ дурнымъ обо мнѣ воспоминаніемъ,—сказалъ Кази-Магометъ.

Шамиль всталъ съ дивана, взялъ мою руку, нѣсколько разъ пожалъ ее, и съ лицомъ, выражающимъ полное спокойствіе и доброту, сказалъ: «Баракяла! менъ сенденъ копъ разыменъ», то-есть: «спасибо, я тобою очень доволенъ», вышелъ изъ гостиной въ залу, прошелъ около двухъ зеркалъ, погладилъ бороду, и, напѣвая зикру, отправился наверхъ въ свой кабинетъ читать книги, дѣлать намазы и бесѣдовать съ женами [1]).

— Простите, полковникъ, за все безпокойство, которое я причинялъ своими дѣлами,—сказалъ мнѣ Абдурахманъ.

---

[1]) Въ книгахъ преданій говорится, что пророкъ Магометъ имѣлъ привычку при каждомъ случаѣ смотрѣться въ зеркало.

— Разбирать ваши дѣла, мирить васъ, давать вамъ добрые совѣты—это моя обязанность,—отвѣчалъ я.

Возвратясь домой, я написалъ генералу Карлгофу коротенькое письмо, въ которомъ увѣдомилъ о послѣдовавшемъ примиреніи.

Наканунѣ примиренія враждовавшихъ, какъ снѣгъ на голову, прилетѣло ко мнѣ письмо отъ капитана Смирнова, моего прежняго кавказскаго сослуживца, съ увѣдомленіемъ, что онъ изъ Москвы поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы явиться военному министру, въ качествѣ офицера, поступающаго на мое мѣсто приставомъ при военно-плѣнномъ Шамилѣ. Не видя надобности скрывать это событіе, я передалъ содержаніе письма переводчику.

На другой день, утромъ, пришла ко мнѣ вся семья Шамиля мужскаго пола, изъявляя сожалѣніе, что имъ приходится разстаться со мною, и передавая, что имамъ не менѣе огорченъ неожиданно выпавшею на мою долю отставкою. Пошли догадки о причинѣ предстоящей мнѣ служебной перемѣны; все калужское общество, удостоивавшее меня своимъ расположеніемъ, заявило мнѣ свое сочувствіе. Замѣна меня другимъ офицеромъ — замѣна, произведенная отъ меня секретно, по обыкновенію губернскихъ городовъ, послужила основаніемъ различныхъ толковъ: одни говорили, что я удаленъ отъ должности по представленію губернатора, другіе—по жалобѣ на меня Шамиля, третьи—по жалобѣ женъ Шамиля, и проч. и проч.;—были даже догадки нелѣпыя — догадки, не дѣлающія чести соображеніямъ догадывающихся и отзывавшіяся клеветою!...

— По-истиннѣ удивляюсь, что тебя берутъ отъ насъ,—сказалъ мнѣ Шамиль при свиданіи,—ты къ намъ привыкъ, мы къ тебѣ привыкли, а теперь пріѣдетъ новый человѣкъ!.. Если ужъ тебѣ нельзя при насъ оставаться, то я просилъ бы визиря прислать къ намъ опять капитана Руновскаго!... Скажи пожалуйста, по какой причинѣ тебя не оставляютъ на мѣстѣ?...

— Право, самъ путаюсь въ догадкахъ,—отвѣчалъ я,—а впрочемъ что будетъ—то будетъ!... Одно могу сказать, что я съ совершенно спокойною честью и совѣстью ожидаю моего преемника.

П. Г. Пжрецлавскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).